

К. В. КУДРЯШОВ

ПОЛОВЕЦКАЯ
СТЕПЬ

ОГИЗ · ГЕОГРАФИЗ · 1948

ЗАПИСКИ ВСЕСОЮЗНОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

НОВАЯ СЕРИЯ

ТОМ 2

К. В. КУДРЯШОВ

ПОЛОВЕЦКАЯ
СТЕПЬ

—
Очерки
исторической
географии
—

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1948

Редактор
академик *Л. С. БЕРГ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая работа проф. К. В. Кудряшова касается исторической географии причерноморских степей. Здесь сообщаются подробные сведения о Половецкой земле. В конце XI и в XII в. половцы занимали пространство между Дунаем и Яиком (Уралом), а также степи Предкавказья. Устанавливаются границы между русскими и половецкими владениями в XII веке.

Путем анализа «Хождения» Пимена по Дону в 1389 г. автор разрешает спорный вопрос о положении хазарского города Саркела («белый дом», «белая вежа» летописей), построенного в 834 г.: он находился на Дону пониже устья р. Иловли, в районе станицы Трехостровянской, близ которой есть речка Сакарка (испорченное Саркелка?).

Каким путем шел в 1185 г. князь Игорь Северский со своим войском из Новгород-Северского на юго-восток, в половецкую землю, об этом существуют разные мнения. На основании тщательного рассмотрения источников, с привлечением подробных географических карт, К. В. Кудряшов дает новое освещение этому вопросу, одинаково важному и для истории, и для географии. Он предлагает новый, и безусловно верный вариант пути Игоря: войско шло между Северским Донцом и его притоком Осколом; у Изюма пересекли Северский Донец, а затем направились к месту, где ныне расположен Славянск. Здесь, как с точностью показывает К. В. Кудряшов, и произошло несчастное для Игоря сражение с половцами.

Во время похода 1103 г. русские князья дошли по Половецкой земле до С у т е н и. Автор устанавливает, что Сутень—

это река Молочная, впадающая в Азовское море (на ней г. Мелитополь). Сю т на тюркских языках значит «молоко».

Эти и другие изыскания К. В. Кудряшова, излагаемые в данной книге, представляют большой интерес и для географа и для историка.

Работы автора в целом представляют оригинальный научный труд по исторической географии, основанный на длительном изучении разнообразных источников и тщательной обработке научных данных.

Л. Берг

ОТ АВТОРА

Вековая борьба русского государства с кочевниками причерноморских степей оставила глубокий след как в летописном рассказе, так и в былинном эпосе. Изучение истории этой борьбы имеет давнюю традицию в нашей исторической литературе. Этой героической странице нашего прошлого и посвящено настоящее исследование.

Основным источником для историко-географического описания Половецкой степи служат русские летописи, «Книга Большого Чертежа» и русские карты XVII—XVIII вв. Отдельные сведения на указанную тему содержат «Акты Московского государства», «Материалы по истории колонизации степной окраины Московского государства», также «Труды» археологических съездов и проч. Специальная литература касается интересующего нас вопроса мало. В кратком очерке Н. Аристова «О земле Половецкой» прослеживается направление двух русских походов в степь (1111 и 1185 гг.). В капитальном труде Бруна «Черноморье» изучается причерноморская степь главным образом античного времени. Голубовский в своем исследовании «Печенеги, торки, половцы» историко-географических вопросов касается редко. Более подробно эти вопросы освещены в работе Ляскоронского «Русские походы в степи», но относятся они преимущественно не к степному району, а к Приднепровью. В советской литературе вопросы исторической географии наших степей VIII—X вв. косвенно затрагиваются в работах М. И. Артамонова (например, «Очерки истории хазар») и др.

До настоящего времени Половецкая степь в историко-географическом отношении все еще остается мало освещенной. Границы Половецкой земли, географическое размещение центров половецких кочевий, пути, связывающие Киевскую Русь с Половецкой землей и Черноморьем, места великих битв русских с половцами,— все эти вопросы выяснены еще недостаточно. Мы до сих пор не имеем точного представления о местонахождении хазарского города Саркела. Не-

известно, где стояли в глубине Половецкой земли города Шарукань и Сугров, до которых дошел в своем замечательном походе Владимир Мономах в 1111 г.; точно так же историко-географическая сторона похода Игоря Северского в 1185 г., направление Солоного и Залозного пути в нашей исторической науке не выяснены и ждут своего исследователя.

Настоящая многолетняя работа состоит из девяти глав, рассматривающих один и тот же географический район, объединенных между собою историко-географическим методом исследования и внутренним содержанием.

В основном, исследование построено на изучении источников, наряду с которыми широко использована и значительная научная литература.

Первые семь глав посвящены разрешению отдельных вопросов, связанных с изучением причерноморских степей. Полученные результаты обобщены в восьмой главе, где дается общая историко-географическая характеристика Половецкой степи в XII в., выясняется русско-половецкая граница, географическое расположение центров половецких веж по летописным данным, направление походных путей, попутно дается географическое определение некоторых городов Руси XII в., которые не были до сих пор приурочены к карте. В приложениях рассмотрены две русские карты, дающие впервые подробное и притом оригинальное изображение района бывшей Половецкой земли.

В процессе научного развития русской исторической географии постепенно выработались требования, согласно которым в число основных ее источников включаются данные топонимики, истории, географии, этнографии и археологии. Если до конца прошлого века не было серьезной попытки использовать археологические данные для историко-географических построений, то это стало обязательным правилом с развитием советской археологии, достигшей в наши дни больших успехов.

В своей работе автор стремился расширить круг привлекаемых данных и применял метод комплексного исследования, сопоставляя не только данные языка, истории, археологии, географии, но там, где это возможно (например в очерке о Саркеле), используя также данные гидрологии, геологических карт и др.

В интересах методики в изложении настоящего труда перед читателем раскрыты исследовательские приемы, которые применялись автором для решения поставленных научных задач. Это можно заметить в очерках о Саркеле, «Слове о полку Игореве», Половецкой Сутени и других очерках.

Текст пояснен серией карт, где графически отображены новые выводы, заключенные в исследовании.

Как известно, историко-географические изыскания весьма трудоемки, требуют кропотливого труда, тщательных поисков, неоднократной проверки полученных данных, преодоления постоянно возникающих затруднений, вызываемых неясностью, недостаточностью или противоречивостью географических данных. С другой стороны с течением времени изменяется и топонимика названий и самый характер местности. Все это осложняет задачу историко-географического исследования. Указания на недочеты будут приняты автором с искренней признательностью.



МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ САРКЕЛА И „ХОЖДЕНИЕ“ ИМЕНА ПО ДОНУ В 1389 г.

Попытки выяснить местонахождение хазарского города Саркела предпринимались исследователями давно и неоднократно. Однако в результате этих разысканий решение задачи подвигалось вперед медленно, главным образом благодаря недостаточно ясным указаниям источников. Первые и наиболее полные сведения о Саркеле дает византийский историк Константин Багрянородный в своем сочинении, написанном около середины X в. Согласно рассказу этого историка, хазары обратились к византийскому императору Феофилу с просьбой о построении для них крепости. Исполняя эту просьбу, Феофил направил к ним своего родственника Петруну, который, «прибыв в Херсонес, нашел там суда и, посадив людей на транспортные суда, отправился к тому месту реки Танаиса, где намерен был строить крепость. Так как на месте не было камня, годного для постройки, то он, устроив печи и обжегши в них кирпич, воздвиг из него крепостные строения», для которых известь вырабатывалась из мелкого речного камня. Гарнизон построенной хазарской крепости составляли «ежегодно сменяемые воинские отряды в триста человек»¹.

Построение Саркела Константин Багрянородный относит к периоду царствования Феофила (829—842), но продолжатель хроники Феофана дает более определенные указания, упоминая об основании Саркела перед известием о походе Феофила против арабов в 837 г. Кедрин датой построения прямо называет 834 г., что считается вполне вероятным². Успенский, однако, полагал, что основание Саркела неправильно отнесено к первой половине IX в., и в подтверждение своей мысли ссылается на текст того же Константина Багрянородного: «Когда властитель Алании не живет в мире с хазарами, он может причинить им много зла, устраивая засады и нападая на них, когда они без охраны приходят к Саркелу, Климатам и Херсонесу... ибо хазары, боясь нападения алан и не находя [поэтому] возможности нападать с войском на Херсонес

и Климаты, так как не имеют силы одновременно воевать с обоими, будут принуждены соблюдать мир»³. Основываясь на первой части приведенного отрывка, где Саркел упомянут рядом с византийскими владениями, Успенский делал вывод, что Саркел, якобы, византийская крепость, построенная греками для самих себя, а не для хазар, и не в первой половине IX в., а в первой четверти X в. Подобное заключение, однако, противоречит второй части отрывка, из которой ясно, что Саркел упомянут вначале не в качестве византийской крепости, а для указания одного из путей, которым могут угрожать аланы. Соображения Успенского были решительно опровергнуты Васильевским в его убедительном, хорошо обоснованном исследовании о Саркеле⁴.

Согласно общераспространенному мнению само название «Саркел» обозначает у хазар Белый дом. (У Конст. Багрянородного — *ἡ πόλις λευκή* у продолжателя Феофана — *λευκὸν οἰκῆμα*). Русская летопись перевела наименование города словами «Белая Вежа», по мнению А. А. Куника, «еще вернее греков». Акад. Марр указывает, что «города Приволжья именовались по племенным названиям, как вообще у всех яфетических народов, а не по каким-либо признакам строительства, цветным или иным». Он приходит к выводу, что «название хазарской «столицы» Sarkel мы не имеем основания понять иначе, как город саров, или har'ов, т. е. хазар, т. е. sar в Sarkel не прилагательное, а племенное название великих доисторических строителей городов и весей, т. е. хазар»⁵.

Опираясь на сходство названий «Белый дом», «Белый город», некоторые ученые делали попытку отождествить Саркел с русским Белгородом, стоящим на верховьях Северского Донца, но эта гипотеза не нашла многих приверженцев, так как противоречила всем прочим данным и оказалась несостоятельной. Саркел стоял на Дону, а не на Донце, поставлен был хазарами для защиты своих земель от кочевников, а Белгород построен на Донце в конце XVI в., а не в IX в.⁶.

Другие исследователи готовы были отождествить Саркел или с хазарской столицей Итиль, или с Семендером, приурочивали местонахождение Саркела к месту слияния Донца с Доном у Раздорской станицы, к окрестностям Черкаска, к устью Дона, или же искали на Белосарайской косе северного побережья Азовского моря; отождествляли Саркел и с упоминаемым арабами городом Бейда, что значит по-арабски белая⁷.

Все эти предположения не находили для себя надлежащего обоснования и не могли достичь решения поставленной задачи, но они содействовали лучшему уяснению вопроса. Из известного летописного описания путешествия Пимена по

Дону в 1389 г. привлечено было указание на стоявшее на нижнем Дону городище «Серклия», мимо которого проезжали путешественники; однако недостаточная географическая точность этого указания не могла устранить разногласия среди исследователей.

Поиски Саркела вступили в новую стадию, когда в научный оборот был введен археологический материал, добытый раскопками. Постепенно определились два основных взгляда по разбираемому вопросу о Саркеле. До недавнего времени большинство исследователей, придерживаясь летописного описания путешествия Пимена, помещало Саркел в том месте Дона, где он сближается с Волгой, т. е. примерно в районе Качалинской станицы или несколько выше ее. Этого мнения держались Карамзин, Эверс, Дорн, Леонтьев, Иловайский, Голубовский, Платонов, Середонин⁸.

Другие ученые, опираясь на археологические данные, предлагали искать хазарскую крепость значительно ниже на Дону, около станицы Цымлянской. Здесь были исследованы два городища: одно на правом, а другое на левом берегу Дона. Впервые оба городища были описаны еще в начале XIX в. Позднее, в 1880-х гг., здесь были произведены значительные археологические раскопки, которые обогатили ученых новым материалом для суждения о Саркеле. Совсем недавно было выполнено тщательное и методически организованное археологическое исследование этих городищ. В результате собранные данные позволяют составить довольно ясное представление об изученном памятнике прошлого.

Правобережное городище, находящееся в 7 километрах ниже станицы Цымлянской, расположено на самом берегу Дона и заключено между двумя глубокими балками. Вершины их почти сходятся друг с другом, придавая площадке городища форму треугольника, основанием которого служит берег Дона. Стороны этого треугольника тянутся на 250—350 шагов. Высота берега здесь достигает 70 метров над уровнем реки. Склоны балок такой же крутизны и высоты. Все укрепление окружено глубоким рвом. Столь выгодное местоположение в связи с сильными крепостными сооружениями делало городище в военном отношении по тому времени почти неприступным. Остатки разрушенных стен состоят из белых известковых камней, имея около 4 метров в ширину и почти полтора метра высоты⁹.

Левобережное городище расположено восточнее предыдущего на невысоком берегу старого русла Дона в 4 километрах от современного русла реки. Городище состоит из самого города, обнесенного кирпичными стенами, и примыкающего к нему «предместья», защищенного с внешней стороны валом

и широким рвом, в который, очевидно, напускалась вода из старого русла. Кирпичная крепость имела форму вытянутого четырехугольника, размером 180×125 метров, по углам которого стояли массивные четырехугольные башни. Оборонительные стены и другие кирпичные постройки, по заключению археолога М. И. Артамонова, «были возведены без фундаментов и сложены на извести из кирпичей квадратной формы», они имели почти 4 метра толщины. Внутри крепости находились жилые и хозяйственные постройки и, «быть может», помещалась христианская церковь¹⁰.

По мнению советских археологов оба городища во всяком случае существовали в IX и X вв. Новейший исследователь Артамонов, обстоятельно изучивший в археологическом отношении эти городища, полагает, что левобережное поселение, судя по найденным византийским монетам и другим предметам, несомненно существовало с IX по XI в. или даже с IX по XII в., а правобережное поселение «больше всего напоминает известные городища салтово-маяцкого типа», оно «возникло как сильная крепость» и, «повидимому», раньше левобережного городища¹¹.

Опираясь на археологические данные, местный историк Донского края Попов еще в конце XIX в., на IX археологическом съезде, высказал предположение, что хазарский город Саркел находился на месте левобережного городища. «Склоняясь» к мнению «местных исследователей» старины (1820—1840 гг.), Попов в защиту отождествления левобережного городища с Саркелом высказывал следующие соображения:

1) «Остатки кирпичных стен» на левобережном городище, по его мнению, представляют «очевидные» признаки сооружения крепости Саркела, описанные у Константина Багрянородного, тогда как прочие обнаруженные к тому времени городища «не имеют ничего подобного в сравнении с Цымлянскими».

2) Обнаруженные на городище археологические находки указывают на связь с Херсонесом Таврическим, что соответствует известиям о сношениях Хазарии с этими пунктами.

3) Само название Саркела—Белая гостиница, Белая усадьба, Белый дом, Белая вежа «не происходило ли от правобережного укрепления, сооруженного исключительно из белых тесаных камней?»

4) Упоминаемый в описании путешествия Пимена перевоз, по мнению Попова, соответствует той донской переправе, которая находится в четырех с половиной верстах выше правобережного городища, куда «еще недавно сходились два чумацких шляха, один с Волги... а другой из степей Манычских, и скотопрогонная дорога с Кавказа»¹².

Высказывая вышеприведенные соображения относительно Цымлянских городищ, Попов осторожно воздерживается от окончательного вывода, и, «не решаясь утверждать, что это был именно хазарский город Саркел», он полагает, что «безошибочное решение его будет зависеть от дальнейших разысканий на месте и при более тщательном изучении направления древних путей между Волгой и Доном и сохранившихся памятников старины»¹³.

Мнение Попова не встретило признания на IX археологическом съезде, но, судя по протоколам, критика со стороны оппонентов также не получила силы решающих доказательств¹⁴. Вопрос о Саркеле, таким образом, продолжал оставаться нерешенным. Ближайшие за тем годы мало подвинули его решение вперед. Вестберг в своей статье «К анализу восточных источников» в 1908 г. лаконически заявил: «Саркел лежал... вблизи Цымлянской станицы, что, на мой взгляд, вполне доказано Поповым»¹⁵. Однако своего категорического суждения он не подкрепил ни одним новым аргументом, оставив читателя в недоумении, что же именно убедило этого автора в том, в чем и сам Попов не был уверен.

В действительности категорическое, но недоказанное утверждение Вестберга оставило вопрос о Саркеле пребывать по-прежнему в том же неопределенном состоянии. Специалист по исторической географии, проф. С. М. Середонин, по поводу возникшей полемики, взвесив доводы «за» и «против», справедливо заметил: «Полемика эта поучительна в том отношении, что она лишний раз заставляет исследователя держаться показаний источника возможно ближе. Поэтому мне представляется, что мы не имеем права пройти мимо показаний «Хождения» митрополита Пимена о Серклии»¹⁶.

В настоящее время, принимая во внимание новейшие археологические данные, академик Готье склонен отождествить с хазарским Саркелом правобережное Цымлянское городище, полагая, что «правобережный замок, сложенный из белого камня, и должен быть Белой вежей, выстроенной хазарами для защиты пограничного торгового города и ведущих к нему путей»¹⁷. Новейший исследователь упомянутых городищ, проф. Артамонов, собрав значительный археологический материал и сопоставив его с летописным описанием «Хождения» Пимена, пришел к выводу, что за Саркел следует считать левобережное Цымлянское городище, в защиту чего привел обстоятельные и подробные соображения, стараясь согласовать археологические данные с летописными показаниями. В своей книге «Средневековые поселения на Нижнем Дону» он прямо указывает на левобережное городище как на «единственное соответствующее признакам

Саркела по описаниям византийских авторов» и убежден, что «исторические сведения о Саркеле вполне отвечают материалу, найденному на левобережном городище»¹⁸.

Судя по более поздним работам того же автора, у него в правильности такого решения о Саркеле не возникает сомнений; по крайней мере в предисловии к своей книге по истории хазар он пишет, что «из всех многочисленных хазарских городов, имена которых известны, определены местонахождение и остатки только одного—Саркела»¹⁹. Наконец в своем уже недавнем печатном выступлении тот же исследователь по поводу Саркела снова говорит: «Истинное местоположение этой хазарской крепости впервые было не только указано, но и доказано Х. И. Поповым. Она помещалась на левом берегу Дона, вблизи станицы Цымлянской, у хутора Попова, где доныне сохранились ее остатки в виде значительного городища с признаками, полностью соответствующими описанию Саркела у Константина Багрянородного»²⁰. Сознвая, что для определения местонахождения Саркела в описании путешествия Пимена заключены ценные и важные указания, М. И. Артамонов подвергает их подробному исследованию, в результате которого, как было сказано выше, находит, что эти указания не противоречат тому, чтобы местонахождение Саркела отнести к левобережному городищу²¹. Эту уверенность, что местонахождение Саркела точно установлено, разделяют и некоторые другие современные исследователи, высказавшиеся об этом в печати²².

Насколько известно, указанные выводы археологов не подвергались критике в той части, которая касается соответствия географического описания путешествия Пимена с найденными археологическими данными. Осветить именно эту тему и ставит своей целью настоящий очерк.

Чтобы точнее судить о показаниях «Хождения» Пимена относительно Саркела, прежде всего необходимо вспомнить текст летописного описания путешествия Пимена по Дону в 1389 г. Автором «Хождения» считается дьякон Игнатий, смоленский уроженец, который находился в числе спутников Пимена²³.

Свое путешествие из Москвы Пимен²⁴ начал 13 апреля, во вторник «страстной» недели. Пройдя через Коломну и Перевитск²⁵, он в воскресенье 18 апреля достиг Переяславля Рязанского (нынешней Рязани). Здесь он с большим почетом был принят князем Олегом Рязанским, который поручил «боярину Станиславу с довольною дружиною» в качестве вооруженной охраны проводить Пимена до реки Дона, причем дал путешественникам три струга и насад на колесах, необходимые для плавания. Из Переяславля вышли в воскресенье 25 апреля (в неделю «Фомину»), в четверг 29 «приидохом» к

Дону и спустили на него суда. Отсюда на второй день «приидохом» до «места», носившего название «Чур-Михайловы», где «некогда бо тамо и град был». Здесь Пимен простился с провожавшими его рязанцами, которые «от того места возвратившася в свояси», а сам, севши со своими спутниками на суда, в воскресенье 2 мая (в неделю «мироносиц») «поплыхом» вниз по Дону. После рассказа о посадке на суда и о начале плавания автор тут же дает яркую характеристику пустынных, незаселенных берегов Дона, где в лесах водилось множество диких зверей.

Из Чур-Михайловых поплыли вниз по Дону в воскресенье 2 мая; в ближайшие дни миновали реки Мечу и Сосну, прошли Острую Луку, затем Кривой Бор и, наконец, 8 мая достигли устья реки Воронежа. Сюда на другой день прибыл с дружиной князь Юрий Елецкий, извещенный Олегом Рязанским о плавании Пимена. В течение следующих дней, 9—15 мая (неделя «расслабленного»), путешественники проплыли мимо устья реки Тихой Сосны, где видели «столпы камены белы, дивно же и красно стоят рядом, яко стози малы, белы же и светли зело, над рекою над Сосною»²⁶; миновали реки: Червлёный Яр, Битюг и Хопер. В воскресенье пятой недели 16 мая миновали: реку Медведицу, горы Высокие и Белый Яр реку, в понедельник — горы Каменные Красные, во вторник миновали «град Серклию», («не град же убо, но точию городище»), а также «Перевоз», где впервые встретили «татар много зело»; в среду прошли Великую Луку и «царев Сарыхозин улус»; в пятницу 21 мая миновали Червлёные горы; в понедельник шестой недели прошли Бузук реку, и через день в среду «в канун вознесеньева дня приспехом плывуще до моря града Азова»²⁷.

Согласно подсчету проф. Артамонова, «расстояние от Воронежа до Медведицы, по «Книге Большого Чертежа» равное 350 верстам, Пимен проплыл в семь дней», а плавание ниже Медведицы совершалось значительно быстрее. Из текста «Хождения Пимена» известно, что от Медведицы до «Серклии» суда Пимена дошли на третий день. Исходя из предположения, что Саркел отождествляется с Цымлянским городищем, и приняв расстояние между Медведицей и Цымлянской равным примерно 425 км, Артамонов вычислил, что в этом случае «скорость движения судов доходила до 150 км в сутки», т. е. мы имели почти втрое большую скорость, чем от Воронежа до Медведицы. В оправдание подобной стремительности движения судов делается ссылка на «быстроту вешней воды»²⁸, а столь значительное несоответствие в скорости судов на разных участках Дона объясняется тем, что будто бы на протяжении от Воронежа до Медведицы у Пимена должны

были происходить «остановки», замедлявшие плавание, так как «передвижение происходило в стране заселенной», тогда как ниже Медведицы до «Перевоза» у Цымлянской начинался край, «совершенно пустынный и безлюдный»²⁹.

Если же, напротив, предположить, что Саркел находился где-то у станицы Качалинской, то, хотя в этом случае «Пимен и ниже Медведицы двигался примерно с той же скоростью, что и раньше», все же и здесь придется допустить на известном участке большую скорость движения, а именно: «миновав 18 мая Саркел, Пимен 22 мая был уже в Азове», и, следовательно, он «расстояние примерно в 550 км сделал в течение четырех суток», проходя в день «более 130 км», тогда как «при допущении Саркела у станицы Цымлянской скорость движения на промежутке от Саркела до Азова падает до 80 км»³⁰.

Как видно из сказанного выше, при том и другом предположении неизбежно получается большая разница в скорости движения на разных участках Дона; в этом отношении, казалось бы, ни один из вариантов не является убедительнее другого. Но, сопоставляя оба предположения, Артамонов полагает, что «легко» решить, какой из предложенных вариантов больше соответствует действительности, и высказывается в пользу первого, позволяющего отождествить Саркел с Цымлянским городищем, причем упоминаемый в «Хождении» Пимена «Перевоз» на Дону приурочивает к донской переправе, недалеко от левобережного городища, и в общем поддерживает уже изложенные выше доводы Попова.

Таковы те основания, на которых построен вывод, что будто бы данные «Хождения» Пимена не противоречат отождествлению Саркела с левобережным Цымлянским городищем. Надлежит теперь рассмотреть правильность вычислений и степень убедительности аргументов, отстаивающих это мнение.

Прежде всего расстояние от Воронежа до Медведицы по «Книге Большого Чертежа» составляет не 350 верст, а 389³¹. Неясно также, на основании какого источника и каким путем исчислено расстояние от Медведицы до Цымлы «примерно 425 км». На самом деле это число не соответствует ни «Книге Большого Чертежа» (310 верст), ни действительному измерению, установленному по данным нивелировок (519 км)³². Неточно также и вычисление, определяющее расстояние от Качалинской станицы до Азова в 550 верст. В действительности оно составляет около 615 км. Конечно, источником точных сведений о длинах рек «Книга Большого Чертежа» служить не может, потому что в ней подобные расстояния показаны лишь приблизительно, для самой общей ориентировки, пригодной лишь для сторожевых разъездов и станиц XVI — XVII вв.³³.

Известно, что для измерения на картах длин рек существуют специальные довольно тщательно разработанные технические приемы, наиболее же точный способ для определения длины рек—это измерение их на местности путем съемки и нивелировки. К сожалению, М. И. Артамонов не воспользовался результатами инструментальных измерений длины Дона и считал возможным в своем исследовании положиться на поверхностные и приблизительные расчеты, в которых не уберегся от ошибок в вычислениях, положенных в основу важных научных выводов.

Обратимся к более точным данным по измерению длины Дона, которые приведены в «Материалах Доно-Кубанского управления речного транспорта»³⁴. В них расстояние от Воронежа до Медведицы показано равным 620 км. Пимен проплыл его в 7 дней, следовательно, на этом участке пути делал в среднем в день 89 км. Расстояние от Медведицы до Качалинской — 197 км³⁵. Если Качалинскую считать за Саркел, то Пимен, пройдя эти 197 км в три дня (или в несколько меньшее время), делал, значит, в день в среднем около 70 км. Дальнейшее расстояние от Качалинской до Азова, около 615 км³⁶, было пройдено Пименом в 8 дней, и, следовательно, на этом отрезке пути скорость достигала в среднем 77 км в день. Таким образом, средняя скорость движения судов, вопреки расчету Артамонова, изменяется мало и колеблется в небольших пределах от 70 до 89 км, что вполне допустимо.

Если же допустить, что Саркел находился около Цымлянской, то в таком случае расстояние в 519 км³⁷ от Медведицы до Цымлянской — Саркела Пимен прошел в три дня и, следовательно, должен был плыть со средней скоростью около 170 км в день. Столь необычайную скорость движения невозможно объяснить никакой «быстротой движения внешней воды», и полученный результат говорит против отождествления Саркела с Цымлянским городищем.

Путь по Дону от Воронежа до Медведицы и даже ниже до самого «Перевоза» пролегал среди незаселенных пустынных берегов. Это указывается летописным описанием «Хождения», где после рассказа о посадке Пимена и его спутников на суда летопись тотчас же переходит к характеристике местности, растянувшейся по берегам Дона перед глазами путешественников, и дает следующее картинное ее изображение: «Бысть же сие путное шествие печально и уныливно, бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села, аще бо и быша древле грады красны и нарочиты зело видением места, точию пусто же все и не населено; нигде бо видети человека, точию пустыни велиа, и зверей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медведи, бобры, птицы, орлы, гуси;

лебеди, жаравли и прочая; и бяше все пустыни великия»³⁸. Вся эта южная степная окраина русского государства не без основания и в более позднюю эпоху еще носила название «Дикого поля». Южная граница русских поселений Рязанской земли не заходила далее рек Тихой Сосны, Червленого Яра и Битюга³⁹; да и то, по замечанию исследователя, «конечно, так далеко к югу и юго-востоку забегали только отдельные поселки, выдвинутые в степную сторону, далеко от главной массы поселений»⁴⁰. Через сто лет после «Хождения» Пимена, в конце XV в., наиболее отдаленные поселения на Дону не заходили далее Задонска, стоявшего несколько южнее устья Быстрой Сосны.

Приведенные данные свидетельствуют, что вопреки мнению Артамонова пространство вдоль течения Дона от устья Воронежа до Медведицы не было страной заселенной, оно тоже оставалось пустынным, как и от Медведицы до «Перевоза», и, следовательно, разницу в скорости движения судов Пимена нельзя объяснить тем, что будто бы на одном участке суда плыли среди населенной местности, а на другом — мимо пустынных берегов. Никаких указаний на вынужденные «остановки» Пимена ниже устья Воронежа в источнике не содержится, и ссылка на них — необоснованный домысел.

По поводу плаванья Пимена по нижнему Дону указывается на то, что, «миновав 18 мая Саркел, Пимен 22 мая был уже в Азове»⁴¹. В действительности и это не так. Согласно тексту Пимен «в неделю же шестую слепого», т. е. в воскресенье 23 мая, миновал Ак-Бугин улус, в понедельник 24-го — Бузук реку и в «канун вознесеньева дня» доплыли до града Азова. Так как «вознесеньев день» приходился тогда на четверг 27 мая, значит, Пимен приехал 26 мая, а не 22 мая!⁴² Эта ошибка в четыре дня существенным образом исказила все расчеты Артамонова.

Приводим календарь, путешествия Пимена:

- 13 апреля (вторник) Пимен и его спутники вышли из Москвы.
- 17 „ прибыли в Коломну.
- 18 „ (в воскресенье, неделя «светлая»), пройдя Перевитск, прибыли в город Переяславль (нынешнюю Рязань).
- 25 „ (воскресенье, неделя «Фомина») «поидохом» из Переяславля по направлению к Дону.
- 29 „ подошли к Дону и спустили на него суда.
- 1 мая дошли до Чур-Михайловых («сице бо тамо нарицаемо есть место, некогда бо тамо и град был»).
- 2 „ (воскресенье, неделя «мироносиц») из Чур-Михайловых «поплыхом рекою Доном на низ».

Пройдены:

- 4 мая реки: Меча и Быстрая Сосна.
- 5 „ Острая Лука.
- 6 „ Кривой Бор.
- 8 „ устье реки Воронежа.
- 9 „ (воскресенье, неделя «расслабленного» — утром приехал князь Юрий Елецкий).
- 10—15 мая реки: Тихая Сосна, Червлёный Яр, Битюг, Хопер,
- 16 „ (воскресенье, неделя «самарянина») река Медведица, горы Высокие, Белый Яр река.
- 17 „ Горы Каменные Красные.
- 18 „ град Серклий и Перевоз.
- 19 „ Великая Лука, царев Сарыхозин улус.
- 20 „ Бек-Булатов улус.
- 21 „ Червлёные горы,
- 22 „ (воскресенье, неделя «слепого») Ак-Бугин улус.
- 24 „ река Бузук.
- 26 „ (канун «вознесеньева дня») — Азов ⁴³.

* *
*

Обращаясь к описанию путешествия Пимена, исследователи обыкновенно ограничиваются привлечением лишь тех немногих строк, где говорится, что спутники Пимена в воскресенье миновали устье Медведицы, в понедельник — Каменные Красные горы, во вторник же — «град Серклию» и «Перевоз». На этих именно показаниях текста обычно и сосредоточивается все внимание ученых. Между тем, некоторая неопределенность указания на место «Перевоза» делала, тем самым, неясным и местонахождение Саркела. Артамонов совершенно прав, утверждая, что «единственное указание местонахождения Саркела в описании путешествия по Дону Пимена в 1389 г. с одинаковым успехом привлекалось для доказательства разных предположений о месте крепости» ⁴⁴. Справедливость этого замечания Артамонов подтвердил лишний раз на собственном примере.

Вышеупомянутая неопределенность указаний источника может быть, однако, рассеяна, если приурочить к современной карте Дона не два-три географических пункта, а по возможности все, упоминаемые в «Хождении».

Согласно «Хождению» спутники Пимена от Переяславля до Дона ⁴⁵ шли пять дней (25—29 апреля) и, значит, в среднем прошли около 130 верст. Если этот путь пролегал по кратчайшему направлению — Михайлов, верховья Прони,

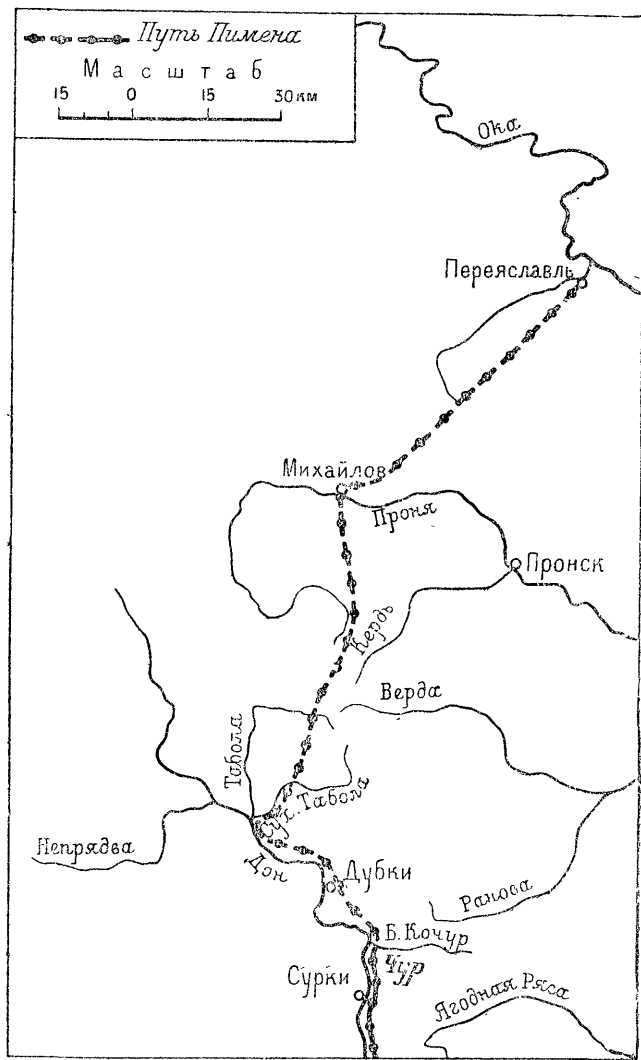
река Табола, Дон — то означенное расстояние действительно весьма близко к 130 верстам⁴⁶. Здесь, около устья Таболы, «спустихом суда» на Дон и повели их вниз по реке до Чур-Михайловых, куда прибыли на второй день плавания, т. е. в субботу 1 мая. Что посадка путешественников на суда произошла не около устья Таболы, а ниже, у Чур-Михайловых, это неудивительно, так как по мелководью Дона в его верхнем течении плавание судов было возможно здесь только весной, при подъеме воды, или же осенью, в дождливое время⁴⁷. На это обращал внимание еще Герберштейн в XVI⁴⁸.

Пимен и его спутники прошли, следовательно, расстояние от устья Таболы до Кочур в два дня, что вполне возможно, так как, считая по сухому пути, это равно примерно 45—50 верстам.

Согласно описанию путешествия, когда суда были спущены на Дон, то «во второй день» плавания они достигли «Чур-Михайловых», о чем сказано: «сице бо тамо тако нарицаемо есть место, некогда бо тамо и град был». Местонахождение Чур-Михайловых до сих пор не установлено. Сближая это название с городом Кир-Михайловым, основанным еще в XII в., некоторые приурочивают упомянутое «место» к городищу Старого Донкова, лежавшего на Дону километрах в двадцати ниже нынешнего Донкова. Другие склонны относить Чур-Михайловых к селам Старое и Новое Киркино (у верховьев реки Кердь, впадающей в Проню) и полагают, что Кир-Михайлов лежал на дороге, ведущей из Переяславля через Пронск и Кир-Михайлов к верховьям Дона⁴⁹. Однако название Чур-Михайловых летопись относит не только к «месту», или урочищу, но и к реке⁵⁰. Так, в летописном описании Куликовской битвы упоминается один русский воин, по имени Фома Кацыбей, который был «некогда разбойник и в покаание приде; бысть же крепок и мужествен зело и того ради поставлен бысть стражем от великого князя на реце Чюре Михайлове на крепкой стороже от татар». В ночь накануне битвы этот воин-разведчик «со сторожи» явился на Непрядву к Дмитрию Донскому с донесением о приближении татар, шедших с юга. Упомянутая сторожа, подстерегавшая приближение татар, следовательно, должна была находиться где-то южнее Непрядвы и Куликова поля. Расположенный в пятидесяти верстах южнее Непрядвы левый приток Дона Кочуры (Кочур), вероятно, и есть искомая река Чур. На ней недалеко от устья находится село Кочуровское, иначе называемое Городище, с чем как раз согласуется и указание текста, что «некогда бо тамо и град был»⁵¹.

Суда Пимена, выйдя из Чур-Михайловых 2 мая, последовательно миновали реки Мечу и Сосну, которые соответству-

ют современным Красивой Мече и Быстрой Сосне; затем путешественники проплыли Острую Луку, прошли мимо Кривого Бора и 8 мая достигли устья реки Воронеж. Острая Лука—



Чур-Михайловы.

это тот резкий и действительно острый зигзаг, который делает Дон в своем течении, начиная от города Задонска. Селение Кривоборье, стоящее на Дону (несколько севернее 52-й параллели), указывает, где находился Кривой Бор, сохранив-

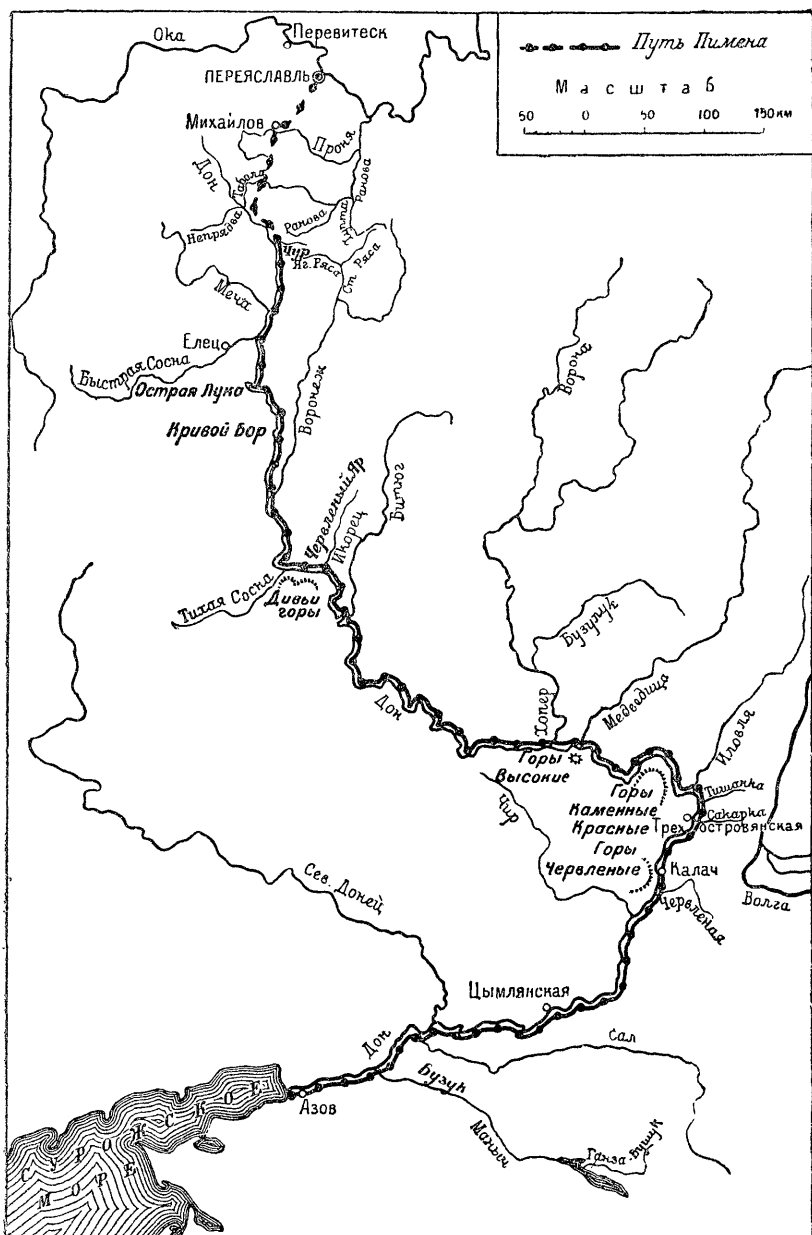
шиеся следы которого отмечены на карте. Что Кривоборье находилось именно здесь, подтверждается воронежскими писцовыми книгами, где возле самого урочища Кривоборья, несколько ниже по Дону, отмечается устье Негочовское. На современной десятиверстке действительно находится селение Негочовка при устье реки Негочовки, впадающей в Дон⁵².

С 9 по 15 мая (в неделю «расслабленного») Пимен миновал последовательно реки: Тихую Сосну, Червлёный Яр, Битюг и Хопер (Похорь). Приурочение этих рек к современной карте не вызывает затруднений, кроме реки Червлёного Яра. Она упомянута между Тихой Сосной и Битюгом, но там реки с таким названием на современной карте нет. Известно, что Червлёным Яром в XIV в. называлась не только река, но также и степное пространство между реками Воронежем и Вороной. Так как в «Хождении» упоминаются более или менее крупные притоки Дона, а между Тихой Сосной и Битюгом единственный крупный приток это — река Икорец, и притом он вытекает из района Червлёный Яр, то, кажется, правильно будет заключить, что Икорец для XIV в. и есть искомая река Червлёный Яр⁵³.

В воскресенье 16 мая Пимен миновал реку Медведицу, горы Высокие и реку Белый Яр. Медведица без затруднения приурочивается к современной реке того же названия. Начиная от устья Медведицы течение Дона делает к северу довольно крутую излучину, обходя приподнятую холмистую местность, где высится отмеченная на карте гора Пирамидная, вблизи которой берут начало мелкие притоки Дона — Холодный, Птаха и другие⁵⁴. С этой горой Пирамидной и могут быть с полным основанием отождествлены «горы Высокие».

Около 25 — 30 верст ниже устья Медведицы в Дон впадают притоки: Ерик Белый и — почти рядом с ним — река Белая⁵⁵. Ерик Белый, имеющий весьма небольшое протяжение, вытекает из старицы — из озера Белый Затон. Течение реки Белой значительно длиннее Ерика. Из указанных двух притоков один и должен соответствовать упомянутой в «Хождении» реке Белый Яр. Известно, что слово «яр» характеризует крутые, обрывистые берега⁵⁶. Обращаясь к карте, можно видеть, что правый берег реки Белой в ее среднем и нижнем течении показан крутым и возвышенным, чего вовсе не наблюдается у Ерика. Следует, таким образом, заключить, что Белый Яр это и есть современная река Белая⁵⁷.

Далее, 17 мая спутники Пимена проехали «горы Каменные Красные». Определение этого географического пункта затрудняется тем, что, очевидно, горы названы «Каменными Красными» по их внешним признакам, которые могли быть заметны взору путешественников, проплывавших на судах мимо.



Хождение Пимена по Дону в 1389 г.

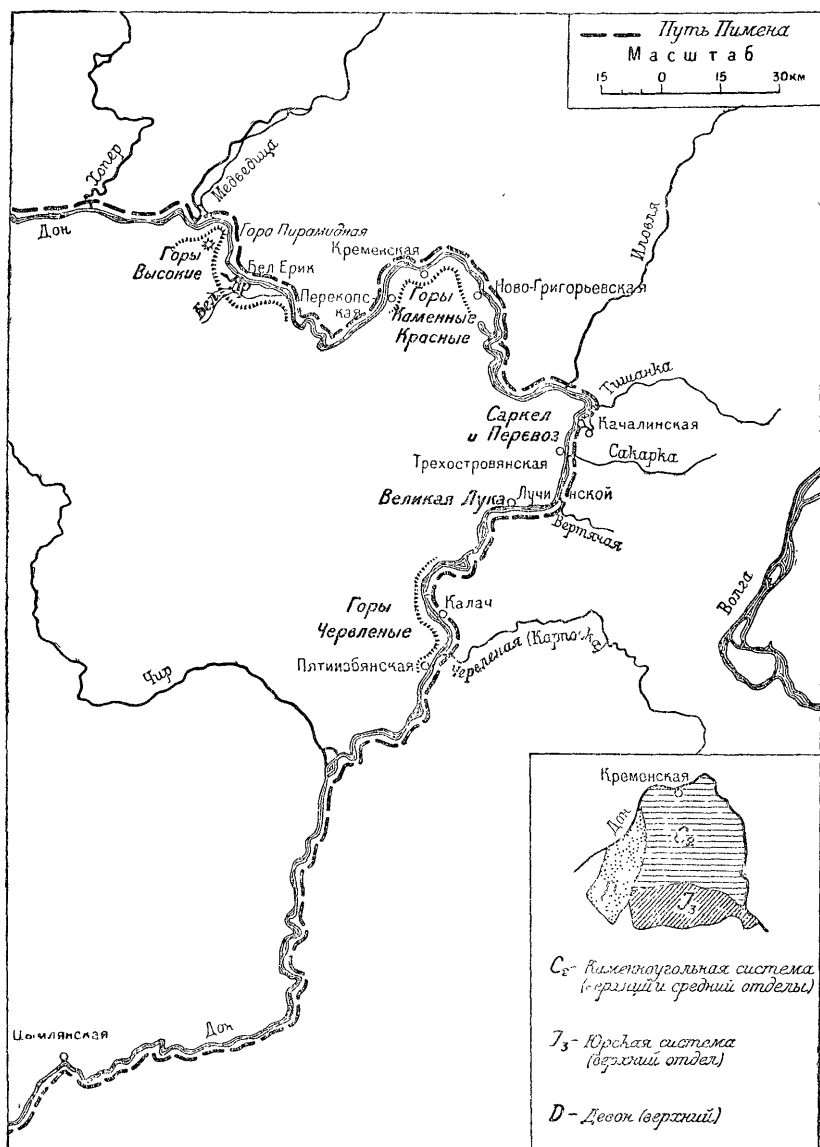
Вследствие этого необходимо, чтобы искомая возвышенность по своему внешнему виду представляла горы не только каменные, но и красные.

Выше было уже отмечено, что на отрезке Дона от Медведицы до Качалинской в среднем суда проходили за сутки около 70 км и, значит, где-то на протяжении этого дневного перехода судов и надлежит искать на карте «Каменные Красные» горы. На этом участке Дон только в одном месте делает большую (в 80 км длиной) излучину, огибая возвышенность, расположенную между станицами Кременской, Перекопской и Ново-Григорьевской. Это заметное повышение рельефа отмечено как на гипсометрической карте, так и на десятиверстке.

Уже само название Кременской станицы намекает на наличие здесь каменистой возвышенности, что подтверждается и названием мелких притоков, впадающих здесь в Дон, а именно: Крутая, Каменная, Каменов и др.⁵⁸. Рассматривая интересующий нас район на геологической карте, можно видеть, что в пределах его ясно выражены отложения юрской системы (верхний отдел), каменноугольной системы (верхний и средний отдел), и девона (верхний)⁵⁹. Так как в девоне большое развитие имеет красны́й древний песчаник, то наличие в данном районе этих отложений вполне объясняет, почему здесь горы получили название «Каменных Красных». Полученный вывод подтверждается также одним из новейших геологических описаний, где говорится, что «в пределах Доно-Медведицкой антиклинали, по реке Арчаде, каменноугольные отложения, слагающие Перекопскую и Кременскую возвышенности, представлены доломитами, известняками и покрывающими их зелеными и красными мергелями»⁶⁰. Приведенные данные дают право отождествить Кременскую возвышенность с «Каменными Красными» горами⁶¹.

На следующий день, 18 мая, Пимен миновал «Серклию» и «Перевоз», где «обретохом» впервые «татар много зело». 19 мая проплыли «Великую Луку» и «Царев Сарыхозин улус». Не останавливаясь пока на определении местонахождения «Серклия» и «Перевоза», отметим, что «Великая Лука» — это большая излучина, которая начинается там, где течение Дона круто меняет широтное направление на меридиональное.

В конце этой луки, при устье реки Песковатки, стоит хутор Лучинской, а немного выше по Дону, при устье реки Вертячей, расположен хутор Вертячий, как раз в том месте, где течение Дона снова круто поворачивает почти под прямым углом на запад⁶². В календаре путешествия Пимена, видимо, отмечен тот день, когда «Великая Лука» была пройдена, т. е. когда миновали ее конец.



Хождение Пимена по Дону в 1389 г. от устья Медведицы до Цыплянской

С момента вступления русских судов в пределы Сарыхозина улуса спутников Пимена «нача... страх одержжати, яко внидохом в землю Татарскую, их же множество обаяпол Дона реки, аки песок»⁶³. 20 мая миновали «Бек-Булатов улус», где «стада же татарские видехом толико множество, яко же ум превосходящ: овцы, козы, волю, верблюды, кони»⁶⁴.

Далее 21 мая проплыли мимо «Червлених гор». Выяснение их местонахождения имеет существенное значение для дальнейших выводов и, в частности, для разрешения загадки относительно места Саркела.

На трехверстной и даже десятиверстной карте нашего Союза в бассейне Дона довольно ясно обозначены даже небольшие возвышенности, но их название указывается редко⁶⁵. Наименование «Червлених» гор на этих картах отсутствует, не упоминается о них и в «Книге Большого Чертежа». Зато изучение наименований рек данного района дает в руки необходимую путеводную нить. Указание на местонахождение Червлених гор дает река Карповка, впадающая в Дон в нескольких километрах от Пятиизбянской станицы. В специальном «Справочнике по водным ресурсам» говорится, что «река Карповка изучена лучше других малых рек бассейна Дона в связи с тем, что находится недалеко от трассы проектируемого Волго-Донского канала в месте наибольшего сближения реки Волги и Дона. Верхняя часть Карповки называется обычно Червленой. Условной границей этих рек служит станица Карповская»⁶⁶.

Итак, река Червленая и Карповка одна и та же. Обратившись к десятиверстной карте, можно заметить, что как раз против устья реки Червленой вдоль правого берега Дона поднимается довольно значительная возвышенность, достигающая 600 футов (свыше 180 м) высоты над уровнем моря согласно отметке на карте⁶⁷. Цепь этих возвышенностей тянется мимо хутора Калача, устья Червленой реки, станицы Пятиизбянской и далее на юг. Выразительным подтверждением наличия здесь возвышенности служит указание гидролога, что «около Калача река Дон сжата с обеих сторон высокими берегами и пойма здесь отсутствует. Это единственное на всем Дону сжатое место реки»⁶⁸. Именно эта возвышенность, расположенная против устья Червленой реки, и представляет, очевидно, те Червленые горы, которые видели спутники Пимена.

В дальнейшем плавании после Червлених гор русские суда 23 мая миновали Ак-Бугин улус, а на следующий день, 24 мая, «проидохом Бузук реку»⁶⁹. Местонахождение этой реки на современной карте в нашей исторической литературе не определено. Высказанное в печати мнение, что Бузук — это

будто бы Бузулук, «левый приток Дона»⁷⁰, принять нельзя, потому что в действительности Бузулук — левый приток Хопра, а не Дона и находится далеко на север от устья Дона. Из описания путешествия Пимена известно, что Бузук миновали 24 мая, а через день достигли уже Азова: значит, Бузук следует искать среди близких к Азову притоков Дона, какими являются Северский Донец, Сал и Маныч. Но подобный вывод еще мало подвигает вперед решение вопроса. Названные притоки расположены на близком расстоянии друг от друга. Мимо устьев всех этих рек Пимен мог пройти в один и тот же день 24 мая, и, значит, к любой из них могло относиться наименование Бузук. Это обстоятельство затрудняет выбор между ними.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что именно в самом названии Бузук и скрыто указание, где находится эта река. Бузук, точнее Бозук — тюркское название, притом давнее, на современной карте не сохранившееся. «Buzuk» по-турецки означает испорченный, плохой, дурной. А в таком случае само значение этого слова и разрешает загадку, потому что столь своеобразная географическая характеристика может обозначать здесь только реку Маныч, которая оказывается поистине испорченной, дурной рекой как по своему режиму, состоянию русла, так и по составу своей совершенно негодной для питья соленой воды.

Географы даже не решаются «порченный» Маныч считать настоящей рекой, утверждая, что в сущности под именем Маныча «разумеется не река, впадающая в Дон, как полагали прежде, а русло и долина», которая большую часть года остается пересохшей, а русло представляет собой «прерывающийся ряд длинных, большей частью соленых или солоноватых озер»⁷¹. «Книга Большого Чертежа», отмечая, что «река Маныча вытекла... из солонцов», дает при этом выразительное представление об этой реке, когда один из ее притоков «Егерлик Сасык» переводит словами: «по-нашему, Гнилой»⁷². Название «Бузук» сохранилось в наименовании речки Ганза-Бушук, ныне Волочайки, которая, впадая в озеро Маныч, служит одним из истоков реки Маныча⁷³.

Приведенные выше данные позволяют с достаточным основанием отождествить Бузук с Манычем⁷⁴.

Прибытием Пимена 26 мая в Азов его путешествие по Дону окончилось.

Сравнивая быстроту движения русских судов после того, как они, миновав Саркел и Перевоз, вступили в пределы населенного района, можно заметить, что они шли не с равномерной скоростью. Объяснение этому дает сам автор «Хождения», упоминая об остановках в пути в следующих словах:

«От татар же никто же нас пообиде, точию воспросиша ны везде: мы же отвещахом, и они слышавше ничто же нам пакости творяху и млеко нам даяху. И сие с миром в тишине плавахом».

Таким образом, мы проследили весь путь Пимена по Дону, приурочив к современной карте почти все географические пункты, упоминаемые в «Хождении». Остается теперь рассмотреть, к какому именно месту следует приурочить Саркел и Перевоз на основании «Хождения» Пимена.

Если местоположение «Каменных Красных» гор, Великой Луки и Червленых гор определено правильно, то тем самым район поисков Саркела ограничивается пределами той части Дона, которая заключена между «Каменными Красными» горами и «Великой Лукой». По смыслу текста «Хождения» Саркел и Перевоз находятся в непосредственной близости друг к другу. «Великую Луку» Дон образует там, где его течение, сближаясь с Волгой, упирается в известную Волго-Донскую переволоку, т. е. возвышенность или водораздел, проходящий здесь между бассейном Волжским и Донским. В месте наибольшего сближения Дона с Волгой расстояние между ними не превышает 60 километров. Самое название этого водораздела «переволокой» объясняется совпадением его с местом древнейшего волока при переправе судов из бассейна Черного моря в Каспийский ⁷⁵.

Известия о подобных переправах с Дона на Волгу идут с весьма давнего времени. По сообщению арабского писателя Масуди (середина X в.), во время похода 913 г. руссы проплыли на судах через Азовское море к устью Дона и, поднявшись вверх по течению, переправились волоком с Дона на Волгу, по которой опустились к ее устью и мимо хазарской столицы вышли в Каспийское море. Известно, что на обратном пути на возвращавшихся руссов напала мусульманская конница Хазарии. Так как, по словам Масуди, для сражения с мусульманами «руссы вышли из своих судов», то, по мнению одного исследователя, вероятнее всего битва произошла около упомянутого волока, где руссам предстояла переправа по сухому пути ⁷⁶. Таким же путем через Дон и Волгу совершили руссы и другой поход на Каспий в 943/44 г., когда они по реке Куре дошли до города Бердаа ⁷⁷.

В 1374 г. итальянский пират Луккино Тариго с вооруженным отрядом на нескольких лодках вышел на Дон, по волоку проник на Волгу, где стал нападать на торговые суда и нагребил богатую добычу. На обратном пути итальянцев через степь часть добычи у них отбили, но с остальной частью они благополучно вернулись ⁷⁸. В середине XVI в. турецкий султан Селим II, желая открыть для своего морского флота

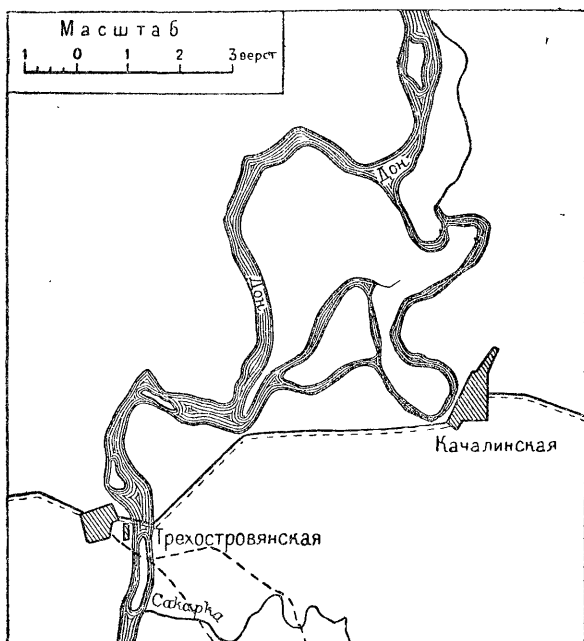
выход через Дон в Каспийское море, приказал прорыть канал в месте наибольшего сближения с Волгой, от Качалинской станицы. По разным причинам это предприятие не удалось, но следы этого канала сохранились и до настоящего времени ⁷⁹.

Сознавая важное военно-стратегическое значение Волго-Донского волока, Петр I приказал устроить здесь для защиты от кочевников укрепленную Царицынскую линию, которая в виде рва и вала, укрепленного палисадом, протянулась в 1717 г. от Царицына до самого Дона к нынешней Качалинской станице. Следы линии сохранились и до наших дней. Для службы на «Царицынской черте» привлекались донские казаки. В середине XVIII в. здесь учреждено было несколько станиц, главным войсковым городом которых стала Дубовка, поселок на правом берегу Волги. Выгодное географическое местоположение Дубовки, стоявшей как раз у начала волока, идущего к Дону, содействовало ее быстрому развитию, превратив Дубовку в складочное место товаров, которыми обменивалась верхняя Волга с югом России. В известном географическом описании сообщается, что «через Дубовку в первой половине XIX в. шли лесные материалы и изделия (щепной товар), хлеб, железо, льняное семя, стекло, посуда, пенька и проч.», но — что особенно интересно — тут же поясняется, что также переправлялись целые суда, разбираемые на Волге и вновь собираемые на Дону, причем небольшие суда перевозились на колесах неразобранными ⁸⁰. Не напрасно, таким образом, один русский ученый предполагал, что руссы X в. перевозили свои суда по Волго-Донскому волоку на колесах ⁸¹.

Вышеприведенный краткий и далеко не полный обзор исторических известий о Волго-Донской переволоке поясняет все же, какое важное значение она всегда сохраняла как в военно-стратегическом отношении, так и в качестве соединительного звена на торговых путях. Построение крепости на Дону в этом месте имело большое значение. Саркел и начинавшийся от него ров могли служить защитой Хазарии как от азиатских кочевников, подступавших к Волге, так и от степняков, грозивших со стороны Дона, из причерноморских степей (ко времени построения Саркела между Волгой и Яиком кочевали печенеги, а в причерноморских степях — угры-мадьяры). Византийский писатель XI в. Кедрин, который сообщает определенную дату построения Саркела, прямо говорит, что эта крепость была построена для защиты от печенегов. В исторической литературе нет единства взглядов по этому вопросу. В своем известном труде по русской исторической географии Середонин пишет: «Кто были кочевники, угрожавшие хазарам».

рам, трудно определить: или угры, или печенеги; вероятнее первые»⁸². Новейший исследователь, напротив, подтверждая мнение Кедрина, полагает, что Саркел предназначался, вероятно, для защиты от печенегов⁸³.

На основании одного только изучения географических карт и текста «Хождения» нельзя указать точно, какой именно донской переправе соответствует «Перевоз», виденный Пименом.



Трехостровьянская станция и остров Перевозный

В атласе реки Дона, составленном при Петре I Корнелиусом Крюйсом, в изучаемом районе указан в числе наиболее удобных переправ «остров Перевозный», против которого на карте сделана пояснительная надпись: «В летнее время глубина только 4 фута. Может и лошадь перебрести». Эта переправа находится выше устья реки Голубой, вблизи Трехостровьянской станции, где существует перевоз и поныне⁸⁴. Почти у самой Трехостровьянской, немного ниже ее, в Дон впадает левый его приток река Сакарка, о которой уже давно высказана была догадка: не скрывается ли за этим названием Саркелка? ⁸⁵.

* * *

Не имея в виду входить в рассмотрение археологических данных, на которых построены выводы проф. Артамонова, укажем лишь на одно обстоятельство. Казалось бы, если хазары пригласили византийцев строить крепость, то, значит, признавали превосходство византийского инженерно-строительного искусства, а, следовательно, византийское влияние и характерные признаки византийской архитектуры безусловно должны были в какой-то степени отразиться и в постройке Саркела. Однако, по заявлению археолога, в действительности оказывается совсем иное, а именно: при изучении остатков Цымлянского городища «специфически византийского в технике и формах открытых раскопками построек пока ничего не обнаружено, за исключением мраморных колонн и капители, может быть, привезенных Петроном... Непосредственными исполнителями строительных работ в Саркеле были представители туземного населения. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют характерные знаки и изображения на кирпичах Саркелского городища... Петрона и прибывшие с ним византийские специалисты скорее всего были только советниками хазар»⁸⁶. «Возможно, что совет соорудить крепость из кирпичей был дан Петроном, но изготовление кирпичей, судя по их формам, производилось без участия византийцев и не по византийским образцам; кладка стен также не византийская»⁸⁷.

В заключение говорится, что «Саркел не был византийской крепостью... как произведение зодчества. Саркел строили хазары, а не Византия», и в этом смысле «он не только памятник хазарской истории, но и хазарской культуры»⁸⁸.

Иными словами, выстроенная крепость не обнаруживает никаких признаков византийского влияния или подражания византийским образцам, потому что хотя хазары и пригласили византийцев построить крепость, но на самом деле строили ее сами, и притом по-своему, по-хазарски, а не по-византийски. Самое изготовление кирпичей происходило без участия византийских мастеров и даже не по их образцам.

Становится в таком случае непонятным: зачем же было хазарам приглашать византийцев? Не для того же только, чтобы услышать от них совет: «стройте крепость из кирпичей». Такой совет Петрона мог дать и не выезжая из Константинополя. Не забудем, что, по свидетельству Константина Багрянородного, Петрона поехал не один, а взял с собой «людей», которых понадобилось посадить на «транспортные суда», значит, этих людей было не мало, и по прямому смыслу источника византийцы поехали в таком количестве не для одного совета, а для работы, ради которой и были приглашены⁸⁹.

Ученый археолог, убедительно доказав нам отсутствие византийского влияния на остатках левобережного Цымлянского городища, дал, однако, этому факту неправдоподобное, искусственное объяснение, видимо, находясь в оковах предубеждения, что изучаемое городище должно быть обязательно Саркелом.

Это объяснение подсказано необходимостью сгладить слишком явное противоречие с источником, где Константин Багрянородный прямо утверждает, что именно Петрона со своими людьми, прибыв к назначенному месту Дона, «устроил печи и, обжегши в них кирпич, воздвиг из него крепостные строения»⁹⁰.

Бесспорно, указания археологов на отсутствие византийского влияния в постройках левобережного Цымлянского городища весьма убедительно свидетельствуют, что византийцы этой крепости не строили. Но тогда какое же основание считать это городище Саркелом?

Во всяком случае археологи, настаивающие на том, что Саркел строили хазары, а не византийцы, останутся в непримиримом противоречии с Константином Багрянородным, — единственным источником, который сохранил драгоценное для науки сообщение, как и кем построен был Саркел.

Как известно, спутники Пимена видели на берегу развалины Саркела, проплывая мимо них по реке. Между тем, если плыть по современному руслу Дона, то с судов невозможно увидеть остатков левобережного городища, потому что оно лежит далеко от берега, в шести-семи километрах от русла. Подобное обстоятельство вынуждает ученых, отождествляющих это городище с Саркелом, допускать, что во время путешествия Пимена по Дону (в 1389 г.) русло Дона проходило еще «возле» городища, и только будто бы позднее это русло переместилось «на значительное расстояние вправо», где расположено теперь⁹¹. Указывают, что «старое русло еще в настоящее время может быть хорошо прослежено от хутора Красноярского, где оно сливается с современным течением реки, к хутору Попова, возле которого находится левобережное городище»⁹².

Но для того, чтобы утверждать, что русло Дона отодвинулось от Цымлянского городища уже после путешествия Пимена, нужно предварительно еще доказать, что это изменение русла (весьма подвижного и непостоянного) не могло произойти до путешествия Пимена. А пока этого не сделано, указанное обстоятельство, — что при нынешнем положении русла невозможно увидеть городище с реки — будет служить доводом **п р о т и в** отождествления Саркела с Цымлянским городищем.

В защиту упомянутого отождествления иногда указывают на соответствие белых плит, найденных в Цымлянском городище, с переводом названия Саркел — «Белый дом», указывая при этом, что по-чуваши «шура» — белый, а «кил» дом. Однако если перевести ближе к подлиннику, то по-турецки «сары» — желтый, рыжий, а «кил» — глина; в целом получается — желтая глина. По-чуваши «сара» — желтый, рыжий, а «кил» — дом; в целом желтый дом. По-венгерски «сарга» — желтый. В свете этих данных Саркел уже не «Белый», а «Желтый» город, и белые плиты ничего еще не доказывают. В итоге приходится признать, что доводы, приводимые обычно в защиту отождествления Саркел—Цымлянская, нам представляются сомнительными. Эту сомнительность трудно устранить, пока не будет доказано, что в остатках Цымлянского городища ясно выражены следы византийского зодчества.

Наше исследование о Саркеле подошло к концу. На основании «Хождения» Пимена можно сделать следующий вывод: так как Саркел и Перевоз упоминаются между «Каменными Красными» горами и «Великой Лукой», то, значит, ни одно из Цымлянских городищ нельзя считать Саркелом; следовательно, Саркел нужно искать на Дону примерно между устьем реки Вертячей и Ново-Григорьевской станицей.

Сто лет тому назад относительно Саркела было сказано, что «следы города еще приметны около Качалинской станицы, где Волга и Дон сближаются»⁹³. Точно так же и относительно Трехостровянской станицы отмечено, что «при Петре I еще тут неподалеку находился высокий и крутой вал»⁹⁴. В литературе, таким образом, имеются указания на возможные следы Саркела. Дело археологов — организовать поиски на месте.

Насколько известно, археологические разведки по нижнему течению Дона коснулись только узкой береговой линии. Быть может, для достижения лучших результатов необходимо захватить разведкой более или менее широкую прибрежную полосу. Надо быть готовым к тому, что, благодаря быстрым и сильным изменениям русла Дона, остатки Саркела занесены или смыты настолько, что не будут скоро обнаружены⁹⁵. Однако это будет свидетельствовать не о том, что Саркела не было в указанном районе, а лишь о том, что при столь интенсивном изменении русла археологи не располагают возможностью открыть следы Саркела без содействия счастливого случая. Но это обстоятельство не должно нас смущать. Вспомним, что о местонахождении хазарской столицы Итиля мы осведомлены лучше, чем относительно Саркела, а между тем следы Итиля все еще не обнаружены, и археологи готовы признать, что «Итиль, вероятно, смыт Волгою»⁹⁶. Не найден

до сих пор и хазарский город Семендер; «следы этого города указываются в Дагестане у Эндера, а может быть, он и ниже». Неизвестно, где находился и Беленджер⁹⁷. Новейший исследователь проф. Артамонов хотя и относит Саркел к Цымлянскому городищу, но также признает, что место всех прочих «многочисленных хазарских городов, имена которых известны», не определено⁹⁸.

Примечания

1. Константин Багрянородный. Об управлении государством. ИГАИМК, вып. 91, Соцэкгиз, 1934, стр. 20. О хазарском гарнизоне в триста человек упоминает и продолжатель хроники Феофана.

2. Theophan continuat. Vita Theophili, 28; Иловайский. Разыскания о начале Руси, изд. 2, М., 1882, стр. 268; Артамонов М. И. Саркел, хазары и мадыяры в IX в. Ист. СССР с древнего времени, ч. III—IV, Изд. АН СССР, стр. 412 и др.

3. Константин Багрянородный. Указ. соч., стр. 11.

4. Успенский Ф. И. Византийские владения на берегу Черного моря к IX—X вв., «Киевская старина», XXV, 1889; Его же. Первые страницы русской летописи и византийские переходные сказания, 1914, стр. 22; Васильевский В. Г. О построении крепости Саркел, ЖМНП, 1889, X, стр. 279; Его же. Труды, т. III, 1915, стр. CXIV и прим. к ней; Середонин С. М. Историческая география, П. 1916, стр. 105; Артамонов М. И. Саркел, хазары и пр. «Истор. СССР», ч. III—IV, стр. 412, 413; Его же. Саркел и некоторые другие укрепления Хазарии, «Сов. археол.» № 6, 1940, АН СССР, стр. 132—133.

5. Куник А. А. Изв. ал-Бекри и др. авторов о Руси и славянах, ч. I, стр. 125, СПб., 1878, изд. АН СССР; Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону, ОГИЗ, 1935, стр. 89; Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X в., Л. 1932, стр. 105, прим. 18; Марр Н. Я. Избранные работы, т. V, Соцэкгиз, 1935, стр. 367—370.

Байер толковал название Саркел из турецкого Sher-kil — «белая глина» (Байер. Geographia Russ. ex Const. Phorph., в комментар. АН т. IX, стр. 399); Проценко, исходя из турецко-татарского и персидского языков, в слове «Саркел» видит общее понятие — главный город, главная крепость. См. ст. Проценко в «Тр. предв. комитета к V археол. съезду», М., 1882, т. I, стр. 399; Артамонов М. И. Указ. соч., стр. 89.

6. Предположение о тождестве Саркела с Белгородом высказал Делиль. Возражая против этого мнения, Карамзин писал: «Ученый Делиль (см. в начале Бандури Animadvers in Const. Phorph. libros de Themat) вообразил, что Саркел есть нынешний Белгород в Курской губ. и что Константин (Багрянородный) назвал Танаисом не Дон, а Донец. Байер, д'Анвилль (в Mémoire sur les peuples qui habitent aujourd'hui la Dace, с Mémoire de Acad. des Inscr. 1758—1760 гг.) и другие поверили ему; но мое мнение кажется несправедливым. Белгород Курский назван Белым от своего положения на меловой горе, с которой перенесли его в долину... Козары, овладев Тавридою, желали иметь Саркел для защиты от печенегов (см. Кедрина в «Мет. рорул», т. III, стр. 568), которые еще жили тогда, по известию Константинову, на берегах Яика и Волги: не Донец, а Дон мог быть границей между ими и козарами». Карамзин. Ист. гос. Росс., т. I, прим. 90.

7. Арцыбашев и Маркварт считали за Саркел город Итиль, а Проценко — город Семендер; Бутков искал Саркел при слиянии Донца с Доном; Лерберг — в окрестностях Черкаска; Васильевский — при устье Дона; Брун — на северном побе-

режье Азовского моря; Хвольсон принимал за Саркел город Бейда: Арцыбашев. Повествование о России, т. I, кн. I, прим. 147 к стр. 34; Marquart Osteurop. und Ostasiat. Streifzüge, 1903, стр. 1—3; Проценко. О полезности для науки археологического обследования местности по р. Сал. «Труды предв. ком. к V археол. съезду» М., 1882, стр. 399; Бутков. Оборона русской летописи, стр. 283 и 285; Лерберг. Исследования по древнерусск. истории, 1819, стр. 70; Васильевский. О построении крепости Саркел, ЖМНП, 1889, IX, стр. 271; Его же. Труды, т. III, 1915, стр. CXIV; Брун. Черноморье, 1879, т. I, стр. 143; Хвольсон. Известия о славянах и руссах Ибн-Даста, СПб., 1869, стр. 45.

8. Карамзин. История Государства Российского, т. I, прим. 90; т. V, прим. 133; Эверс. Критические разыскания о древнейшей русской истории, стр. 180; Булыгин. Его статья в ЖМНП, 1836, № 11, стр. 289; Дорн. Каспий, см. карту № 1; Леонтьев. Разыскания на устьях Дона, Пропилей, IV, стр. 524; Иловайский. Разыскания о начале Руси, изд. 2-е, 1882, стр. 269 и 272 (см. прим.); Голубовский П. В. Хазарское царство, см. сб. «Русская история в очерках и статьях» под ред. Довнар-Запольского, т. I, 2-е изд., стр. 35; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории, изд. 9-е, 1915, стр. 55; Середонин С. М. Историческая география, 1916, стр. 105.

9. Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе, Гиз, 1930, стр. 63; Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону, стр. 27; Ляпушкин И. Раскопки правобережного Цымлянского городища, см. «Краткое сообщ. ИИМК», АН СССР, т. IV, стр. 58; т. VI, стр. 90—91, 1940.

10. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел. «Труды IX археол. съезда», 1895, стр. 268; Готье. Железный век, стр. 63; Артамонов. Средневековые поселения, стр. 6; Его же. Хазары, Ист. СССР, т. III—IV, стр. 413; Его же. Саркел и др. укр..., «Сов. археол.», 1940, № 6, стр. 136—140, 143.

11. Найдены византийские монеты: Василия I (867—886), Романа I (920—944), Никифора Фоки (963—969) и более поздние. Артамонов. Средневековые поселения, стр. 22, 30, 79, 85; Готье. Указ. соч., стр. 65.

12. Попов. Где находилась хазарская крепость Саркел. «Труды IX археол. съезда», стр. 273—277.

13. Попов. Указ. соч., стр. 273 и 277.

14. Один из оппонентов напомнил мнение В. Б. Антоновича (высказанное на Одесском археол. съезде), что Цымлянское городище—христианское. Другой оппонент, указав, что построение Саркела понадобилось хазарам, «как крепость против кочевников», заключил следующими словами: «нет нужды делать натяжку, т. е. искать Саркел к югу от переволоки между Доном и Волгой; что касается Цымлянского городища, то оно представляет остатки какого-то другого, пока неизвестного по имени города», «Труды IX археол. съезда», т. II, стр. 102.

15. Вестберг. См. его статью в ЖМНП, 1908, III, стр. 6.

16. Середонин С. М. Историческая география, П. 1916, стр. 105.

17. Готье. Указ. соч., стр. 65.

18. Артамонов. Средневековые поселения, стр. 82—83; Его же. Саркел и др. укр... «Сов. археол.», 1940, № 6, стр. 135 и 147.

19. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар, Соцэкгиз, 1936, стр. VI.

20. Артамонов. Саркел, хазары и мадьяры в IX в., см. Ист. СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, изд. АН СССР, 1939, ч. III—IV, стр. 413; Его же. Саркел и др. укр..., стр. 135, «Сов. археол.», изд. АН СССР, 1940, № 6, стр. 135.

21. Артамонов. Средневековые поселения, стр. 82—83.

22. Так, например, по мнению Кочина, «местонахождение крепости Саркел в данное время твердо установлено, — она находилась вблизи нынешней станицы Цымлянской». Лу닌 пишет: «Археологические раскопки показали, что месту расположения города Саркела соответствует одно из древних городищ... в окрестностях хутора Попова, в семи километрах от одной из наиболее обширных донских станиц — Цымлянской». Ляпушкин также отождествляет Саркел с Цымлянским левобережным городищем; Кочин Г. Е. Памятники истории Киевского государства IX—XII вв., Л., 1936, стр. 185; Лу닌 Б. В. Саркел, Ростиздат, 1939, стр. 83; Ляпушкин И. И. См. его ст. «Краткие сообщения», ИИМК. АН СССР, т. IV, Л., 1940, стр. 59—60.

23. Веневитинов М. А. По поводу пятисотлетия первого русского путешествия по Дону, «Древности», «Труды Моск. Археол. общ», т. XIV, М., 1890, стр. 315.

24. Митрополит Пимен в 1389 г. предпринял путешествие в Константинополь, чтобы выяснить решение патриарха относительно кандидата на великорусскую митрополию. Пресняков А. Е. Образование великорусского государства, П., 1920, стр. 352—363.

25. Перевитск, ныне село между Коломной и Рязанью. «Перевитеск» упоминается в «Книге Большого Чертежа», изд. Спасского, 1848, стр. 123.

26. Здесь описываются расположенные на берегу Дона при устье Тихой Сосны Дивьи, или Дивные горы. Они представляют ослепительной белизны меловые отложения. Возвышаясь в виде башен, высотой 8—10 м над береговыми склонами, в сочетании с темнозеленой растительностью, они создают великолепную по красоте картину. Различают Большие Дивы — южную возвышенность, ближайшую к Тихой Сосне, и Малые Дивы — северную, соседнюю с Доном («Россия», II, стр. 627).

27. Описание путешествия Пимена по Дону см. в «Приложении 2-м», относящемся к этой главе. Текст «Хождения Пимена» был издан еще Сахаровым, который в предисловии к описанию путешествия Игнатия говорит: «При издании путешествия Игнатия я имел в виду четыре списка: первые три, печатные, помещенные в летописи, Временнике и Татищевой истории, а последний — рукописный XVII в. Текст от Москвы до Царяграда напечатан по рукописному списку, коронование Мануила по другому, особенному списку XVII в., а Хождение по святой земле взято из летописи по Никонову списку». Саркел в одних списках назван Терклием, а в другом — Серклием. Сказания русского народа, собранные Сахаровым, т. II, СПб., 1849; «Путешествие диакона Игнатия в Царьград и Иерусалим», стр. 97—98; ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 95—96.

28. Артамонов. Средневековые поселения, стр. 82.

29. Там же.

30. Там же.

31. «Книга Большого Чертежа», в изд. Языкова, указывает следующие данные о длине Дона: Воронеж — Форосань — 50; Форосань — Красная Девица — 30; Красная Девица — Потудонь — 10; Потудонь — Коротояк — 6; Коротояк — Тихая Сосна — 10; Тихая Сосна — Лиска — 20; Лиска — Икорец — 8; Икорец — Бетюк — 60; Бетюк — Серет — 15; Серет — Калитва Черная — 40; Калитва Черная — Мамонец — 20; Мамонец — Баучар — 30; Баучар — Толучеева — 20; Толучеева — Песковатая — 10; Песковатая — Елань — 10; Елань — Хопер — 20; Хопер — Медведица — 30; итого от Воронежа до Медведицы 389 верст. Одинаковый подсчет дает «Книга Большого Чертежа» и в издании Спасского. «Книга Большого Чертежа», или древняя карта Российского государства, изд. Языкова, СПб., 1838, стр. 45—49; «Книга Большого Чертежа», изд. Спасского, СПб., 1846, стр. 48—51.

32. «Книга Большого Чертежа», изд. Языкова, стр. 50—51. «Книга Большого Чертежа», изд. Спасского, стр. 52—53. Результаты измерений длины Дона посредством съемок помещены в «Материалах Доно-Кубанского управления речного транспорта», напечатанных в справочнике по водным ресурсам, т. IV, Донской район, стр. 92. Извлечения из этих материалов помещены в приложении 3.

33. Кроме того не следует забывать, что версты в «Книге Большого Чертежа» не равны верстам более поздних веков и эту разницу необходимо принимать во внимание.

34. См. приложение 3.

35. В Справочнике по водным ресурсам, по данным ДКУРТ, расстояние от Медведицы до Тишанки 187 км да от Тишанки до Качалинской около 10 (по масштабу десятиверстки, лист 76); итого, следовательно, от Медведицы до Качалинской 197 км.

36. Длина реки Дона:

от станции Качалинской до Калача — 75 км;

от Калача до Азова (550—10)—540 км;

от станции Качалинской до Азова — 615 км.

Эти данные по пункту 1 определяются по масштабу десятиверстки нашего Союза (л. 76); по п. 2 определяются по карте Полякова «План реки Дона от Калача до Азовского моря». Поляков Б. В. Гидрология бассейна реки Дона. Ростов-на-Дону, 1930, с приложением карты.

37. Длина реки Дона:

от Калача до Цымлы — 230 км;

от Калача до Чира — 70 км;

от Чира до Цымлы (230—70)—160 км;

от Медведицы до Чира — 359 км;

от Медведицы до Цымлы (160+359)—519 км.

Данные по пп. 1—3 определяются по карте Полякова (см. предыдущее примечание); данные по п. 4 определяются по таблице «Справочник по водным ресурсам», т. IV (см. табл. в прил. 3).

38. ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 96.

39. Пресняков А. Е. Образование великорусского государства, П. 1920, стр. 226—227.

40. Там же.

41. Артамонов. Средневековые поселения, стр. 82.

42. Правильный календарь путешествия Пимена давно уже выяснен одним из первых комментаторов «Хождения» Пимена — Веневитиновым, который напечатал свое исследование в хорошо известном археологам издании «Древности», «Труды Моск. Археол. общ.», т. XIV, стр. 327.

43. См. приложение 2.

44. Артамонов. Средневековые поселения, стр. 81 и 82.

45. От Переяславля Рязанского, с Оки к Дону, вело несколько водных путей: 1) Проня, волок в Таболу, Дон; 2) Проня, Ранова, волок в Большие Кочуры, Дон; 3) с реки Рановы ее притоком Хутой через Рясский волок и Становую Ряску можно было выйти в реку Воронеж. Если суда Пимена от Переяславля к Дону шли водным путем, Проней на Таболу, то все это расстояние около 300 верст они могли пройти в пять дней (25—29 апреля). В источнике, однако, говорится, что Пимену даны были три струга да насад «на колесах», в чем можно видеть намек на то, что суда переправляли не водой, а перевезли к Дону на колесах тем же путем, которым шел и сам Пимен. Подобный способ передвижения судов в прежнее время применялся нередко. По мнению географа В. П. Семенова-Тян-Шанского, в верховьях Дона древнее место погрузки товаров в начале XVI в. (о чем упоминает Герберштейн) соответствует «нынешним селениям Старому Городищу (Богородицкому) и Дубкам Данковского уезда» и «очевидно представляет со-

бой окрестности древнего города Дубки», существовавшего на Дону еще в XII в., недалеко от волока с реки Рановы через речку Кочур на Дон. «Россия», т. II, стр. 267—269; ПСРЛ, IX, стр. 171; т. XI, стр. 43.

46. См. десятиверстку нашего Союза, л. 58.

47. «Россия», т. II, стр. 269.

48. Герберштейн, Зап. о моск. делах, СПб., 1908, стр. 104—107.

49. Кир-Михаил, князь Пронский, вероломно убит в 1217 г. Глебом Владимировичем Рязанским. Вeneвителинов пишет, что владения Кир-Михаила «простирались несомненно от Пронска до верховьев Дона», где этот князь, вероятно, основал городки или остроги в защиту от степных кочевников; один из таких городков и «мог быть назван в честь его основателя». Исследователь приурочивает Кир-Михайлов к городищу Старого Донкова, лежащего на двадцать верст выше по Дону от нового теперешнего города того же имени. Относительно движения путешественника от Переяславля к Дону Вeneвителинов предполагает, что Пимен, вероятно, плыл из Оки Проней, потом Вердой, затем оставил суда и от верховьев Верды пошел сухим путем к Таболе и Дону, что «подтверждается умолчанием о Пронске». Струги же, вероятно, перевезены по кратчайшему расстоянию между верховьями Верды и Таболы, по которым и были спущены в Дон. По мнению Вeneвителинова, три дня, 26—28 апреля, «понедельник, вторник и среду, надо положить на плавание Проней и Вердой, а также на перетаскивание судов с Окского на Донской бассейн»; Пимен «прошел сухим путем волок» от устьев Таболы до Старого Донкова, т. е. Чур-Михайловых, где Дон уже был судоходен. Вeneвителинов. Указ. соч., стр. 317—319; «Россия. Полное географическое описание нашего отечества под редакцией Семенова-Тянь-Шанского», т. II, СПб., 1902, стр. 403, 541.

50. ПСРЛ, т. XI, стр. 58, 95, 96; Летописец под 1380 годом говорит о «реце», а под 1389 годом — о «месте» Чур-Михайловых. Составитель указания к Никоновской летописи, отождествляя «Чур-Михайлов» и «Кир-Михайлов», считает это «урочищем» в Рязанской земле, напрасно суживая действительное содержание понятия; Указатель к Никоновской летописи, ПСРЛ, т. XIV, 2-я половина, П., 1918, стр. 205 и 281. Слово «чур» в его старинном значении — граница, рубеж (по Далю); «Чур-Михайловы», вероятно, и обозначают южную границу владений князя Михаила Пронского.

51. ПСРЛ, т. XI, стр. 58. Десятиверстная карта нашего Союза, л. 58; в «Списках населенных мест» Ряз. губ. под № 545 напечатано «Архангельское (Голицыно, Кочуровское, Городище) при реке Кочуре».

52. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, т. II, Воронежск. писцовые книги. Изд. Воронеж. губ. стат. ком. Воронеж, 1891, стр. 105 и 133; Кивоборье находилось ниже устья Гремячего колодезя и выше устья Нечговки. Десятиверстка, л. 59.

53. Местоположение Червленого Яра довольно ясно определяется в отрывке «Из сказки Козловского попа», где говорится: «Червлёный де Яр усть Воронеже реки верст с тридцать на низ, а жильцы когда на том бывались, того он не ведает... А другой де Червлёный Яр на реке на Хопре усть реки Савалы, а впаля Савала ниже Вороны от Воронежского устья верст со ста». Комментируя приведенный отрывок, Иловайский приходит к заключению, что «Червлёный Яр в тесном смысле назывались: во-первых, река, впадающая в Дон между Тихою Сосною и Битюгом; во-вторых, часть берега при устье Савалы, которая впадает в Хопер с правой стороны пониже р. Вороны. Потом это название распространилось на земли, лежащие между тем и другим Червлёным Яром; а в XIV в. под ним разумелось все степное пространство, заключенное между реками Воронежем, Хопром и Великой Вороной». Д. Иловайский. История Рязанского княжества, М.,

1858, стр. 143; о Червленом Яре см. также: Пресняков А. Е. Образование великорусского государства, П., 1920, стр. 226—227 и 245; «Россия» под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского, СПб., 1902, т. II, стр. 6 и 128.

54. Трехверстка нашего Союза, р. XXIII, л. 21; Гипсометрическая карта западной части Европ. России, сост. А. Тилло; Десятиверстка нашего Союза, л. 76.

55. Трехверстка, р. XXIII, л. 21; Десятиверстка, л. 76.

56. Яр — крутизна, обрыв, отрубистый берег, см. словарь Даля, т. IV.

57. Десятиверстка, л. 76; Гипсометрическая карта западной части Европ. России, сост. А. Тилло.

58. Трехверстка, р. XXIII, л. 21.

59. Геологическая карта Европейской России, 2-е изд. Геолог. комитета, 1915, в машт. 60 в. в 1 дм.

60. Справочник по водным ресурсам, т. VI, Донской район, 1936, стр. 5.

61. Чтобы «миновать» Кременскую возвышенность, Пимену нужно было доплыть до Ново-Григорьевской. На следующий день, 18 мая, суда Пимена достигли Саркела. Если за Саркел принять Цымлянскую, то, значит, Пимен должен был проплыть от Ново-Григорьевской до Цымлянской около 360 верст в один день! Явная невыполнимость этого служит новым доводом против отождествления Саркела с Цымлянским городищем.

62. Десятиверстка, л. 76; Трехверстка, р. XXIV, л. 22.

63. ПСРЛ, т. XI, СПб., 1897, стр. 96.

64. Там же.

65. Трехверстка, р. XXIII, л. 22; р. XXIV, л. 22; Десятиверстка, л. 76.

66. Справочник по водным ресурсам т. VI, Донской район, 1936, стр. 210; Трехверстка, р. XXIV, л. 22; Десятиверстка, л. 76, 94.

67. Десятиверстка, л. 76; Гипсометрическая карта западной части Европ. России, сост. А. Тилло.

68. Поляков, стр. 174.

69. ПСРЛ, т. XI, стр. 96.

70. ПСРЛ, т. XIV, 2-я половина. Указатель к Никоновской лет., П., 1918, стр. 180.

71. Географическо-статистический словарь Российской империи, сост. П. Семенов, СПб., 1867, т. III, стр. 169.

72. «Книга Большого Чертежа», изд. Спасского, М., 1846, стр. 54.

73. Статист. описание земли донских казаков, сост. в 1822—1832 гг. Новочеркасск, 1891, стр. 23; Десятиверстка, л. 77.

74. В атласе реки Дона, составленном при Петре I, недалеко от устья Маньча показан г. Бусерханек (de stadt Boserhanek), название которого быть может также связано с рекой Бузук. Атлас реки Дона, сост. Корнелием Крюйсом (1703/4), табл. XXV.

75. «Россия», т. XIV, 1910, стр. 3—4; т. VI, стр. 11; Любомир П. Г. Торговые связи Руси с Востоком VIII—XI вв. (Уч. зап. Саратовск. ун-та, т. I, вып. 3-й, словесно-историч. отд., Саратов, 1923, стр. 18 и след.).

76. По рассказу Масудия, разорив прибрежные мусульманские страны, руссы с богатой добычей возвращались тем же путем, каким и пришли. Тогда мусульмане Хазарии, желая отомстить руссам за набег на мусульманские страны, «собрались и вышли искать их при входе в Игиль по воде. Когда же увидели они друг друга, руссы вышли из своих судов. Мусульман было около 15 000 с конями и вооружением. С ними были также многие из христиан, живших в Игиле». Противники сразились, и после трехдневной битвы руссы потерпели поражение.

Уцелевшие из них в количестве 5 000 «отправились на судах в страну, примыкающую к стране Буртас». По не вполне ясным словам Масудя (что мусульмане вышли «искать» руссов «при входе в Итиль по воде») сражение произошло около Итиля, но, по мнению Иловайского, более вероятно, что это произошло у волока, где руссы, обремененные добычей, вынуждены были выйти на берег. Иначе становится непонятным, зачем руссам понадобилось бы выходить на берег и сражаться, если возможно было продолжать плавание вверх по Волге. У хазар флота не было, а путь по Волге, очевидно, прегражден не был, если он оказался свободным и после поражения. Памятники ист. Киев. гос. IX—XII вв. Сборник докум., сост. Кочиним, Л., 1936, стр. 44—47, 182—183; Иловайский, Разыскания о начале Руси, М., 1882, стр. 269—271; Готье. Железный век в Восточной Европе, 1930, стр. 73—74; Загоскин Н. Русские водные пути, Казань, 1910, стр. 18—19.

77. Об этом походе рассказывает Ибн-Мискавейх, упоминает также и Моисей Каганкатвац, живший в конце X в. и происходивший родом из соседнего с Бердаа селения. В своей статье «Ибн-Мискавейх о походе руссов на Бердаа в 942—944 гг.» (Византийский временник, XXV, Л., 1926) Якубовский приходит к выводу, что путь руссов шел через Керченский пролив, мимо таможенных караулов, вверх по Дону, через волок на Волгу и далее на Каспий. Текст описания см. Пам. ист. Киев. гос. IX—XII вв., сост. Кочин, стр. 49—51, 183.

78. Мельгунов П. П. Очерки по истории русской торговли IX—XVIII вв. М., 1905, стр. 131—132.

79. Советов С. А. Статья «Дон», Нов. энц. слов. Брокгауза и Ефрона, т. XVI, стр. 666; История средних веков, т. II, под ред. Сказкина и Вайнштейна, М., 1939, стр. 467—468.

80. «Россия», т. VI, стр. 515—517; т. XIV, стр. 885—891; Трехверстка, р. XXIII, л. 22; Десятиверстка, л. 94.

81. Мнение это принадлежит историку Забелину. Забелин И. История русской жизни, т. II, стр. 145, 147, 166—167; Загоскин. Русские водные пути, стр. 19.

82. Середонин С. М. Историческая география, стр. 105, 106, 205; Иловайский. Разыскания о начале Руси, стр. 268—272; Константин Багрянородный, стр. 10—11, 15, 20—21.

83. Артамонов М. И. Саркел, хазары и мадыары в IX в. См. Ист. СССР, ч. III и IV, стр. 418.

84. Атлас реки Дона, сост. Корнелием Крюйсом (1703—1704), табл. 19; Трехверстка, р. XXIII, л. 22; Десятиверстка, л. 76.

85. Эта догадка принадлежит писателю А. С. Грибоедову, см. Лунин Б. В. Саркел, Ростиздат, 1939, стр. 33, со ссылкой на Грибоедова.

86. Артамонов М. И. Саркел и др. укр..., «Сов. археол.», 1940, № 6, стр. 148.

87. Артамонов М. И. Саркел, хазары и мадыары в IX в., см. «Ист. СССР», ч. III—IV, изд. АН СССР, 1939, стр. 415.

88. Артамонов М. И. Саркел, хазары и мадыары в IX в., стр. 415; Его же. Саркел и др. укр..., стр. 148.

89. Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 20, ИГАИМК, вып. 91, 1934.

90. Константин Багрянородный, стр. 20.

91. Артамонов М. И. Средневековые поселения, стр. 86.

92. Там же, стр. 86.

93. Сахаров Н. Сказания русского народа, т. II, кн. 8, СПб., 1849, стр. 108.

94. Лунин Б. В. Саркел, Ростиздат, стр. 33.

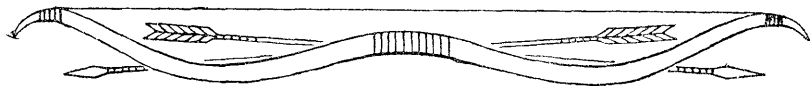
95. Донское русло очень подвижно. Быстрое его изменение происходит как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении. В период прохождения высоких вод перекаты заносятся, а при спаде вода эти перекаты срезает; одновременно вода подмывает берег и наносит косу. Намывы иногда поднимаются на 3,5 м высоты над зимним положением русла. Размывом иногда сносит до 50 м высокого крепкого берега. Конфигурация донского русла в плане за короткий срок может изменяться коренным образом. Ярким примером этого служит резкое изменение русла за 15 лет у станицы Потемкинской, где вместо большой излучины 1912 г. река к 1927 г. образовала другую излучину, вдвое большую и притом в диаметрально противоположном направлении к первой. Результаты подобной деятельности реки весьма ощутительны на местности и заметно изменяют внешний вид русла. Все это затрудняет поиски Саркела и требует от археолога особой подготовки и настойчивости. Поляков Б. В. стр. 116—118. 121.

96. Спицын А. Археология в темах начальной русской истории, сб. ст., посв. С. Ф. Платонову, стр. 6—7; Готье Ю. Железный век в Восточной Европе, стр. 62—63.

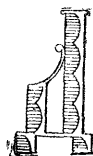
97. Там же.

98. Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар, стр. VI; Его же. Саркел и др. укр..., «Сов. археол.», 1940, № 6, стр. 131.





„СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“



ревнее Киевское государство уже на заре своего существования вынуждено было начать долгую многовековую борьбу с кочевыми народами наших южных степей. Эта страница истории глубоко запечатлелась в народной памяти. Она оставила по себе неизгладимый след и нашла яркое выражение как в летописном рассказе, так и в народном былинном эпосе.

Сравнивая Русское государство с Западной Европой, нередко забывают, что Русь на заре своей истории, поставленная на рубеже Европы и Азии, веками напрягала свои силы, сдерживая натиск азиатских кочевников, служа как бы щитом для европейского запада. В то время, когда европейские народы накапливали сокровища культуры, русские воины с оружием в руках оберегали тыл этой самой цивилизации. Европейская культура, можно сказать, воздвигалась на костях русских витязей, сложивших свои головы на южных степных рубежах в борьбе с кочевниками.

В пору своего образования и последующего феодального раздробления Киевское государство находилось в непосредственном соседстве сначала с печенегами и торками, а затем со сменившими их в XI в. половцами. Постоянно тревожа набегами пределы государства, кочевники были опасны внезапностью своего нападения. Их быстрота и неуловимость изумляла современника. Степняки разоряли, грабили города и села и уводили вереницы пленных для продажи их в рабство, оставляя позади себя дымящиеся развалины и груды трупов. От непрерывных половецких набегов селения становились безлюдны, пастбища пустыли, заброшенные пашни порастали лесом и становились логовищами зверей. Летописец дает потрясающее описание тех бедствий, которые постигали область в результате половецкого нашествия¹. Нашествия половцев были столь часты, что только одних крупных набегов насчитывается около пятидесяти за полтора столетия (1061—1210). Количество же мелких и подсчитать трудно.

Более всего страдали от половцев южные области Киевского государства, но не раз кочевники доходили и до самого Киева.

Эти степные враги, хищные и вероломные, являлись постоянной угрозой мирному труду поселянина, жизнь которого на степных границах государства становилась небезопасной и тревожной.

Вместе с тем это состояние, требовавшее постоянной готовности к отражению врага, закаляло характер, воспитывало мужественных и отважных защитников Русской земли, порождало тех киевских богатырей, — «хоробров», которых с таким сочувствием упоминает летописец и с такой любовью воспел народ в своих былинах как подлинных народных героев. Говоря языком «Слова о полку Игореве», такие хоробры были «под трубами повиты, под шеломами взлелеяны, концом копья вскормлены». Авторитет и политическое значение князя нередко зависело от проявленной князем отваги и искусства в обороне государства от внешнего врага. Когда в 1068 г. Изяслав, разбитый половцами, отказался дать оружие киевлянам для борьбы с кочевниками, которые бросились разорять Киевскую землю, возмущенное население изгнало князя.

Для охраны Киевского государства от степняков князья защищали южные границы крепостями, земляными валами и засеками. Заключение мирных договоров мало достигало цели, так как половцы постоянно их нарушали. Более действенным средством оказывалось наступление русских князей на половецкие кочевья. Удачные русские походы в глубь половецких степей в начале XII в. ослабили наступательную энергию половцев, но феодализация, раздробляя Киевское государство, понижала его обороноспособность. С конца того же века борьба снова принимает напряженный характер. Именно к этому времени относится воспетый «Словом о полку Игореве» поход северских князей на половцев в 1185 г.

* *

*

То поэтическое обаяние, которым покоряет читателя знаменитое «Слово о полку Игореве», в связи с драматическим исходом борьбы северских дружин с половцами в глубине половецких степей, давно влекло историков к выяснению вопроса о том, где именно разыгрались события, описанные певцом «Слова».

Летописный рассказ об известном походе Северского князя Игоря на половцев скрывает в себе драгоценный материал для выяснения географического представления о Поло-

вещкой земле, но некоторая неопределенность указаний источников открывала широкое поле для догадок исследователей, отчего полученные результаты и оставляют немало места для сомнений. Чтобы яснее об этом судить, необходимо предварительно напомнить фактическую сторону летописного описания похода.

Поход Игоря является эпизодом, тесно связанным с более ранними походами Святослава Киевского на половцев. Вместе взятые, они составляют содержание цельного летописного рассказа, который открывается описанием блестящей победы Святослава (1184) на реке Орели (впадающей в Днепр), когда захвачено было свыше семи тысяч пленных половцев, в том числе более четырехсот одних половецких князей. Сам могущественный хан Кобяк оказался пленником Святослава, который, по выражению «Слова», «поганого Кобяка из луку моря, от железных великих полков половецких, яко вихр выторже».

Половцы не могли примириться с победой Святослава и весной следующего года хан Кончак с большими силами выступил против русских князей². Став на речке Хороле (приток Псла), Кончак завел мирные переговоры с Ярославом Черниговским, надеясь удержать его от наступления и вместе с тем обеспечить себе безопасный путь на случай своего отступления. Святослав Киевский разгадал скрытый план Кончака и предостерег о том Ярослава, а сам вместе с Рюриком со всеми полками быстро двинулся навстречу Кончаку. Узнав от встречных купцов, ехавших из Половецкой земли, место стоянки Кончака, русские князья застигли половцев врасплох и разгромили их, захватив много пленных. Сам Кончак едва успел спастись бегством. За ним погнался шеститысячный русский отряд. Но Кончака не догнали.

Не удовлетворяясь достигнутым успехом, Святослав той же весной выслал против половцев новую рать, которая дошла до самых половецких веж и взяла их, захватив много пленных и конские табуны. Победа эта была одержана 21 апреля. После нее Святослав отправился в землю вятичей к Корачеву, имея план собрать войско из Верховских княжеств, чтобы общими силами выступить против половцев к Дону на все лето³.

Между тем Игорь Северский, не предупредив Святослава, задумал против половцев поход с одними силами северских князей и выступил из Новгорода Северского 23 апреля. К нему присоединился его брат Всеволод из Трубчевска, из Путивля — сын Владимир, из Рыльска — Святослав Ольгович. Ярослав Черниговский прислал вспомогательный отряд ковуев с воеводою Ольстином Олексичем.

Закончив сбор дружины, «сняшася» у переяславской гра- ницы⁴, Игорь подошел к Донцу 1 мая — на девятый день после своего выступления. Здесь северские полки застигло около трех часов дня неожиданно наступившее солнечное затмение. Настал такой мрак, что звезды стали видны, «яко в нощи», солнце обратилось в лунный серп, «из рог же его яко уголь горящ исходяще: страшно же бе видети человеком знамение божие», — замечает летописец⁵. Это небесное явление показалось грозным предзнаменованием смущенной дружине, но Игорь сумел успокоить ее и перевел войско на другой берег Донца. Отсюда он направился к реке Осколу и два дня ожидал, пока присоединится князь Всеволод, под- ходивший из Курска «иным» путем.

Затем, соединившись, оба брата пошли на юг до самой реки Сальницы. Здесь северских князей встретили заранее высланные вперед русские «сторожа» — разведчики и сообщили, что половцы держатся настороже, «со доспехом ездят» и потому необходимо или наступать «борзо», т. е. быстро, или возвращаться назад, так как время для наступления неблагоприятно. Не желая отступать без боя, не увидав неприятеля, чтобы не принять на себя «сором пуще смерти», реше- но было быстро продолжать наступление.

Под покровом темноты русская рать шла всю ночь. «Сло- во» дает картинное изображение этого ночного перехода: «Долго ночь меркнет. Заря свет запала. Мгла поля покры- ла. Щекот славий успе, говор галич убудися. Русичи великая поля черлеными щиты прегородиша».

На другой день, в пятницу, в «обеднее» время, т. е. около одиннадцати часов⁶, русские «усретоша» полки половецкие, стоявшие на другом берегу реки Сюрулия. Построившись в боевой порядок, северские полки двинулись в наступление. Навстречу им выехали вперед половецкие стрелки, но, пустив по стреле, не приняли боя и обратились в бегство. За ними поскакали и те половцы, которые стояли «далече» от реки. Святослав, Владимир, Ольстин с отрядом ковуев и стрельцы погнались за половцами, избивая их, забирая в плен. Игорь же с Всеволодом шли сзади «помалу идяста», не распуская своих полков. Преследуемые половцы промчались мимо своих веж — стоянок, которые и были захвачены русскими, полу- чившими богатую добычу и много пленных женщин и детей. Согласно указанию «Слова», захватив вежи, победители, «рассушась стрелами по полю, помчаша красныя девкы по- ловецкая, а с ними злато и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотом и грязивым местом и всякими узорочыя половец- кыми»⁷.

В дальнейшем описании показания летописей расходятся. По одним данным, северские князья стояли «веселясь» на вежах три дня и торжествуя говорили: «Братья наши ходили со Святославом великим князем и бились с половцами, озираясь на Переяславль⁸, а в землю их не смели пойти, а мы в самой Половецкой земле, половцев побили, жен и детей их захватили в плен, а теперь пойдем за Дон и до конца избьем их, если же нам будет и там победа, то идем на них и в луку моря⁹, где не ходили и деда наши, возьмем до конца свою славу и честь»¹⁰.

В изложении Ипатьевской летописи дело представляется иначе¹¹. Князья северские не потеряли напрасно три драгоценных дня на «веселье», находясь в тревожном соседстве с врагами, а на другой же день начали отступление, что действительно и подсказывалось теми трудными условиями, в которых очутилась далеко зашедшая в степь дружина Игоря.

Понимая опасность дальнейшего пребывания в глубине половецких степей, среди многочисленных неприятелей, Игорь хотел вести свое войско обратно в ту же ночь. Но передовой отряд только поздно ночью вернулся из погони с полоном «к полкам». Святослав Ольгович, поддержанный Всеволодом, возражал против немедленного отступления, ссылаясь на утомленных погоней коней, на которых было бы невозможно сейчас же ехать, не рискуя отстать по дороге. Решено было поэтому войско расположить на ночной отдых среди поля. Этот ночлег в степи отмечен и «Словом», где звучит тревожная нота: «Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетело!» Эта задержка в степи для северских дружин оказалась действительно роковой.

На рассвете в субботу половцы, успевшие стянуть большие силы, окружили русских со всех сторон. Князья спешили конницу, надеясь всем войском пробиться к Донцу. Началась неравная борьба. Она яркими чертами изображена в «Слове»: «Летят стрелы каленые, гримлют сабли о шеломы, трещат копья харалужныя в поле незнаеме, среди земли Половецкыи»¹². Бой длился весь день, и наступившая ночь не остановила сечи. На третий день битва все еще продолжалась. Не подпускаемые половцами к воде, русские воины «изнемогли бо ся бяху безводьем, и кони, и сами в знои и в тузе... по три дни бо не пустили бяху их к воде»¹³. На рассвете отряд ковуев первый не выдержал, был смят половцами и бежал. Раненый Игорь, севши на коня, тщетно пытался остановить бегущих, причем неосторожно отдалился слишком далеко от своего полка. Схваченный при этом в плен половцами, Игорь еще видел, как его брат Всеволод, обладавший исключительной силой, обломав свое оружие

о врагов, одними руками все еще крепко отбивался от половцев, «идуше вкруг при езере»¹⁴

Так трехдневная битва окончилась для Игоревых войск поражением «на реце Каялы». Князья все пленены были, а «бояре и дружина вся избита, а инии изымани и та язвены». Лишь около пятнадцати «мужей» спаслось бегством, из козубов еще менее, «а прочие в море истопоша»¹⁵. О гибели северских дружин некому было и вести принести на Русь. Купцу, проходившему тем путем, половцы наказали передать русским князьям: «пойдите по свою братью, или мы к вам идем по своим»¹⁶. «Слово» так заключает описание побоища Игоря с половцами: «Бишася день, бишася другый, третьяго дни к полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста, ту пир докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами пологоша за землю Русскую»¹⁷.

Святослав, возвращаясь из Верховских княжеств, о поражении Игоря получил первую весть только в Чернигове¹⁸. Предвидя, что теперь надо ожидать набега кочевников на южные княжества, он стал принимать спешные меры к обороне Русской земли. Разгром Игоревых дружин действительно открыл половцам дорогу для нападения на Русь.

Половцы разбились на два отряда. Одни во главе с ханом Кончаком пошли на киевскую сторону, другие, с ханом Гза, бросились на Посемье. Кончак осадил город Переяславль, но встретил такое мужественное сопротивление, что взять города не мог. Когда же на помощь переяславскому князю посланы были на ладьях вниз по Днепру дружины из Киева, то половцы отступили. Но на возвратном пути, «идучи же мимо», они напали на город Римов¹⁹. Осажденные жители под защитой городских стен стойко оборонялись от степняков, но когда две укрепленных «городницы» подломились и вместе с защитниками рухнули в сторону осаждающих, половцы ворвались в город. Жители были перебиты или взяты в плен. Спаслись от плена только те из горожан, которые, выйдя из города, пробились сквозь стан врагов и ушли через «Римское болото»²⁰. «Се у Рим кричат под саблями половецкими», — так отмечается гибель города «Словом»²¹.

Хан Гза во главе другого половецкого отряда разорил путивльскую сторону, «повоевал здесь волости», пожег села и даже острог у Путивля и, не встретив отпора от обессиленного Северского княжества, возвратился беспрепятственно в свои степи²².

Игорь между тем находился в плену под наблюдением двадцати стражей, но имел пять или шесть собственных слуг, с которыми мог всюду разъезжать, а также охотиться. При

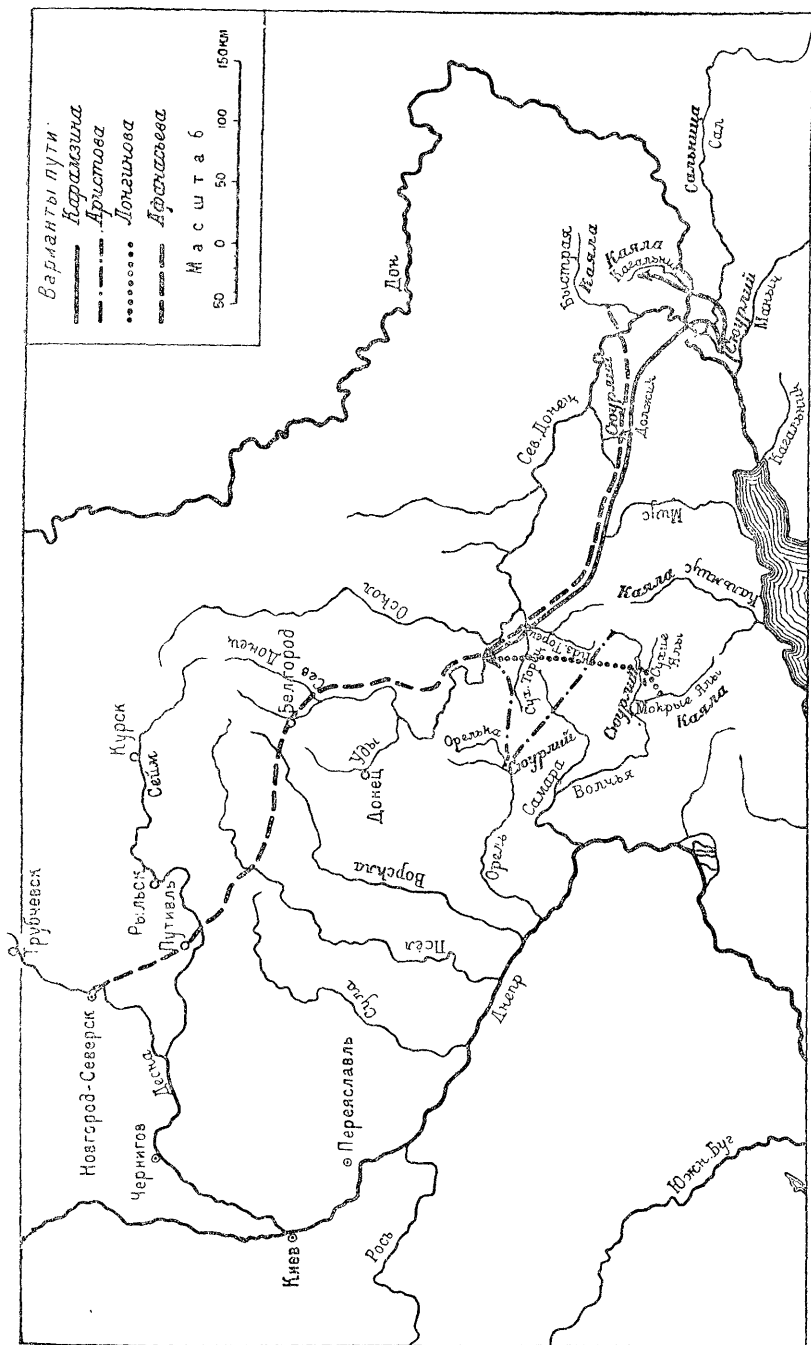
содействии половчанина Лавора (Овлур) Игорь задумал бежать. Выбрав вечер, когда бдительность половецких стражей, захмелевших от кумыса, ослабела, Игорь через своего конюшего дал знак Лавору переехать на «ону сторону Тора с конем поводным»²³, затем тайком пришел к реке, переправился на другой берег и, сев на коня, помчался сквозь половецкие вежи²⁴. Посланная за ним погоня его не настигла²⁵. За ночь, миновав все половецкие становища, Игорь с Овлуром в два дня доскакали степью до «Русского брода». Быстрой скачкой беглецы надорвали силы своих коней, как упоминает о том «Слово», и далее Игорь «иде пешь одиннадцать ден до города Донця», где мог уже чувствовать себя в безопасности. Отсюда он направился в свой Новгород Северский²⁶.

* *
*

Как можно уже было убедиться из рассказанного, фактическая история похода Игоря нам довольно ясна. Нельзя, однако, этого сказать относительно пути Игоря в Половецкую землю. Летопись говорит, что Игорь последовательно прошел реки: Сальницу, Сюурлий и Каялу. Определив их местонахождение, тем самым можно было бы легко выяснить и путь северских войск, но рек с такими названиями на нашей современной карте²⁷ неизвестно, и потому поиски их превращаются в разрешение своего рода загадки. Трудности эти не остановили, конечно, исследователей перед попыткой их преодолеть. Однако неясность и краткость историко-географических указаний летописного описания похода Игоря внесли разногласия в мнения исследователей. Чтобы найти надежную почву для выяснения вопроса, следует прежде всего установить географический путь Игоря до реки Сальницы²⁸.

По мнению одних исследователей, Сальница — это река Сал, впадающая в Дон с левой стороны у Семикаракорской станицы (около 50 км выше устья реки Маныча), а река Каяла — нынешний Кагальник, впадающий в Дон несколько выше устья Северского Донца, или же Кагальник, впадающий в Азовское море около устья реки Дона²⁹. Сюурлий же — это будто бы донская протока Сусата³⁰, между устьями Сала и Маныча.

Однако, если согласиться с мнением о том, что, «соединясь на берегах Оскола, войско обратилось к югу, театру блестящих побед мономаховых»³¹, то здесь возникнут непреодолимые затруднения. От устья Оскола до реки Сала расстояние около 375 км. Между тем выше уже было указано, что встречу Игоря с Всеволодом нельзя относить к устью Оскола: она произошла где-то около верховьев Северского



Путь Игоря Северского в Половецкую степь в 1185 г.

Донца. Приняв во внимание длину дневного перехода и указания летописи о том, что, «перебродив Донец, Игорь два дня ждал Всеволода», и сопоставив эти данные с географией указанного района, надо прийти к выводу, что встреча войск произошла, вероятно, между верховьями рек Нежеголи и Холока, как раз на Изюмской сакме. В таком случае к расстоянию от устья Оскола до Сала (около 375 км) следует добавить и расстояние от места встречи до устья Оскола, и тогда общий итог длины пути, который должен был пройти Игорь в пять-шесть дней (4—9 мая), возрастет до 500 км с лишком, что делает совершенно очевидной необоснованность гипотезы относительно Сала, так как дневной переход русских дружин равнялся 25—30 км, но никак не 80—100 км.

Нельзя также выйти из затруднения ссылкой на то, что, согласно практиковавшейся тактике русских князей в борьбе со степняками, при походах иногда «пешие части войск и значительная часть грузов могла плыть по реке, и только конница шла берегами»³². В летописных рассказах о походе Игоря нет данных для подобного допущения.

Далее, как бы ни шли русские полки—левым или правым берегом Северского Донца, им, для того чтобы выйти на реку Сал, неизбежно пришлось бы переправляться через Дон где-то около устья Донца, впадающего в Дон. Между тем Ипатьевская летопись, содержащая наиболее полный рассказ о событиях похода, упомянув о менее значительных подробностях, о столь важной переправе через Дон молчит—очевидно потому, что не о чем было и рассказывать, так как переправы не было. Если же, оставив показания Ипатьевской летописи, обратимся к дополнительным сведениям иных летописей, то вспомним, что русские князья, разбив при Сюурле половцев, похвалялись пойти к ним «за Дон», а если там будет победа, то дойти и до Лукоморья³³. Из сказанного ясно, что, пройдя летописную Сальницу и Сюурлий, русские еще только намеревались пойти за Дон. Между тем и Сал и протоки Сусата находятся уже за Доном, и, значит, отождествление их с Сальницей и Сюурлием противоречит летописи. Не могли же русские намереваться пойти за Дон, когда они уже находились за Доном!

Против предложенной гипотезы о реке Сал возражения делались уже давно³⁴. Несостоятельность ее направляла поиски исследователей в другую сторону, заставляя искать место борьбы Игоря с половцами ближе к устью Оскола. Согласно мнению Аристова, вместо реки «Сальница» следует читать «Сольница», по варианту Хлебниковского списка летописи, что якобы «это название самое верное», что «Сольница» впа-

дает в Донец в 45 верстах ниже Изюма и «называлась так в старинных памятниках от многих соляных озер, которые находятся от нее в полуверсте; эта знакомая нам река получила ранее название Тора... Как Тор назывался Сальницей, так город Торский, или Славянск, — Соленым городом, а озера Торские — Солеными озерами». Из этого делался, таким образом, вывод, что «древняя Сальница есть река Тор, или теперешний Казенный Торец»³⁵. Реку Сюурлий Аристов видел в реке Орели в том месте, где в нее впадает приток Орелька, образуя как бы угол, «а так как в летописи Орель по-русски называется Угол», то якобы «верно будет и чтение Татищева, который эту реку назвал Суугли вместо Сюурлий». По указанию летописи, от Сальницы до Сюурлия русские шли всю ночь и утро до обеда. Считая, что место впадения Орельки в Орель находится от истоков Казенного Торца «верстах в 30», Аристов заключает, что «время это вполне отвечает расстоянию двух рек»³⁶. Он полагает, что «Каяла река непременно есть Кальмиус, к которому отброшен был Игорь, когда преследовал врагов от Сюурлия, или от Угла, образуемого двумя Орелями», что «в два с половиной дня войска могли свободно пройти расстояние от одной реки до другой верст в 70»³⁷.

В действительности, однако, расстояние между реками вычислено Аристовым неточно. Так, от истоков Казенного Торца до слияния Орельки с Орелью не 30, а около 120 верст с лишком. Невозможность для войск Игоря покрыть такое большое расстояние в один переход очевидна. Если же допустить, что Аристов спутал Торец Казенный с Сухим, то и в этом случае от истоков Сухого Торца до Орели около 60—70 верст. Становится также маловероятным предположение, чтобы такой большой переход в течение ночи и следующего дня могли совершить русские войска, обычно делавшие переходы не более 25—30 верст в день по хорошей дороге. Это тем более маловероятно, что, готовясь к близкой встрече с неприятелем, русские не могли подрывать свои силы чересчур утомительным переходом.

Далее от Сюурлия — Орели до верховьев Каялы — Кальмиуса расстояние, вопреки Аристову, не 70 верст, а более 160 верст по прямой линии, и, конечно, не мог Игорь «свободно» пройти его в два с половиной дня от одной реки до другой, да еще в непрерывном бою. Все же расстояние в целом от Сальницы до Сюурлия — Орели (60 верст) и от Орели до Кальмиуса — Каялы (160 верст) составит по крайней мере 220 верст, которые Игорю пришлось бы пройти в три дня, т. е. делать каждый день переход в 70 верст, чего, конечно, выполнить войскам было физически невозможно.

Недоумения и затруднения, которые вызываются предположением Аристова, этим, однако, не исчерпываются. Летопись ясно говорит, что Всеволод с Игорем, соединившись между Осколом и Донцом, «оттуда поидоша к Сальнице». А когда Игорь собирался бежать из плена, он послал сказать Лавору: «Перееди на ону сторону Тора, с конем поводным»³⁸. Значит, летопись ясно различает Сальницу от Тора, и в представлении летописца это два разных географических объекта. Отождествлять эти две реки значило бы впадать в противоречие с определенным свидетельством источника без достаточного на то основания. Известен случай, когда летопись, говоря о «месте нарицаемем Ерель, его же Русь зовет Угол»³⁹, для одной и той же местности приводит (как мы видим на этом примере) оба названия, одним поясняя другое. Но нельзя допустить, чтобы летописец в одном и том же описании определенного события ту же самую реку в начале своего рассказа назвал одним именем, а в конце рассказа иначе. Таким образом, Сальница во всяком случае не река Тор, не Казенный Торец. Это подтверждается также и тем, что летописный рассказ упоминает Сальницу и Тор по совершенно различным поводам. О Сальнице говорится как о месте, где были встречены разведчики и состоялся военный совет северских князей, решавших вопрос: продолжать ли поход далее или отступить? Река же Тор упоминается в связи с бегством Игоря. Сальница по отношению к Половецкой степи служит, значит, как бы ее преддверием — тем преддверием, где еще не поздно было на совещании князей решать вопрос: идти или не идти далее в Половецкую степь? Между тем река Тор, где Игорь жил в плену, протекала через территорию половецких веж и, следовательно, в глубине самой Половецкой земли, а не на ее окраине, вроде реки Сальницы.

Изложенные выше соображения заставляют прийти к выводу, что догадка Аристова, при всем остроумии ее автора, не оправдывается ни указаниями источника, ни ближайшим изучением карты. Следовательно, географические пункты, упомянутые в летописном описании похода Игоря, нужно приурочивать к иным местам.

Существенное различие от рассмотренных мнений о пути Игоря имеют предположения Лонгинова. Он утверждает, что Игорь, перейдя 1 мая Северский Донец, прибыл 2 мая к Осколу, где ждал Всеволода 3 и 4 мая⁴⁰. Отсюда Северские князья направились к Сальнице, к Изюмскому перевозу, куда прибыли 5-го или 6 мая. Началу дальнейшего пути от реки Сальницы относится исследователем «не к концу пятницы», а «приблизительно к кануну понедельника (6 мая)». Игоревы дружины, «выступив ночью с 5-го на 6-е к реке Сяурлиу,

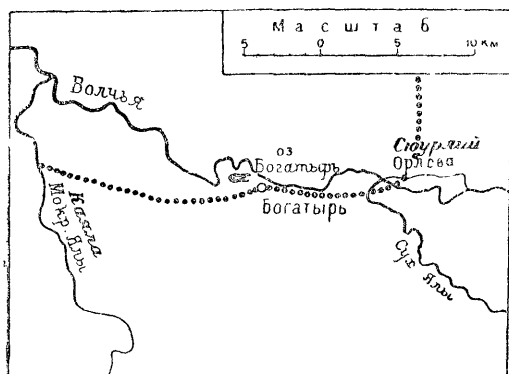
достигли ее к рассвету в пятницу 10 мая, т. е. на пятые либо шестые приблизительно сутки по выступлении от Оскола 5-го или 6 мая, с ежедневным переходом около 25 верст». Предполагается при этом, что река «Сюурлий — река Орляя, приток Волчьей, впадающей в Самару». Различие или «изменение» названия Сюурлий — Орляя объясняется тем, что «по-татарски су значит река»⁴¹.

Отсюда передовые русские полки погнались за половцами, «перебредя реку Орляй, вероятно, у пересечения двух нынешних дорог, неподалеку села Богатырь». Бежавшего врага русские гнали «до веж, где часть их остановилась под предводительством Святослава Ольговича, остальные же, погнавшись далее, подоспели к ним ночью с богатой добычей». Считая продолжительность преследования половцев от Орляя до веж «всего в 6 часов», а пройденное за это время расстояние «около 30 верст», Лонгинов место «ночлепа («облегоша ту») попавших в засаду русских дружин» относит к южной стороне большой степи, окаймленной с северо-востока рекою Сухие Ялы, а с запада — рекою Мокрые Ялы, из чего делается вывод, что таким образом, «войско Игоря приблизилось к Азовскому морю на однодневный переход (около 25 верст)»⁴².

На обратном пути русские отступали, непрерывно отбиваясь от половцев, и в этих условиях «пешим строем не могли пройти большого расстояния»; поэтому пространство, «пройденное ополчением с утра субботы до воскресного полудня» до места, где разлучились братья, «не могло превышать 35—40 верст». По мнению исследователя, «при разыскании места гибели Игоревых полков может помочь данный певцом половецкой Каяле эпитет «быстрая». В силу этого Лонгинов считает, что река, «поглотившая» Игоревое ополчение, должна быть «многоводной», и отождествляет с летописной Каялой реку Мокрые Ялы, а по поводу упомянутого летописью озера высказывает догадку: не есть ли это то самое, которое находится «подле села Богатыря»?⁴³.

Однако согласиться с догадками Лонгинсва относительно рек Сюурлий и Каялы невозможно. Прежде всего упомянутый правый приток (вернее — протока, рукав) реки Волчьей называется не Орляя, а Орлова⁴⁴. Некоторое созвучие в наименовании Сюурлий и Орляя еще не дает основания сблизать их путем насильственного добавления частицы «су», изменяющей смысл. Кроме того, до реки Орловой от Изюмского перевоза даже по прямой линии около 130 верст, а с неизбежными при переходе отклонениями в сторону будут и все 140 верст, если не больше⁴⁵. Совершенно очевидно, что пройти такое расстояние в течение ночи и утра следующего дня невозможно. Летопись в отношении перехода от Сальни-

цы до Сюурлия говорит вполне определенно, что северские полки шли в походе всю ночь, а утром в пятницу увидели половцев на другом берегу реки Сюурлий⁴⁶. Ради кажущейся близости названий Сюурлий — Орлова исследователю понадобилось искусственным образом измышлять пяти- или шестидневный переход от Сальницы до Сюурлия, вступая этим в открытое противоречие с показанием источника. Это явная «натяжка», которая ничем не подтверждается. В данном месте летописный текст настолько ясен, что решительно нет основания для какой-либо попытки его исправлять.



Сюурлий и Каяла
(по Лонгинову).

Что касается названий «Ялы» и «Каялы», то между ними невозможно сближение в силу большого различия по их значению. По-турецки «yali» (ялы) означает берег реки или моря, а также летнее жилище на берегу. «Kayali» (каялы) значит скалистая, каменистая. Как видим, обем рекам дана совершенно разная характеристика, которая именно и должна служить путеводной нитью при отыскании местонахождения означенных рек. Название «yali», повидимому, указывает на места летних кочевий; «kayali» же, напротив, свидетельствует о скалистых каменистых берегах, среди которых протекает река; таким образом, по своему значению, «ялы» и «каялы» — разные понятия.

Кроме того, по подсчету самого Лонгинова, от Сюурлия преследующие полки углубились на юг на 30 верст⁴⁷ и, значит, в общей сложности, от Изюмской переправы до места «ночлега» в степи русские должны были пройти 170 верст (140 + 30) во время ночного перехода (накануне пятницы) и в течение дня пятницы до позднего вечера. Совершить такой большой переход в столь короткое время, конечно, было

невозможно. Эпитет «быстрая» вовсе не значит «многоводная» (сравни многоводный, но «тихий» Дон). Чтобы оправдать применение к реке эпитета «быстрая», необходимо предварительно доказать, что такая река имеет быстрое течение, чего в данном случае исследователем не сделано.

Неубедительность соображений Лонгинова станет еще более ясной, если в соответствии с ними представить наглядно на карте схему движения Игоря. В самом деле, по мнению Лонгинова Игорь, выступив 23 апреля из Новгород-Северска, подошел к Осколу 2 мая и, следовательно, все это расстояние прошел за 10 дней (23 апреля — 2 мая). Затем два дня (3 и 4 мая) протекли в ожидании Всеволода. Соединившись вблизи Оскола, братья от места их встречи дошли до Изюмского перевоза за один день (5 мая). Таким образом, Лонгинов полагает, что все расстояние от Новгород-Северска до Изюмского перевоза (Сальницы) Игорь прошел за 11 дней ($10 + 1$), делая в среднем «ежедневный переход около 25 верст».

Обратившись к масштабным измерениям на карте, нетрудно убедиться, что указанное расстояние от Новгород-Северска до предполагаемого места встречи (считая по прямой линии) составит свыше 400 верст. В таком случае Игорь должен был проходить в день не 25, а 40 верст ($400 : 10$), между тем как сам же Лонгинов считает однодневный переход равным 25 верстам. Следовательно, Игорь за 10 дней не мог пройти упомянутого расстояния, на что потребовалось бы значительно больше времени, около 16 дней ($400 : 25$).

Это противоречие, выявленное ближайшим изучением карты, вновь подтверждает, что путь Игоря намечен Лонгиновым ошибочно.

Высказанные нами выше возражения не позволяют поэтому принять малообоснованные предположения Лонгинова относительно Сюурлия и Каялы.

Новейшая попытка обосновать вероятный путь князя Игоря Северского на половцев в 1185 г. сделана В. А. Афанасьевым⁴⁸, который описание похода начинает с сообщения Ипатьевской летописи о том, что Игорь выступил из Новгород-Северска 23 апреля и двинулся по направлению к нынешнему Белгороду, где перешел через Донец и по его левому берегу, «не дожидаясь» будто бы здесь Всеволода, направился вниз к Изюму. Летописное сообщение, что Игорь на девятый день похода, т. е. 1 мая (день затмения), «перевреде Донец и тако прииде ко Осколу», рассматривается как указание, что Игорь «переправился с левого берега на правый берег Донца у Изюмской переправы», около устья Оско-

ла, и именно здесь, «немного южнее Изюма», ожидал брата Всеволода два дня, 2 и 3 мая ⁴⁹. Исходя из расчета, что весь пройденный за девять дней путь до Изюма «составляет около 360 верст», дневной переход Игоря принимается в среднем равным 40 верстам, и на этом выводе строятся дальнейшие географические соображения ⁵⁰. Указывается, что, соединившись в субботу 4 мая, братья двинулись «к югу от Изюмского кургана», к реке Сальнице, «куда полк Игоря прибыл

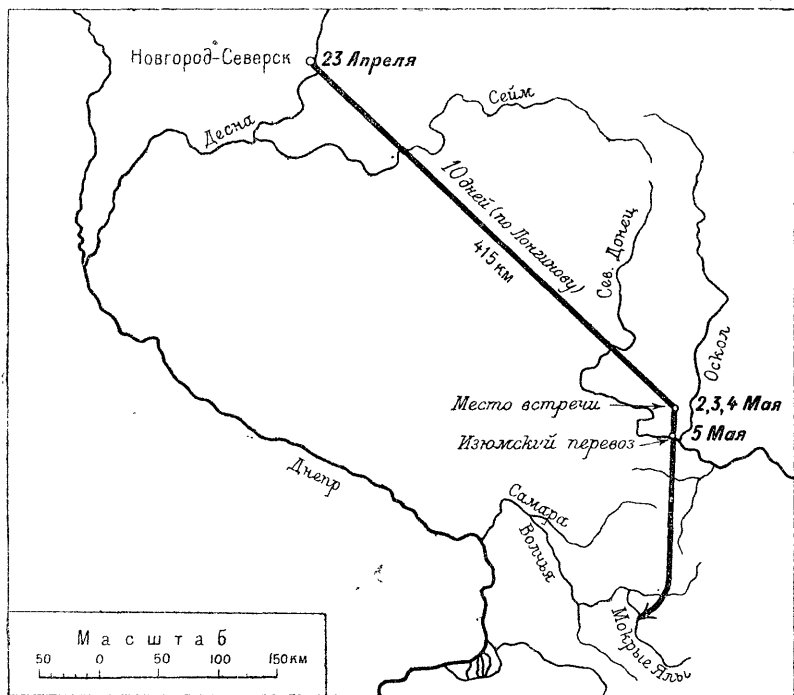


Схема движения Игоря (по Лонгинову).

вечером той же субботы 4 мая» ⁵¹. Сальница отождествляется с рекой Тор на том же основании, как и у Аристова. В согласии с мнением Лонгинова высказывается предположение, что русское войско, двигаясь от Сальницы до реки Сюрлий, совершило не один только ночной переход, а продолжало поход и в следующие дни, с 5 по 10 мая, т. е. вплоть до утра пятницы 10 мая, и только тогда, наконец, они подошли к реке Сюрлий, на берегу которой и увидели половцев. Так как по такому расчету Сальницу от Сюрлия разделяет шесть дневных переходов (4—10 мая), то расстояние между ними принимается равным «примерно 240 верстам» ⁵².

Повторяя мнение Татищева, Афанасьев название реки Сюурлий читает, как Суугли, и, разыскав в верховьях речки Должика (приток Каменки, впадающей в Северский Донец) две «Угольные» балки, предлагает их считать за Суугли — Сюурлий. Расстояние же от реки Сальницы — Тора до Сюурлия—Должика исчисляется им «примерно» в 220—230 верст⁵³. Общий ход событий изображается в следующем виде. После победы над половцами на реке Сюурлий передовые русские полки преследовали их и захватили вежи. Вечером того же 10 мая дружина Игоря остановилась на ночной отдых в степи. На другой день, в субботу 11 мая, северских князей окружили половцы со всех сторон, но Игорь, якобы, продолжал наступление «в восточном направлении», оттеснил половцев к самому Донцу и принудил их перейти на другой берег⁵⁴. Вслед за отступившими половцами переправилось через Донец и русское войско. Черниговские ковуи при этом покинули Игоря и «потянулись вверх по Донцу», будто бы с целью там «пограбить богатые станы половецкие»⁵⁵. Дальнейшие события — пленение Игоря и поражение северских дружин — изображаются так, что «все это происходило на левом берегу Донца» (следовательно, после последней, т. е. третьей переправы через Донец), «вблизи быстро текущей в скалистых берегах реки Каялы (что в переводе с татарского и означает реку быструю; это русское название реки Быстрой сохраняет до нашего времени последний большой левый приток Донца)»⁵⁶.

В итоге подобного освещения событий приходится допускать, что Игорь во время своего похода трижды переправлялся через Северский Донец: 1) около Белгорода, 2) около Изюма (здесь дружина Игоря видела затмение)⁵⁷, 3) около устья реки Быстрой (это третья и последняя переправа). По мнению Афанасьева, летопись упоминает только о второй переправе, но о первой и третьей молчит. За девять дней, с 23 апреля до 1 мая, Игорь до Изюма прошел «около 360 верст», где ждал 2 и 3 мая Всеволода. В субботу 4 мая к вечеру Игорь дошел до реки Сальницы. В последующие дни, начиная с ночного перехода с 4 на 5 мая и включительно до утра пятницы 10 мая Игорь прошел «около 220—230 верст» и, таким образом, достиг реки Сюурлий (Должик). Отсюда в течение 10—11 мая и до полудня 12 мая Игорь достиг реки Каялы (Быстрой), пройдя еще около 80 верст слишком от Должика до устья Быстрой⁵⁸.

Однако при рассмотрении этих предположений возникает ряд возражений. Нельзя согласиться с тем, что за девять дней, с 23 апреля по 1 мая, Игорь прошел от Новгорода Северского до Изюма путь длиною «около 360 верст», делая

в среднем переход по 40 верст в день⁵⁹. В действительности расстояние от Новгорода Северского (откуда выступил 23 апреля Игорь) до Изюма составляет не 360 верст, а около 500 верст⁶⁰, и, значит, в среднем дневной переход оказывается равным не 40, а 55 верстам. Это в корне разрушает все дальнейшие построения. В самом деле, если дневной переход равен 55 верстам, то, следовательно, те шесть дневных переходов (4—10 мая), которые, якобы, отделяют Сальницу от Сюурлия, составят расстояние между этими реками уже не «около 220—230 верст», а 330 верст (55×6), и в таком случае реку Сюурлий необходимо будет искать уже не около Должика, а на 100 верст дальше в сторону, примерно там, где Афанасьев ищет Каялу. В свою очередь и Каялу по той же причине придется относить по крайней мере на 80 верст далее от намеченного было им места. Такого перемещения Каялы невозможно избежать, если действительно поверить, что Игорь в течение субботы 11 мая прошел «около 60 верст» по направлению к Каяле, или реке Быстрой. Да к этому же расстоянию нужно прибавить еще приблизительно 20 верст, которые Игорь успел отойти от реки Сюурлий в течение второй половины дня 10 мая, после победы над половцами.

Уже одна только неточность, допущенная при вычислениях величины дневного перехода, делает невозможным отождествление Сюурлий—Должик и Каяла—Быстрая. Но возражения этим не исчерпываются. Река Каяла приурочивается к реке Быстрой (которая впадает слева в Северский Донец несколько южнее Калитвы) на том основании, что будто бы «Каялы» в переводе с татарского «означает реку Быструю». Но при разборе мнения Лонгинова было уже разъяснено, что переводить название «Каялы» как «быстрая» нет основания и, следовательно, нельзя использовать этот довод для отождествления реки Быстрой с летописной Каялой.

Отождествление Сальницы с Тором по сравнению с доказательствами Аристова не подкрепляется никаким новым доводом и потому не нуждается в новом опровержении, так как оно уже сделано выше.

По той же причине не требует нового рассмотрения также утверждение, что будто бы северские князья расстояние от Сальницы до Сюурлия прошли не в одну ночь, а в течение шести дневных переходов и что между этими реками должно лежать расстояние в 240 верст или, по крайней мере, 230 верст. Подобное мнение, как уже указывалось, находится в прямом противоречии с источником.

Никаких шестидневных переходов летопись не знает.

По мнению Афанасьева, после победы при Сюурлии и ночного отдыха в степи Игорь утром 11 мая будто бы выделил из

своего войска отряд, с которым отправил пленников и захваченную добычу «на место». Здесь неясно, о каком именно «месте» идет речь, и лишь из упоминания о том, что отряду предстояло охранять пленников «на протяжении свыше 500 верст», можно догадываться, что речь, видимо, идет о поручении Игоря доставить добычу в Северское княжество⁶¹. Для этого невероятного эпизода ни в «Слове», ни в летописи нет никакого намека. Весь эпизод основан исключительно на домыслах. Неизвестным для читателя остается также источник сведений о том, что якобы «войско Игоря насчитывало примерно 4 000 воинов», а главный полк Игоря состоял, вероятно, из 1 000 дружинников⁶². Ни в летописном описании, ни в «Слове» ничего об этом не говорится.

Далее указывается, что после победы над половцами при Сяурлии, «Игорь, вполне довольный достигнутым успехом и богатой добычей, предлагал князьям тогда же, закончив преследование, начать обратный поход, учитывая возможность появления новых половецких сил... Но это разумное предложение успеха не имело, так как младшие князья, опьяненные успехом, повидимому, решительно воспротивились, и Игорю пришлось уступить им», т. е. вместо того, чтобы благоразумно начать обратное движение, Игорь подчинился настойчивости младших князей и, вопреки собственному убеждению, решил наступать.

Признавая, что в субботу 11 мая северских князей окружили половцы со всех сторон, В. А. Афанасьев, однако, уверяет, что Игорь, несмотря на «бесчисленное множество» окруживших его врагов, продолжал «наступать по водоразделу в восточном направлении» и «к вечеру» приказал дружине спешиться, «чтобы дать отдых измученным коням»⁶³. На самом деле, летопись рассказывает совсем другое, а именно: «Светаючи же субботе, начаша выступати полци половецкие, ак борове... бысть бо их бесчисленное множество. И рече Игорь: се ведающе собрахом на ся землю всю... и тако угадавше вси, соседоша с коний, хотяхуть бо быющеся дойти реки Донця; молвахуть бо: оже побегнем, утечем сами, а черные люди оставим, то от бога ны будет грех: сих выдавше пойдем; но или умрем, или живи будем — вси на едином месте»⁶⁴. Из приведенного летописного текста видно, что дружина спешила не «к вечеру», а на рассвете; что, увидав многочисленных врагов, северские князья сразу оценили опасность создавшейся обстановки и не только не собирались «наступать», но обсуждали даже вопрос о спешном отступлении («оже побегнем», — говорили они).

Когда северские дружины спешили, то, по словам Афанасьева, видя «явную утомленность дружин», половцы, поль-

зуюсь превосходством своей конницы над пешими русскими воинами, стали «вызывающе дерзкими» в своих атаках. Половцы при этом оказались столь сильны, что могли даже не подпустить к воде северские полки, которые стали поэтому страдать от зноя и жажды⁶⁵.

Казалось бы, при таких условиях Игорь должен был понять, в какой смертельной опасности находится его войско, и помышлять не о наступлении против превосходных сил противника, а о спасении своей рати. Но ничего подобного не происходит. Какая-то роковая сила увлекает Игоря все дальше и дальше на восток, навстречу его гибели. Так, противореча своим собственным словам и всей конкретной обстановке, автор разбираемой гипотезы заставляет истомленных зноем и жаждой русских воинов продолжать еще далее их «наступление» на восток.

Впрочем, несмотря на свои «вызывающе дерзкие» атаки и «почти полное изнеможение спешенной дружины» северских князей, половцы почему-то продолжают отступать до самого Донца и даже переходят его. За ними переправляются северские полки, и только здесь непрерывно «наступающий» Игорь терпит необъяснимое поражение от тех самых половцев, которых он все время гнал перед собой. Именно такая противоречащая источникам картина событий рисуется данной гипотезой. Она не убеждает читателя.

Аналогичное противоречие с источником особенно наглядно в описании эпизода с ковуями. По словам летописи, после непрерывного утомительного боя в течение дня субботы и последующей затем ночи в русских полках оказалось много раненых и убитых. С наступлением рассвета в воскресенье ковуи пришли в смятение и побежали. Летопись описывает это в следующих словах: «бысть же светающе неделе, возмятошася ковуеве в полку, побегоша»⁶⁶. Из этого текста следует, что ковуи не выдержали непрерывного боя и побежали, а вовсе не «потянулись вверх по Донцу». И побежали притом ковуи совсем не потому, что у них якобы разгорелось вдруг «желание пограбить богатые станы половецкие», а потому, что только в спешном бегстве видели надежду спасти свою жизнь⁶⁷. В эту минуту ковуям время было думать уже не о добыче и грабеже, а лишь о том, чтобы как-нибудь уцелеть перед лицом серьезной опасности, грозившей всему Игореву войску.

Неправильное толкование приведенного выше летописного текста о ковуях, как мы видели, в корне искажает показание источника, без всякого на то основания.

Неправильно исчисляя дневной переход Игоря в 40 верст и считая невозможной такую быстроту движения для пехот-

ного войска, В. А. Афанасьев делает из этого заключение, что полк Игоря был весь конным»⁶⁸. Между тем, согласно приведенному летописному рассказу, северские князья, будучи окружены половцами, рассуждали так: «оже побегнем, утечем сами, а черныя люди оставим, то от бога ны будет грех: сих выдавше, пойдем; но или умрем, или живы будем — вси на едином месте»⁶⁹. Иначе говоря, северские князья понимали, что конная дружина еще имела возможность спастись бегством, но мысль о том, что в таком случае были бы покинуты на верную гибель «черные люди», то есть пешая рать, — эта мысль удержала князей; и было принято мужественное решение: конным спешиться и присоединиться к черным людям, чтобы общими усилиями защитить себя или встретить смерть всем вместе, рядом. Приведенный отрывок летописи прямо указывает на то, что «черные люди» были пешей ратью⁷⁰.

Ипатьевская летопись начинает свой рассказ о походе Игоря с указания на то, что Игорь выступил из Новгорода Северского 23 апреля, «поимя со собою брата Всеволода и Трубечка и Святослава Ольговича сыновця (племянника. — К. К.) своего из Рылска и Володимера сына своего из Путивля, и у Ярослава испроси помочь Ольстина Олексича... с коуи Черниговскими»⁷¹. Как видно из приведенного текста, в нем сообщаются имена главных участников похода. На основании слов «поимя со собою брата Всеволода» и отбрасывая всю остальную часть фразы, Афанасьев, видимо, полагает, что Всеволод вместе с Игорем сначала выступил из Новгорода-Северска, но вскоре затем «временно отделился от Игоря, очевидно для того, чтобы ускорить сбор своих курян, заверив, однако, при этом старшего брата», что в действительности уже «куряне готовы» и с оседланными конями «находятся в полной боевой готовности»⁷².

Но если Всеволод отделился от Игоря с тою целью, чтобы «ускорить» сборы курян, значит, куряне не были «готовы». Если же куряне находились с оседланными конями «в полной боевой готовности», то, таким образом, незачем было «ускорять» их сбор и, следовательно, не по этой причине отделился Всеволод от брата. Впрочем, по смыслу приведенного выше летописного текста («поимя со собою Всеволода... и Святослава... и Володимера» и т. д.), из него вовсе нельзя заключить, что сначала Всеволод явился в Новгород Северский, а затем оставил Игоря, чтобы поехать к Курску. Видимо, дружины остальных князей присоединялись к Игорю по мере его движения, когда он уже находился в пути, на походе. Что касается Всеволода, то о нем прямо сказано в летописи, что он шел из Курска «иным путем»⁷³.

В итоге рассмотрения новой гипотезы приходится признать, что основные ее выводы противоречат источникам, переходя иногда в искусственное необоснованное построение.

* * *

Попытаемся в свою очередь установить местонахождение Сальницы. Обычный путь к верховьям Донца, куда направлялись северские князья, пролегал между Сеймом и Пислом по водоразделу, служившему рубежом между Северским и Переяславским княжествами. В XVII в. этот путь носил название Бакаевой дороги, которая переплеталась с известным Муравским шляхом у верховьев Северского Донца и Сейма, служивших узлом нескольких дорог, куда сходились с запада — Бакаева дорога от Рыльска, и с севера — Пахнутцова дорога из курских мест, но здесь же и расходились, разветвляясь на Бакаев шлях и Муравский, уходившие на южную окраину Московского государства. Место соединения и расхождения этих путей определялось в московских актах выразительными словами: «на Ростанех». Недалеко отсюда начиналась и Изюмская сакма (дорога), по водоразделу между Осколом и Северским Донцом, выводившая на юг к устью Оскола на среднее течение Северского Донца, в район бывшей Половецкой земли.

К указанному узлу путей в верховьях Сейма и Донца, очевидно, и направлялся Игорь со своим войском, быть может, надеясь шедшего из Курска Всеволода встретить именно здесь, на перекрестке дорог. Но, вероятно, Всеволод запоздал, потому что в действительности встреча братьев, очевидно, произошла южнее, между Осколом и Северским Донцом⁷⁴. Если, согласно летописи, Всеволод шел «иным путем», то, надо думать, от Трубчевска он двигался через Севск, откуда Свиная дорога подводила к реке Сейму. Далее от Курска Пахнутцовой дорогой Всеволод, переправившись через Сейм, и мог выйти к верховьям Сейма и Донца, к тому самому перекрестку путей, о котором уже сказано.

С переходом войска Игоря на левый берег Донца для него открывался единственный удобный путь — Изюмская сакма, пролежавшая по ровной местности, не затруднявшей движения переправами через реки. На следующий день соединившиеся дружины князей пошли к реке Сальнице. В летописи нет точного указания, где находится означенная река. Между тем от правильного определения местонахождения реки Сальницы зависит и правильность дальнейшего историко-географического построения. На разрешении этого вопроса прежде всего и следует остановиться.

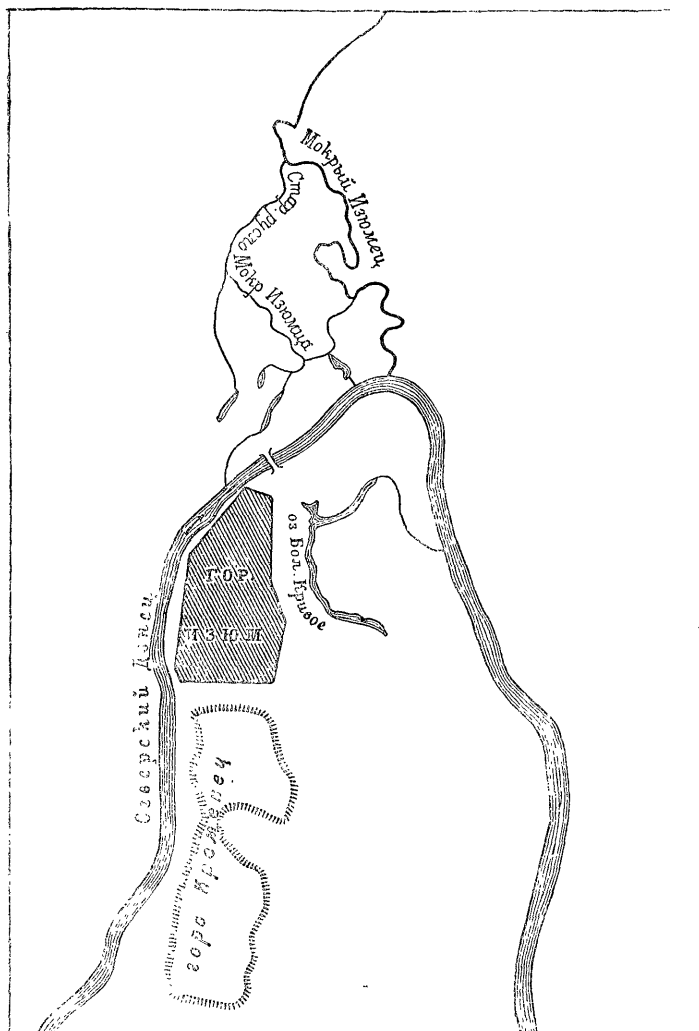
* *
*

Ссылаясь на «Книгу Большого Чертежа», где сказано, что Сальница впадает в Донец ниже Изюма, Аристов считает, что это вполне соответствует Тору, который впадает «действительно в 45 верстах ниже Изюма», считая по берегу Донца⁷⁵. Однако «Книга Большого Чертежа» говорит нечто большее. В одном экземпляре сказано: «А ниже Изюма пала в Донец, с правые стороны, река Сальница. А ниже тое Изюмец», причем в азбучном указателе Сальница названа речкой. В другом экземпляре в соответственном месте приведенные слова о Сальнице заменены иными, существенно их дополняющими: «А ниже Изюма Изюмец: меж их версты с две. А меж Изюма и Изюмца на Донце Изюмский перевоз»⁷⁶. Следовательно, Сальница впадает не только ниже Изюма, но и выше Изюмца, т. е. между ними, устья которых разделяет всего лишь двухверстное расстояние, причем как раз у Сальницы находится Изюмский перевоз. Другими словами, местонахождение «загадочной» Сальницы указано в источнике на редкость точно!

«Книга Большого Чертежа», составленная не позже начала XVII в., как ближе стоящая к событиям конца XII в., т. е. к походу Игоря, заслуживает в данном случае больше доверия, чем малоубедительные догадки исследователей, желающих, вопреки показанию источника, найти Сальницу в одной из рек, протекающих около Соленых озер или даже носящих название Соленая.

В том районе Северского Донца, где разыгрался драматический эпилог похода Игоря, можно указать целый ряд рек, носящих наименование Соленой. Так, например, недалеко от устья Оскола, километрах в пятнадцати, между деревнями Ивановской и Левковской в Северский Донец с левой стороны впадает Солонецкий Яр; в реку Оскол, километрах в тридцати выше его устья, впадает с левой стороны речка Соленая; в реку Красную (левый приток Донца, ниже Оскола) впадают с левой и правой стороны, несколько выше ее устья, балка Солоня, — около селения Кременного, и балка Соленая, — около селения Кабаньего. В непосредственной близости от истоков Казенного Торца начинается река Соленая, которая, приняв в себя Солоненку, впадает справа в реку Волчью (приток днепровской Самары); недалеко от истоков Кальмиуса берет свое начало Солонка, впадающая в Сухие Ялы, т. е. в левый приток Волчьей, и т. д.⁷⁷. Словом, рек с названием Соленой в данном районе немало. Однако одно это обстоятельство еще не дает основания искать среди них

Сальницу, при наличии точного указания ее в источнике. Согласно «Книге Большого Чертежа» Сальница, как было сказано, впадает в Донец между устьями Изюма и Изюмца.



Устье Изюмца

(по рукописному атласу Харьковской губ., конца XVIII в.).

Северский Донец, встречая здесь на своем пути Кременную гору свыше 200 м высоты, круто поворачивает к северу, делая излучину и огибая с трех сторон нынешний город Изюм.

Кременная гора (Кременец, точнее Кермен), замыкающая Изюм с юга, и есть тот самый Изюмский курган (который упоминает «Книга Большого Чертежа») ⁷⁸, иначе «шеломя», бугор или холм, за который выступила в степь Русь, как об этом повествует «Слово о полку Игореве», восклицая: «О, Русская земля, уже за шеломьянем еси» ⁷⁹.

Долина Северского Донца в районе Изюма, а также на запад и восток от него, покрыта лесом (преимущественно хвойным, отчасти — в самой излучине — лиственным), который ранее, конечно, занимал более значительную территорию, чем теперь ⁸⁰. Это лесное прикрытие могло служить весьма удобным местом для встречи Игоря с разведчиками и для приведения в порядок войск, прежде чем выступить в открытую половецкую степь. Сальница — небольшая речка (в настоящее время не сохранившаяся), но при своих незначительных размерах она получала важное значение, потому что собой определяла место переправы через Донец — в этом основание для ее упоминания в летописи, а позднее и в «Книге Большого Чертежа». Через этот пункт между Изюмом и Изюмцем и в настоящее время пролегает почтовый тракт. Именно сюда, к этой Сальнице, т. е. к Изюмской переправе, и подошел Игорь, где и встретил своих «сторожей». Очевидно, здесь, еще до переправы через Донец, за которым простиралась уже опасная территория половецкого поля, и происходило совещание северских князей, обсуждавших тревожные донесения разведчиков о том, что половцы готовы к бою «да или поедете борзо, или возворотися домовъ, яко не наше есть время».

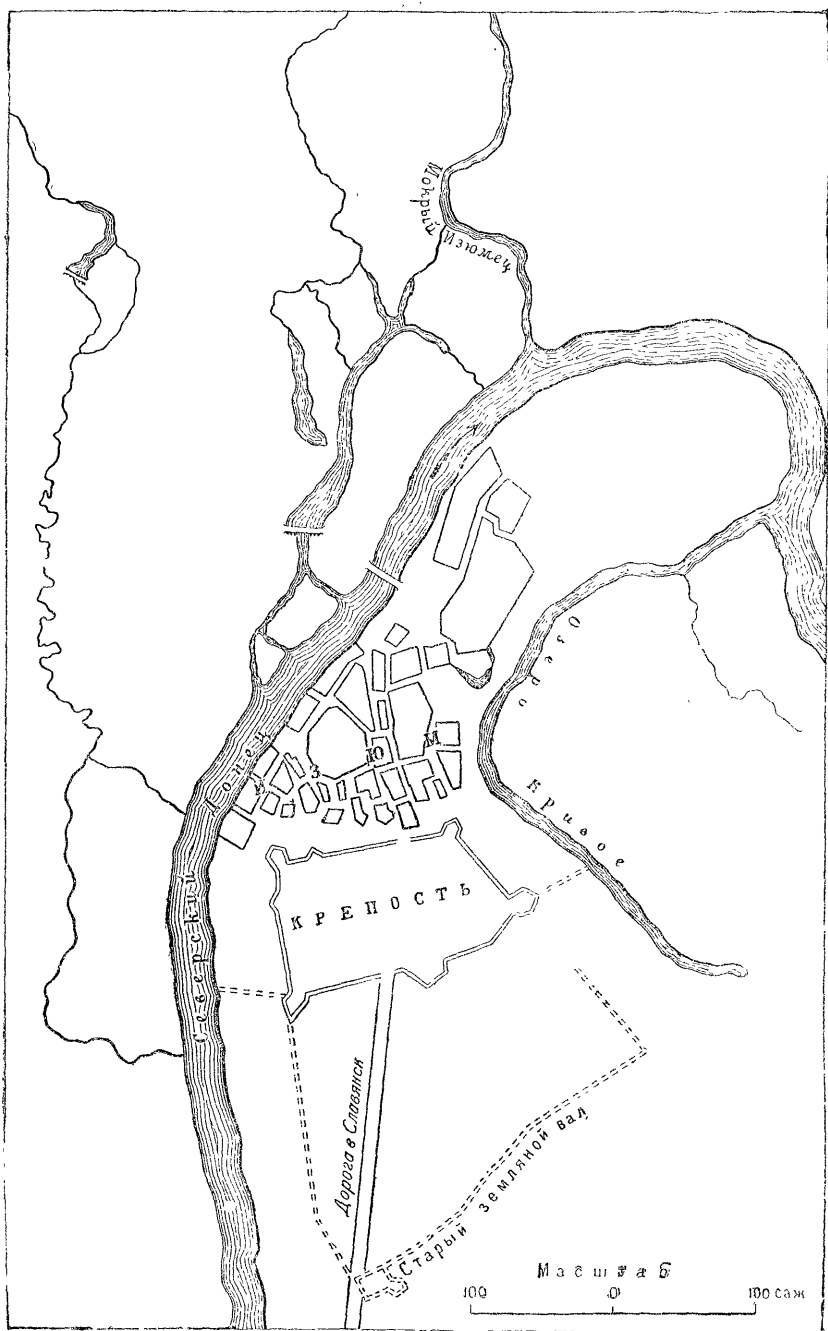
Вышеизложенные данные приводят к заключению, что летописная Сальница в соответствии с показанием «Книги Большого Чертежа» действительно впадала в Донец между Изюмом и Изюмцем ⁸¹.

* *

*

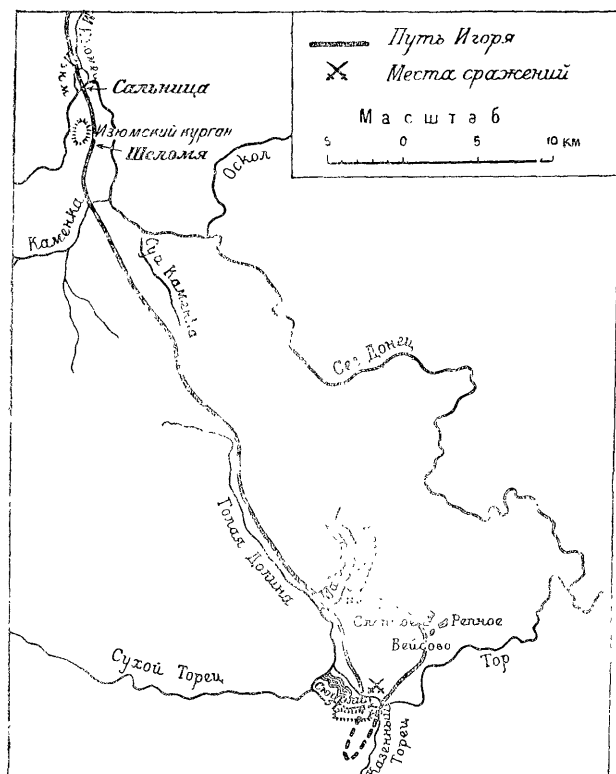
Установлением местонахождения Сальницы мы приобрели, если можно так выразиться, один основной, крайне важный, пункт для освещения интересующего нас района в географическом отношении.

На своем пути Игорь последовательно проходил реки Сальницу, Сюурлий и Каялу. Если установленное нами местоположение Сальницы можно признать правильным, то Сюурлий нужно искать где-то южнее Сальницы. От Сальницы до Сюурлия русские шли всю ночь и следующее утро почти до полудня, когда увидели половцев. Значит, река Сюурлий находилась от Сальницы на расстоянии полутора-двухдневного перехода, т. е. около 40 верст, что соответствует



План города Изюма 1786 г.

расстоянию между Изюмом и озерами вблизи мест слияния Сухого Торца с Казенным Торцом, где ныне стоит город Славянск⁸². По документам XVI и XVII вв. и позднейшим можно проследить, что этот путь выводил на Торский шлях, проходивший по Большому Тору (нижнему течению Казенного Торца—Тор)⁸³. На картах конца XVIII в. и начала XIX в.



Путь Игоря от Сальницы до Каялы
 (по варианту К. Кудряшова)

он уже обозначается как тракт между городами Изюмом и Славянском⁸⁴. Путь этот, пересекая реку Каменку и продолжаясь затем вдоль реки Голыи Долины, впадающей в Сухой Торец, пролегает по ровной и удобной местности, не встречая ни болот, ни трудных речных переправ, так что пройти его за указанный срок возможно.

«Суярлы» по-татарски значит разлив воды, место разветвления рек на рукава или притоки. Понятию «суярлы» близ-

ко соответствует в «Книге Большого Чертежа» термин «раздоры» (например, «Донские Раздоры»), а также «россоши».

К месту слияния Голой Долины, Сухого и Казенного Торца вполне применимо название «суярлы», так как в этом месте имеется не только разветвление, «раздоры», рек, но наблюдается и разлив воды. При впадении в нижнее течение Сухого Торца река Голая Долина раздваивается и, таким образом, образует два русла, которые вливаются в Сухой Торец. Вместе с тем при устье Голой Долины один из ее рукавов, разливаясь, образует большой плес. К нижнему течению Сухого Торца, заключенному между его устьем и рекой Голой Долиной, с севера примыкает болотистая низменность с озерами Крайним и Средним Лиманом. Во время весеннего половодья эта местность иногда так широко заливается, что вода достигает города Славянска⁸⁵. В противоположность левому берегу, низменному, правый — крутой и высокий, над которым с юга, от устья Голой Долины до Казенного Торца, поднимается на 170 м заметная возвышенность, отмеченная не только на трехверстной и десятиверстной карте, но даже и на гипсометрических картах мелкого масштаба⁸⁶. В «Истории» Татищева имеется ценное замечание о том, что когда русские князья, наступая, перешли через реку Сюурлий, то половцы отступили от реки «за гору»⁸⁷, т. е., очевидно, за упомянутую возвышенность, находившуюся на правом берегу Сюурлия. Что эта возвышенность населением называется горой, подтверждается наличием около нее селений Подгоровка и Ясная Горка. Таким образом, первое столкновение с половцами на реке Сюурлий очевидно произошло около слияния Сухого и Казенного Торца вблизи указанной горы.

* *

*

Некоторые исследователи⁸⁸, изучившие известия о походе Игоря, Каялой довольно согласно считают Кальмиус, впадающий в Азовское море. Другие ищут ее в иных местностях⁸⁹. Чтобы осторожнее судить в этом вопросе, необходимо обратить внимание на то, как высказываются источники. Только Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» говорят о том, на какой именно реке произошло поражение северских войск⁹⁰. Прочие источники, свидетельствуя самый факт поражения, не отмечают, однако, около какой реки это случилось.

Между тем, напротив, при описании первого столкновения с татарами во многих летописях отмечается, что битва

эта произошла на Калке, название которой, впрочем, дается в разных летописях с некоторыми незначительными вариантами: Калка, Кална, Калец, Калак, Калок⁹¹. Несколько иначе определяется место битвы Новгородской четвертой летописью:

«Бысть на Калках брань великая, и победиша погании татары половець и князей Руских, а руская сила паде». В описаниях битвы Мамая с Тохтамышем в 1382 г. также говорится, что оба соперника «сретошася на Калках». Но, может быть, всего любопытнее указания Ипатьевской летописи, которая, рассказав, как первое столкновение русских с татарами произошло у «реки Калки», несколько позже, при описании Батыева нашествия, вспоминает, что это во второй раз пришли те же «безбожнии измаильтяне», которые прежде бились с князьями «на Калкох»,⁹². Таким образом, в сознании летописца место битвы «на Калке» и «на Калкох» это географически одно и то же.

Можно, следовательно, считать, что Калка не одна река: их по меньшей мере две, и притом они географически тесно связаны друг с другом. Вывод этот подтверждается и «Книгой Большого Чертежа», где направление Кальмиусской сакмы в районе Миуса и Кальмиуса определяется так: «А от верх речки Миуса к верх речки Елькуваты к верху речкам к Калам; а те речки по левой стороне той дороги пали в море, а от речек от Кал к речке к Караташу».

Проследив последовательно указанное направление Кальмиусской дороги по карте, нетрудно усмотреть, что заключенные между Миусом и Караташем реки Калы или Калки — это нынешние Кальмиус с притоком Кальчик.

Автор «Слова о полку Игореве», заканчивая описание разгрома северских дружин, упоминая о судьбе Игоря и его брата Всеволода, не без грусти замечает: «Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы»⁹³. Река Каяла не случайно здесь названа быстрой. При фактической точности описания событий похода в «Слове», нередко повторяющем буквально летописные данные⁹⁴, не удивительно, что и Каяла правильно названа «быстрой» рекой. Кальмиус действительно имеет «течение быстрое и извилистое», долина реки «узкая и глубока с обрывистыми и часто скалистыми берегами»⁹⁵. Самое слово «Каялы» как уже упоминалось, на турецком языке означает: скалистая, обрывистая. «Halka» (Калка) значит круг, воронка. «Halkalanmak» в применении к воде значит расходиться кругами, кружиться воронкой. При быстром течении в скалистых извилистых берегах на поверхности реки в самом деле наблюдаются расходящиеся воронки. Иначе говоря, значение слов «Каяла», «Калка»

вполне применимо к Кальмиусу и дает новый довод в пользу отождествления этой реки с летописной Каялой⁹⁶.

* *

*

Имеются, однако, данные, которые говорят против такого отождествления. Если считать Кальмиус Каялой, то это значит, что русские полки должны были пройти от Сальницы до верховьев Кальмиуса с четверга до полудня воскресенья общее расстояние 120 верст или около того.

Если в ночь с четверга на пятницу до 11 часов следующего дня войско Игоря могло пройти около 40 верст до места слияния Тора с Сухим Торцом, то для того, чтобы к полудню воскресенья достигнуть Кальмиуса, северским полкам надлежало идти в направлении от Северского Донца на юг и, значит, в течение двух суток пройти остальные 80 верст, что для древнерусской рати было неисполнимо в особенности в обстановке непрерывного боя с половцами, происходившего ночью и днем.

Кроме того летопись прямо указывает, что когда в субботу половцы окружили русских, то дружина Игоря сошла с коней и вместе с пешей ратью черных людей «хотяхуть бо-бующися дойти реки Донця... и тако бишася ту днину до вечера ... Наставши же нощи суботнии и поидоша буючися»⁹⁷. Летопись, таким образом, настойчиво повторяет, что в субботу днем и в ночь на воскресенье русские упорно пробивались сквозь половецкие ряды, двигаясь к Донцу, а не к Кальмиусу, иными словами, на север, а не на юг.

В свете этих данных Каяла должна находиться севернее того места, где русское войско остановилось на ночной отдых в половецкой степи.

Далее, когда русские перешли реку Сюурлий и передовые полки погнались за бежавшими половцами, Игорь с Всеволодом, не распуская своих полков, двинулись вслед, «помалу идяста», т. е. не быстро, и, следовательно, могли продвинуться за Сюурлий на небольшое расстояние. Утомленные полуторадневым переходом от Сальницы, они уже не в силах были, перейдя Сюурлий, углубляться далеко в степь. Дождавшись возвращения своих полков из погони, русские князья в субботу на рассвете двинулись на север к Донцу. На возвратном пути их движение должно было происходить медленнее, чем при ночном переходе от Сальницы, так как, будучи окружены половцами, они вынуждены были своим оружием прокладывать себе дорогу в непрерывных боях с многочисленным противником.

На следующий день последовало поражение русских на «быстрой Каяле».

Известно, что Кончак на поле битвы поручился за своего «свата» Игоря, взяв его в качестве пленника, причем Игорь, будучи в плену, жил на берегах реки Тора. Это наводит на мысль, что Каяла находится вблизи Тора.

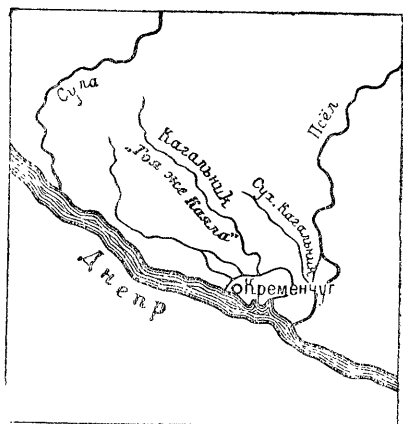
Из описания Ипатьевской летописи мы знаем, что Игорь, схваченный половцами, видел, как его брат Всеволод, уже без оружия еще продолжал отбиваться от половцев «идуше вокруг при езере». Между тем, согласно Лаврентьевской летописи, русские не подпускались половцами к воде, отчего истомились от жажды и зноя. На первый взгляд между двумя указаниями — явное противоречие. Становится непонятным: как могло случиться, чтобы русские воины страдали от жажды, если сражение происходило у берегов озера? Однако всякое недоумение исчезает, если согласиться, что битва разыгралась возле одного из Торских соляных озер. Вода была действительно близка, но утолить жажду было невозможно.

Полученному выводу о Торском озере не противоречит (и даже косвенно подтверждает его) летописное сообщение о том, что, потерпев поражение, многие ковуи «в море истопоша». Некоторые исследователи, полагая, что здесь речь идет о море в современном понимании этого слова, немало потрудились, чтобы подыскать Каялу вблизи Азовского моря. В действительности же выражение «в море истопоша» означает, «погибли в озере»⁹⁸. В пользу этого свидетельствует ряд указаний. В «Словаре книжной малорусской речи XVII в.», изданном Житецким, «море» обозначается, как «состав водный, озеро». По Далю, под «морем» подразумеваются «пучинистые места, озера». По летописному описанию, во время Ледового побоища на Чудском озере от сильного шума битвы казалось, что замерзшее «море» двинулось. Море и в этом случае отождествлено с озером. Мелководные озера на берегах Каспийского моря по местной терминологии и до настоящего времени называются «морцо»⁹⁹. Не забудем также, что прежнее Меотийское озеро мы в настоящее время называем Азовским морем.

Из Торских соляных озер около Славянска известны: Репное, Вейсово (Маяцкое или Майданное) и Слепное. Находящийся при впадении реки Голой Долины в Сухой Торец плес ввиду его пресноводности не может здесь приниматься во внимание. Репное озеро образовалось спустя несколько сот лет после сражения на Каяле, когда земля под казенным солеваренным заводом лопнула, или «репнула», по местному выражению; засыпанные ключи разлились, и, таким

образом, солеваренный завод очутился на дне обазовавшего-ся озера, которое и получило название Репного¹⁰⁰. По сведениям, полученным местным археологом от старожилов, между озерами Вейсовым и Репным в 1894 г. (при устройстве железнодорожной ветки через Славянск) было выкопано на небольшой глубине от поверхности земли много человеческих костяков, лежавших в беспорядке среди остатков железного оружия¹⁰¹.

Если эти археологические находки являются следами последней битвы Игоря с половцами, то это служит новым обстоятельством в пользу отождествления озера Вейсова или Слепного с «езером» Всеволода. Обследование на месте может дать необходимое обоснование для того, чтобы остановить выбор на одном из указанных озер в связи с местоположением реки Каялы.



Кагальник и Нижняя Сула по карте Новорос. губ. 1779 г.

В непосредственной близости от Торских озер следует искать реку Каялу. Протекающая здесь Голая Долина со своим тихим и спокойным течением не может считаться «быстрой» Каялой. Но в Голую Долину впадает речка Макатиха, которая берет начало в Маяцком лесу. Быстрая и половодная, с миниатюрными водопадами, текущая среди высоких отвесных берегов, напоминающих маленький каньон, Макатиха имеет признаки, позволяющие отождествить ее с Каялой. Возможно, что Макатиха и есть река Каяла, как полагал местный украинский археолог Н. В. Сибилев, специально обследовавший этот район. По своему значению, однако, название «Каяла», т. е. «Каменистая», ближе всего отождествляется с реками Каменка и Сухая Каменка, впадающими в Северский Донец с правой стороны пониже Изюма, но здесь не наблюдается близости «езера» Всеволода.

Некоторые исследователи пытаются выяснить, о какой Каяле говорит «Слово» в известном отрывке: «С тоя же Каялы Святополк полелея отца своего между угорьскими иноходьцы ко святой Софии к Киеву»¹⁰². Выражение «с тоя же Каялы» в данном случае имеет смысл: «с такой же Каялы»¹⁰³. Здесь автор «Слова» вспоминает о победе великого

князя Святополка Изяславича, который в 1096 г. разбил половцев, осадивших Переяславль. Русские войска скрытно от половцев обошли их по правому берегу Днепра и, когда переправились через Днепр у Заруба, русская конница неожиданно кинулась на половцев, стоявших на другой стороне реки Трубежа. «Се видивше, половци устремишася на бег». Русские погнались «у след ратных» и, преследуя, избивали противников. Погибло при этом много половецких князей. Тесть Святополка, половецкий хан Тугоркан, также пал в битве. Видимо, русские гнались за половцами на значительное расстояние, потому что только «наутрея же налезоша Тугоркана мертва». Святополк привез тело своего тестя в Киев и похоронил в Берестове. Упомянутая в «Слове» в связи с этим событием «тоя же Каяла» это, может быть, река Кагальник, которая берет свое начало вблизи нижнего течения Сулы и, направляясь на юго-восток, впадает в Днепр недалеко от нынешнего Кременчуга, как это изображено на одной из карт XVIII в.¹⁰⁴

* *

*

Местонахождение упоминаемого летописью и «Словом» города Римова, осажденного половцами при отступлении их от Переяславля, из летописного текста неясно. Старое предположение, что здесь в летописи подразумевается город Ромны¹⁰⁵, отпадает в силу того, что летописец упоминает и Римов и Ромны отдельно, следовательно, он различает их как два разных географических пункта, не смешивая одного с другим¹⁰⁶. Один из лучших исследователей по исторической географии полагает, что Римов «скорее всего приурочивается к теперешнему селу Римовке», точнее Римаревке, или Рымаревке, расположенной недалеко от Гадяча на притоке Псла речке Груне¹⁰⁷. Согласно третьему мнению, летописный Римов следует искать там, где стоит местечко Рим вблизи границы трех бывших уездов Роменского, Лохвицкого и Прилукского¹⁰⁸.

Но все предполагаемые пункты, т. е. Ромны, Рим, Римаревка, лежат на северо-восток от Переяславля, на значительном от него расстоянии¹⁰⁹ и в стороне от обычной дороги, которая вела от Переяславля в Половецкую степь. Если приурочивать к одному из указанных трех пунктов летописный Римов, то становится непонятным, зачем понадобилось бы половцам делать в своем отступлении нарочитый зигзаг на северо-восток, когда обстановка, казалось бы, напротив, требовала от половцев незамедлительного отступления кратчайшим путем в степь, на юг от Переяславля, на помощь которому двигались уже по Днепру соединенные си-

лы князей Святослава и Рюрика, угрожавшие отрезать половцам дорогу на юг и перехватить у них награбленную добычу. Что у возвращающихся с набега половцев не было времени на демарши в сторону, это видно из прямого указания летописи на то, что половцы осадили Римов, «идущие же мимо» него, т. е. на возвратном пути к своим вежам¹¹⁰. Невозможность отождествить какой-либо из указанных выше трех пунктов с Римовым подкрепляется и другим обстоятельством: около них нет болота, через которое, по свидетельству летописца, спаслась часть осажденных жителей¹¹¹. Кроме того, Ромны, Рим, Римаревка, находясь в близком расстоянии друг от друга, все расположены в районе, примыкающем к Посемью, где действовал иной отряд половцев с ханом Гза. Между тем летопись связывает разорение Римова с действиями отряда Кончака, оперировавшего около Переяславля, куда половцы проникли «отай», скрывая свое движение¹¹².

Из оставленного Мономахом описания напряженной борьбы Переяславского княжества с кочевниками устанавливается, по какому направлению обычно двигались в степь русские князья. Когда половцы взяли Горошин на нижнем течении Сулы, Мономах погнался за ними за реку Хорол. Вскоре после своего вокняжения в Переяславле он снова бился с половцами на Суле «до вечера». Несколько позже Мономах «седех в Переяславли 3 лета и 3 зимы с дружиною своею... и идехом» на половцев «за Римов, и бог ны поможе, избиша, и, другия поймаша, и паки Итларову чадь избиша, и вежи их взяхом шедше за Голтавом»¹¹³.

Хорол и Голтва — притоки Псла; следовательно, согласно летописи, переяславцы, обороняясь от степных врагов, отгоняют их на юг, за Сулу, в бассейн нижнего Псла. Все эти летописные указания ведут к заключению, что искать Римов следует где-то на юго-востоке от Переяславля, на том пути, который проходил через низовья Сулы за Хорол и Голтву и получил впоследствии выразительное название «злодейского» пути. По предположению исследователя истории Украины, летописный Римов находился в нижнем течении Сулы вблизи впадения в нее речки Буромки, на котором стоит Малая Буромка, по местному произношению Буримка (с ударением на «и»), «наsupротив» которой расположено урочище Супромы, «близкое по названию к Римову», и, быть может, Буромка и есть летописный Римов¹¹⁴.

Предположение это покажется вполне вероятным, если принять во внимание, что как раз в этом районе действительно имеются большие болота, которые тянутся на расстоянии нескольких десятков километров по нижнему течению Сулы,

особенно на север от Буромки, которая расположена на самой границе одного из этих болот ¹¹⁵.

Наличие этих болот является весьма веским доводом в пользу отождествления Буромки с летописным Римовым.

* *

*

Немалые затруднения вызывает попытка определения пути Игоря во время его бегства из плена. Сопровождаемый Овлуром, Игорь начал свое бегство с берегов Тора. Сев на коней, беглецы за ночь миновали половецкие вежи и, по словам Татищева, в два дня доскакали до Русского Брода, причем благодаря быстрой скачке загнали своих «борзых комоней», по свидетельству «Слова». Летопись о Русском Броде молчит, но, упомянув, что беглецы проехали вежи на конях, добавляет затем, что Игорь «иде пешь 11 ден до города Донця».

Этим последним добавлением косвенно подтверждается, что «борзые комони» действительно были загнаны.

Местонахождение города Донца известно и с полным основанием приурочивается к Донецкому городищу, которое лежит вблизи устья речки Харьковы, на берегу реки Уды, впадающей в Северский Донец. По указанию «Книги Большого Чертежа», Донецкое городище находится «по левой стороне вверх по Удам... А выше Донецкого городища... впаля в Уды речка Харькова; от городища с версту» ¹¹⁶. Правильность этого указания подтверждается и археологическими исследованиями. Сделанные на месте городища раскопки показали, что это было «славяно-русское поселение XI—XII века, игравшее роль южного пограничного форта, выдвинутого в степь Переяславским или Черниговским княжеством» ¹¹⁷.

Ввиду неопределенности местонахождения Русского Брода, можно лишь предположительно наметить путь Игоря из половецкого плена на Русь. Источники XVII в. указывают целый ряд «перелазов» через верхнее течение Северского Донца: Змиев, Бишкин, Шебалинский, у Андреевых лоз, Булуклейский, Савинский, Берецкий, Изюмский, Кальмиусский, Малый, Большой и др. ¹¹⁸.

Однако остается неизвестным, можно ли к одному из них отнести упомянутый Русский Брод. Естественное желание как можно скорее удалиться от половецких становищ побуждало Игоря, начиная бегство, выбрать наиболее удобную дорогу, каковой была не холмистая, а луговая сторона Северского Донца. В этом смысле можно толковать указание «Слова», что, начиная бегство, Игорь поскакал горностаем к камышу,

бросился в воду, затем вскочил на борзого коня и «потече к лугу Донца»¹¹⁹.

Ближайшие к реке Тору переправы через Северский Донец — это Большой и Малый перелазы. Переправившись через один из них, беглецы в два дня, загнав коней стремительной скачкой, могли по левому луговому берегу Донца проскакать 150—200 верст, примерно до русской переправы около устья Можы (у города Змиева), вблизи южной границы Переяславского княжества. Не эта ли переправа и есть Русский Брод? Отсюда дальнейшее расстояние до города Донца Игорю возможно было пройти пешком, сначала, вероятно, поднимаясь вверх долиной реки Донца, а затем по течению реки Уды¹²⁰.

Известное обращение автора «Слова» к Донцу, «лелеявшу князя на волнах» своих, едва ли может служить каким-либо основанием заключить, что Игорь конец своего пути завершил по воде. Это противоречило бы прямому свидетельству летописи, что Игорь «иде пешь» до города Донца.

* *
*

В настоящем историко-географическом обзоре остается еще выяснить, где находились Канин, Немига и Дудutki.

Из упоминания «Слова» о том, что «Бориса же Вячеславлича слава на суд привеле и на Канину зелену паполому постла за обиду Ольгову, храбра и млада князя»¹²¹, надо заключить, что здесь речь идет о борьбе за Чернигов, которую (в 1078 г.) вели Изяслав и Всеволод Ярославичи против Олега Святославича и Бориса Вячеславича. Когда Изяслав со Всеволодом осадили Чернигов, то Владимир Всеволодович (Мономах), подступив к восточным воротам Чернигова, «от Стрежени»¹²² и отя врата и отвориша град околний и пожгоша и». Изяслав же со Всеволодом «поидоста от града» навстречу выступившим Олегу и Борису. В сражении «на месте у села, на Нежатиной ниве» победа оказалась на стороне киевских князей, причем в битве пали Изяслав и Борис. Взяв тело Изяслава, «привезоша и в лодыи и поставиша противу Городыцю», куда встречать тело своего князя вышел «весь город Киев»¹²³.

В этом летописном описании 1078 г. речка Канин не упоминается, но что она протекала около Чернигова — это доказывается описанием похода Юрия Долгорукого в 1152 г. Направляясь к Чернигову, Юрий шел через Мценск, затем «Спашь и «ста у Глухова»¹²⁴. Отсюда он пошел к Березому (нынешняя Березна) и, перейдя реку Снов¹²⁵, остановился у реки Свини вместе с половцами в субботу, а утром в воскресенье,

«не хотя» итти к городу (Чернигову) ¹²⁶, «сташа у Гуричева, близ города, перешедше Канин» ¹²⁷.

Из приведенных данных ясно, что Юрий подходил к Чернигову с востока, последовательно переходя реки Снов, Свинь (нынешний Замглай) ¹²⁸ и Канин, после чего остановился у Гуричева возле самого Чернигова. Следовательно, речка (вернее ручей) Канин протекала между рекой Свинью и Гуричевым. Точное местоположение Гуричева не выяснено, и потому Канин остается искать на протяжении примерно 7 километров между рекою Свинь и Черниговом в близком расстоянии от последнего. На этом промежутке в 2 километрах восточнее Чернигова в Десну впадает небольшая речка, которую и можно отождествлять с Канином «Слова о полку Игореве».

Так как сражение происходило возле Чернигова у села, на Нежатиной ниве, то, значит, по своему географическому положению Нежатиная нива тесно связана с Канином летописи. Судя по Нежинскому перевозу ¹²⁹, выводившему из южной части Чернигова через Десну на дорогу к городу Нежину, можно полагать, что Нежатиная нива была расположена между Нежинским перевозом и Канином.

Нельзя согласиться с мнением исследователей, которые по созвучию в наименованиях склонны относить местоположение Нежатиной нивы к Нежину (на реке Остре). Ведь сражение произошло не у Нежина, а у Чернигова. Указанному предположению не служит подкреплением и ссылка на то, что тело павшего в бою Изяслава везли будто бы «несомненно по реке Остру», а затем уже по Десне к Городцу, который лежал напротив Киева на другом берегу Днепра ¹³⁰. В летописи не сказано, по какой реке вели ладью, но естественно заключить, что от самого места сражения, т. е. от Чернигова, ладья шла все время рекой Десной до самого ее устья, где и стоял Городец ¹³¹.

По образному выражению «Слова», князь Всеслав Полоцкий «отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи волком до Немиги с Дудуток... Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни, — посеяни костями русских сынов» ¹³². Из летописи известно, что Всеслав (в 1066 г.) захватил Новгород и разграбил его, сняв даже колокола и паникадила в Софийском храме ¹³³. Желая наказать Всеслава за вторжение в Новгород, Изяслав, Святослав и Всеволод, соединив свои силы, выступили (1067 г.) в зимний поход против Всеслава и, войдя в Полоцкое княжество, взяли Минск, причем «исекоша муже, а жены и дети вдаша на щит» ¹³⁴.

В районе Минск — Киев и в бассейне Припяти и верховьев Немана имеется несколько рек, которые по своей топонимике близки к Немиге, или Немизе. К числу таких рек отно-

сится Неман, а также Немегелька, впадающая в реку Птичь (в ее среднем течении). Но если отождествлять Немигу с Неманом¹³⁵, (до верховьев которого около 50 километров на юг от Минска¹³⁶, то это будет противоречить данным летописи. По смыслу летописного рассказа Ярославичи вышли из Минска не для того, чтобы избежать столкновения с Всеславом, удаляясь от него на юг к Неману, а наоборот — двинулись навстречу Всеславу, спешившему к Минску с севера из новгородских или полоцких мест.

Если же Немегельку считать Немигой, то и в этом случае придется допускать, что Ярославичи отступили перед Всеславом (от Минска по направлению к Киеву), тогда как в действительности они искали решительной встречи с Всеславом, вовсе не считая свою задачу законченной взятием Минска, как это видно из последующих событий, завершившихся пленением Всеслава.

Гораздо больше оснований отождествить с Немигой «Слова» ту самую реку Немигу, которая является притоком реки Свислочи, на обоих берегах которой расположен Минск. Следы Немиги сохранились и до настоящего времени в виде высохшего русла, ставшего одной из улиц в городском районе, известном под названием Рыбного рынка. Немига представляет собой небольшую ручей, который только в половодье становится многоводным, пополняясь потоками, стекающими в него со всех сторон¹³⁷.

Что касается Дудуток, то в интересующем нас районе можно назвать целый ряд селений, сходных по топонимике с Дудутками. Известны Дуды, около верхнего течения Немана (на север от Новогрудка); Дуды, вблизи среднего течения Березины, впадающей в Неман; Дудичи, на реке Птичь (в 40 километрах южнее Минска); Дудичи несколько севернее города Мозыря¹³⁸, на притоке Припяти, — на реке Ненач. Однако ни один из этих географических пунктов по их местоположению относительно Минска нельзя признать удовлетворительным для отождествления с Дудутками «Слова». Оба селения Дуды находятся на запад от Минска за неманской Березиной, т. е. за границей владений Полоцкого княжества при Всеславе. Даже в более позднее время крайним городом Полоцкого княжества на западном порубежье летопись называет Городок или Городец (к югу от Молодечна) у самых истоков неманской Березины¹³⁹. Следовательно, нет основания Дудутки приурочивать к Дудам.

Точно так же нельзя отождествить с Дудутками и оба селения Дудичи, так как они расположены на юг от Минска. Между тем по ходу событий Всеслав Полоцкий после захвата Новгорода должен был идти к Немиге (т. е. к Минску) с

севера. Следовательно, Дудutki необходимо искать к северу от Минска. Правильнее поэтому признать мнение о том, что Дудutki — местечко близ Новгорода, где в карамзинское время был монастырь, называвшийся «на Дудутках»¹⁴⁰.

* *

*

Подведем итоги нашего исследования пути Игоря. Опираясь на неясные данные топонимики, исследователи относили поход Игоря или к нижнему течению Дона (Карамзин), или к верховьям Орели и верховьям Кальмиуса (Аристов), или к рекам Сухие и Мокрые Ялы (Лонгинов), или к нижнему течению Северского Донца (Афанасьев). Однако гипотезы эти нельзя принять ввиду противоречия их с источниками и неправильности в вычислениях, сделанных авторами.

Чтобы установить путь Игоря, необходимо выяснить местонахождение рек Сальницы, Сюурлия и Каялы. Местоположение реки Сальницы устанавливается по источникам точно: она впадала в Северский Донец между реками Изюмом и Изюмцом. Река Сюурлий должна находиться южнее Сальницы, на расстоянии полуторадневного перехода от нее. «Суярлы» в переводе на русский язык означает место разветвления рек на рукава и притоки, а также вообще означает разлив воды. К месту слияния рек Голый Долины, Сухого и Казенного Торца вполне применимо понятие «Суярлы», так как в этом месте имеется не только разветвление («раздоры») рек, но наблюдается и разлив воды в виде пресноводного плеса, образуемого одним из рукавов Голый Долины. Несмотря на некоторые данные в пользу отождествления реки Каялы с Кальмиусом, от него необходимо отказаться. Будучи окружены половцами, русские в субботу днем и во время наступившей затем ночи, согласно летописи, упорно пробивались с боем к Северскому Донцу, т. е. на север, а не к Кальмиусу, т. е. на юг. Каялой можно считать реку Макастиху с ее каменистыми берегами и быстрым течением, впадающую в реку Голую Долину и протекающую вблизи Торских соляных озер. Среди этих озер и надобно искать то «езеро», около которого бился Всеволод.

Таким образом, для пути Игоря наиболее вероятным является следующее направление. Выйдя из Новгорода Северского, Игорь через Путивль по водоразделу между Сеймом и Пслом (по Бакаевой дороге XVII в.) подошел к узлу путей в верховьях Псла и Северского Донца. Перейдя через Северский Донец, Игорь вышел на водораздел между Северским Донцом и Осколом и, дождавшись Всеволода (подошедшего

к нему из курских мест), двинулся (Изюмской сакмой) на юг к Изюмскому перевозу, т. е. к реке Сальнице. Перейдя здесь Северский Донец, миновав затем Изюмский курган («шеломья»), северские князья двинулись на юго-восток вдоль течения реки Голый Долины и подошли к месту слияния («Сюурлий») Голый Долины и Сухого Торца с Казенным Торцом. Здесь передовые северские полки, погнавшись за половцами, видимо, перешли через Сухой Торец, но поздно вечером из погони вернулись к главным силам Игоря и Всеволода. Поражение северских войск произошло в районе Торских соляных озер и реки Макатихи («Каялы»). Для точного выяснения этого вопроса необходимы разыскания на месте.

Летописное сообщение о том, что во время бегства многие ковуи «в море истопоша», следует понимать в смысле «погибли в озере», т. е. в одном из Торских соляных озер. Путь Игоря во время бегства из Половецкого плена может быть намечен лишь гадательно. Допустимо, что «Русский брод» (упоминаемый Татищевым), до которого в два дня доскакали Игорь с Лавором, загнав коней, — это брод через Северский Донец у Змиева.

* *
*

В общей борьбе русских с кочевниками причерноморских степей поход Игоря является лишь эпизодом, правильная оценка которого зависит от выяснения исторического значения этой борьбы в ее целом. Походу Игоря посчастливилось: он прославлен знаменитым «Словом о полку Игореве»; но грозю половцев, истинным героем борьбы с ними был Владимир Мономах. Походы Мономаха делались соединенными силами русских князей, но положение изменилось, когда к середине XII в. ясно определилось феодальное раздробление Киевского государства на обособленные независимые княжества, и между князьями началась феодальная борьба.

Еще на съезде князей в Любече (1097 г.) из княжеской среды раздавались голоса: «Почто губим Русскую землю, сами на ся котору имуще? А половцы землю нашу несут роздно и ради суть оже межи нами рать доныне. Отселе имемься по единому сердцу и соблюдем Русскую землю!»¹⁴¹. Но эти призывы к единению плохо претворялись в действительность при наличии феодальной обособленности. Попытка Игоря разгромить половцев силами одного Северского княжества была обречена на неудачу, хотя Игорь и показал большое мужество, утлбившись далеко в Половецкую степь.

Для успешной защиты родины нехватало необходимого единодушия среди князей, междоусобная борьба которых

приводила к убыли населения, к разорению цветущих русских областей. По художественному изображению «Слова», на Руси в это время «в княжих крамолах вещи человеком скратишась. Тогда по Русской земли ретко ратаеве кикахуть, но часто врани гряхуть трупиа себе деляче»¹⁴². Из-за усобиц князей настала для Русской земли от половцев пагуба, и «погании с всех стран приходяду с победами на землю Русскую»¹⁴³.

Однако, несмотря на феодальный распад Киевского государства, мысль о единстве Руси никогда не угасала в сознании народа. При всей многоплеменности восточных славян населенная ими территория изображается нашим древним летописцем как единая «Русская земля». Тот же смысл вкладывает в эти слова и Святослав Киевский, обращаясь к своей дружине с воодушевляющим призывом: «Да не посрамим земли Руские!» Когда (в начале XII в.) игумен Даниил во время своего путешествия на Восток оказался в Палестине, он и там, вдали от своей родины, не забывает поставить в Иерусалиме лампаду «от всея Русьския земля». И сами русские князья при всех своих феодальных раздорах все же признавали, что они «одного деда внуки». Та же мысль о единстве Русской земли звучит и в «Слове».

Появление «Слова о полку Игореве» было подготовлено общим ходом общественно-политической и культурной жизни Руси.

В течение X—XII вв. древнерусская культура в своем непрерывном развитии достигла высокого уровня. Украшением русской архитектуры были возведенные из камня Десятинная церковь и Софийский собор в Киеве с их оригинальным многокупольным перекрытием (дотоле неизвестным ни Византии, ни Западу), а также замечательные образцы новгородского и владими́ро-суздальского зодчества XII в., как, например, Георгиевская церковь в Юрьевом монастыре (Новгород) или Успенский собор во Владимире, княжеский замок в Боголюбове и др. Новгородские фрески свидетельствовали о высоких достижениях в искусстве живописи. Что касается древнерусской литературы, то ее величественным созданием явилось летописание, поражающее широтой замысла, богатством фактов, проникнутое идеей глубокого чувства любви к родине. В 70—80-х годах XII в. (во времени создания «Слова») в летописи настойчиво звучит призыв к объединению народных сил перед грозной половецкой опасностью, заметно оживляется идея единства Русской земли, и рядом с практикой местного летописания и на севере — во Владимире, и на юге — в Чернигове делаются даже попытки создания общерусского летописания. Киевская Русь и поми-

мо летописцев имела талантливых, просвещенных писателей, своих поборников просвещения и ценителей книги¹⁴⁴. Только в культурной среде, конечно, могло сложиться суждение древнерусского человека о том, что «книги — это источник мудрости, реки, напояющие вселенную; ими мудрость обретаем и в печали утешаемся».

Расцвет киевской культуры отражал политическое могущество древнерусского государства. Оживленные торговые сношения связывали Киев почти со всеми странами Южной и Западной Европы и делали его центром посредничества между восточными и западными рынками. Киевские князья вступали в родственные связи со многими иностранными дворами. Так, Владимир Святославич был женат на византийской царевне, Ярослав — на шведской королевне, дочери его вышли замуж за королей французского, венгерского и норвежского, три его сына женились на дочерях западноевропейских государей, а четвертый сын Всеволод имел женой родственницу византийского императора Константина Мономаха. По своему международному значению Киевское государство могло соперничать с Византийской империей, которая не раз испытала на себе силу политического могущества Руси.

В свете политической обстановки того времени и общего подъема русской культуры становится совершенно понятным появление такого высокохудожественного создания древнерусской литературы, как «Слово о полку Игореве». Оно возникло не случайно, а в результате определенного периода культурного развития, как выразитель творческого гения русского народа.

«Слово о полку Игореве» — героическая песнь о мужественной борьбе русских с половцами. Эта несравненная жемчужина древнерусской поэзии родилась в сердце какого-то великого народного поэта, взволнованного бедствиями своей родины и проникнутого глубокой к ней любовью. Он осуждает княжеские усобицы, ослаблявшие государство, истощавшие народные силы. Скорбя о неудаче Игоря и стараясь пробудить симпатии к печальной участи северских князей, неведомый певец «Слова» обращается с пламенным призывом сплотить все русские силы ради общенародных интересов защиты родины и зовет отплатить половцам «за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы».

В этом призыве к защите родины и в горячей любви к земле Русской, выраженных с гениальным художественным мастерством, скрыта тайна того неотразимого обаяния, которым доныне пленяет нас этот памятник древнерусского творчества.

Примечания

1. Ипат. лет., стр. 155—157.
2. Ипат. лет., стр. 428—430.
3. Там же, стр. 430, 434.
4. Выражение Лаврентьевской летописи «сняшася у Переяславля» нельзя, конечно, понимать так, что Игорь из Новгород-Северска сначала шел на город Переяславль, откуда уже двинулся к Донцу. Для такого маршрута не было основания; с другой стороны, восьми дней для такого длинного пути оказалось бы недостаточно. Ипатьевская летопись, дающая самое подробное описание похода, ничего не говорит про Переяславль. Все это приводит к заключению, что под словами «у Переяславля» Лаврентьевская летопись подразумевает переяславскую границу. Такое толкование было правильно указано еще Бутковым, а затем развито другими исследователями. Если, однако, и допустить, что перед походом Игоря предварительно состоялся съезд князей в Переяславле, то, по справедливому замечанию акад. А. С. Орлова, «этот сейм князей в Переяславле еще не обозначает, что полки двинулись в поход прямо отсюда». Ипат. лет., СПб., 1871, стр. 430—431; Лаврент. лет., изд. 1927, стр. 397; Аристов Н. О земле половецкой (Ист.-геогр. очерк), Киев, 1877, стр. 15; Бутков. Нечто к «Слову о полку Игореве», Вест. Евр., 1821; Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, Киев, 1884, стр. 107, прим. 3; Ляско-ронский В. Г. Русские походы в степи в удельно-вечевое время, СПб., 1907, стр. 59—60; акад. Орлов А. С. «Слово о полку Игореве», изд. АН СССР, 1939, стр. 17.
5. ПСРЛ, XX, ч. 1, стр. 136; ПСРЛ, I, в. 2, изд. 1927, стр. 396; «Слово о полку Игореве», перевод и примечания В. А. Келтуяла, Гиз, 1930, изд. 3, стр. 39. «Маия 1 бысть знамение в солнцы, в вечернюю годину: морочно бе велми, яко и не боле часа, и звезды видети яко и в нощи, а у человек во очю зелено баше, а солнце учинилося бе яко месяц, из рог же его яко угль горящъ исходяще; страшно же бе видети человеком знамение божие», ПСРЛ, VII, 98.
Выяснено, что «в среду 1 мая 1185 года действительно было солнечное затмение. Оно происходило почти ровно в 1 час по Парижскому времени, или в 3 ч. 22 м. дня по меридиану, среднему для Киевского, Новгородского. Степанов Н. В. Единица счета времени до XIII в., стр. 9.
6. После поражения при Липицах (1216), рассказывает летописец, «князь Юрий один прибеже ко граду, о полудне, а бой был в обед». Из этого следует заключить, что обедали раньше полудня, на что обратил внимание еще С. М. Соловьев. В своем специальном исследовании «Единицы счета времени до XIII в. по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям» Степанов выражается осторожно: «Некоторые исследователи полагают, что в древней Руси... обед происходил в период около 10¹/₂—11—11¹/₂ часов. Может быть, это и было так до XIII в., но ни Лаврентьевская, ни 1-я Новгородская летописи не дают никаких данных для такого утверждения». Соловьев С. М. История России, изд. «Общ. польз», I, 679; Степанов Н. В. Указ. соч., стр. 9.
7. Ипат. лет., стр. 431—432; «Слово о полку Игореве», стр. 9, 10.
8. То есть, находясь близко к южной границе Переяславского княжества.
9. То есть Азовское море.
10. Лавр. лет., 397, изд. 1927, ПСРЛ, XX, ч. I, 137, VII, 98.
11. Ипат. лет., стр. 432—433.
12. «Слово», стр. 12.

13. ПСРЛ, 1, изд. 2, 398; VII, 99; XX, ч. I, стр. 137.
14. Ипат. лет., стр. 433.
15. Ипат. лет., стр. 434; ПСРЛ, VII, 99; XX, ч. I, стр. 137.
16. ПСРЛ, VII, стр. 99.
17. «Слово о полку Игореве», 14.
18. Ипат. лет., стр. 435.
19. Там же, стр. 435, 436.
20. Там же, стр. 436.
21. «Слово о полку Игореве», стр. 20.
22. Ипат. лет., стр. 437.
23. Кони «поводные», употребляемые под верх. Соловьев С. М. Ист. России, изд. «Общ. польза», кн. I, стр. 686; Ипат. лет., стр. 438.
24. Ипат. лет., стр. 438.
25. «По малех же днех Игорь... утече у Половец, гонипа жепо нем, и не обретоша его, и тако избави его бог из рук поганных, прочих же начаша твердо держати и многими железы отягчати их». ПСРЛ, VII, стр. 99; XX, ч. I, стр. 137.
26. Путь, которым бежал Игорь из плена, описан Татищевым в следующих словах: «Игорь... пошел к реке, оную перебрел и, севши на кони, поехали сквозь жилища половецкие сам пят и, ту ночь миновав все обиталища, поехали через степь, и ехали два дни до Русского брода, откуда пошел в свой Новгород и не доехав (меньше полуднища) верст за 20, споткнулся конь под Игорем, и ногу ему так повредил, что он не мог на коня сесть, принужден в селе святого Михаила остановиться и ночевать». Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. III, М., 1774, стр. 271; см. также «Слово о полку Игореве», стр. 30; Ипат. лет., стр. 438.
27. Здесь имеются в виду карты южноукраинских причерноморских степей, где происходили события, связанные с походом Игоря.
28. Приводим здесь календарь похода Игоря:
- 23 апреля — Выступление Игоря из Новгород-Северска.
- 1 мая — Затмение. Переход через Донец.
- 2 и 3 мая (четверг и пятница) — Игорь ожидает Всеволода.
- 4 мая — Соединившись, Игорь и Всеволод двинулись к Сальнице.
- 9 мая — Сальница. Ночной переход от Сальницы к Сюурлию.
- 10 мая (пятница) — Сюурлий. Первый бой, взятие веж, преследование половцев. Ночлег в степи.
- 11 мая (суббота) — Днем и затем ночью русские с боем приближаются к Донцу.
- 12 мая (воскресенье) — Поражение Игоря на р. Каяле.
29. Это мнение было высказано еще Карамзиным, который говорит: «Здесь названа Сальницей река Сал, впадающая в Дон близ Семикаракорской станицы». «Каяла — нынешний Кагальник, впадающий в Дон. Россияне отступали к Донцу, недалеко оттуда соединяющемуся с Доном». Карамзин. Ист. гос. Росс. СПб., изд. Смирдина. т. II, прим. 204; т. III, прим. 70.
30. «Россия», полное географическое описание нашего отечества под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского, СПб., 1910, изд. Девриена, т. XIV, стр. 880—881, 895—896.
31. Карамзин. История государства Российского, т. III, стр. 69—70.
32. «Россия», т. XIV, стр. 880—881.
33. «а ноне пойдём по них за Дон и до конца избьем их оже ны будет ту победа, идем по них и Луку моря», ПСРЛ, т. I, изд. 2, стр. 387; т. VII, 98; т. XX, ч. I, стр. 137.
34. Арцыбашев Н. писал, что если считать р. Кагальник Каялой, то «возможно ли было россиянам, с небольшим в два дня (от вечера среды до субботы), перейти от Оскола до Кагальника расстоя-

ние около 350 верст. Следовательно, или время означено неверно, или Каяла — не Кагальник». Арцыбашев. Игорь или война половецкая, Вест. Евр., 1826 г., № 12, стр. 248; П. Бутков. Нечто к «Слову о полку Игореве», Вест. Евр., 1821, № 21, стр. 52 и прим. 72; И. Д. Беляев. О географических сведениях в древней России, СПб., 1852, стр. 76.

35. Мнения Аристовы придерживаются Барсов, Багалей. Аристов, 13; Барсов, Очерки, стр. 304; Багалей, История Северной земли, 1882, стр. 185, 249 и др.

36. Татищев. История Российская, стр. 263—265; Аристов, стр. 17.

37. Изложенное мнение Аристов подробно развил в своей статье «О земле половецкой», Киев, 1877, стр. 13—23; Бутков считает Сальницей реку Торец. Тор принимает за реку Сюрлий, а Кальмиус — за Каялу; Арцыбашев пишет, что «едва ли Сальницей называется здесь река, впадающая в Донец с левой стороны между Осколом и Боровскою»; он пишет: «очевидно, что Сюрлия была в расстоянии одного перехода от Сальницы: не Ольховой ли колодезь, впадающий в Донец, ниже Боровой в 20 вер.?» Каяла же «не Айдар ли, впадающий в Донец ниже Ольхова колодца в 30 верстах?» По мнению Беляева, Сальница это «вероятно нынешний Богучар», см. ст. Буткова, Вест. Евр., 1821, № 21, стр. 52; Арцыбашев. Вест. Евр., 1826, № 11, стр. 193, прим. 32 и № 12, стр. 1, прим. 34, стр. 248; Середонин, Историческая география, П., 1916, стр. 173; Беляев. О географических сведениях в древней России, СПб., 1852, стр. 76 и 79, напечатано в «Зап. Русск. Геогр. общ.», VI.

38. Ипат. лет., стр. 438.

39. Там же, стр. 427.

40. Лонгинов А. В. Историческое исследование сказания о походе Северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г., Одесса, 1892, стр. 212.

41. Там же, стр. 214.

42. Лонгинов, стр. 216; десятиверстка, л. 61.

43. Лонгинов, стр. 226—227; десятиверстка, л. 61.

44. См. трехверстку, р. XXVII, л. 15; Маштаков П. Л. Свод рек Днепровского бассейна, СПб., 1913, стр. 80.

45. Десятиверстка, л. 61.

46. Ипат. лет., стр. 431.

47. Лонгинов, стр. 216.

48. Афанасьев В. А. Вероятный путь князя Игоря Северского на половцев в 1185 г. (Критическое исследование похода по летописям и «Слову о полку Игореве»), напечатано в «Историч. журн.», 1939, № 6.

49. Афанасьев, стр. 46. Ипат. лет., стр. 431.

50. Афанасьев, стр. 47.

51. Афанасьев, стр. 46—47.

52. Афанасьев, стр. 47—48; Лонгинов А. В. Историческое исследование сказания о походе Северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г., стр. 214.

53. Афанасьев, стр. 48—49; Татищев, III, стр. 263.

54. Афанасьев, стр. 51—53.

55. Афанасьев, стр. 53—54.

56. Афанасьев, стр. 54. Как уже было выше сказано, еще Лонгинов указывал (в 1892 г.), что «при разыскании места гибели Игоревых полков может помочь эпитет «быстрая», данный «Словом» реке Каяле, Лонгинов, стр. 227.

57. Афанасьев, стр. 46.

58. Это расстояние определяется по масштабу карты.

59. Афанасьев, стр. 47.

60. Для большей точности измерения следует обратиться к картам

масштаба 1:3 000 000, 1:1 500 000 или же крупнее. Нами использован масштаб 1:1 500 000.

61. Афанасьев, стр. 50.
62. Там же, стр. 49.
63. Там же, стр. 50 и 51.
64. Ипат. лет., стр. 432, 433.
65. Афанасьев, стр. 51.
66. Ипат. лет., стр. 433.
67. Афанасьев, стр. 53.
68. Там же, стр. 47.
69. Ипат. лет., стр. 432, 433.
70. Лонгинов в этом смысле высказался еще в 1892 г. Лонгинов, стр. 208.
71. Ипат. лет., стр. 430.
72. Афанасьев, стр. 45; «Слово о полку Игореве», пер. и прим. Келтуяла, стр. 8.
73. Ипат. лет., стр. 431.
74. «Книга Большого Чертежа», изд. Спасского, стр. 84, 111, 87—88, 104, 13—19, 21—23; Беляев. О сторожевой станичной и полевой службе, стр. 60, § 6; Акты Моск. гос., т. I, стр. 165, 245, 289; Городские поселения в Росс. империи, V, ч. I, СПб., 1865, стр. 357; Кудряшов К. В. Русск. истор. атлас, Гиз, 1928, табл. VIII.
- Нельзя, конечно, согласиться с категорическим утверждением Голубовского, что Игорь направился через Донец «у Змиевского городка», в летописи нет точных указаний для определения места переправы. Утверждение исследователя в данном случае не более, как догадка, не сопровождаемая при этом обоснованием. Против мнения Голубовского возражал еще Ляскоронский; Бутков в 1821 г. дал более вероятное определение пути Игоря к Донцу через нынешнюю Суджу и Корочу; Голубовский, Печенеги, торки, половцы, стр. 107; Ляскоронский, Русские походы в степи, 60—61; Бутков П. Нечто к «Слову о полку Игореве», Вест. Евр., 1821, № 21.
75. Аристов, стр. 13.
76. «Большой Чертеж», изд. Г. И. Спасского, М. 1846, стр. 33, примечание; «Книга Большого Чертежа», изд. Языкова, 1838, стр. 30.
77. См. прилагаемую к очерку карту на стр. 63; сравните десятиверстную карту СССР, л. 61; трехверстную карту СССР, р. XXIV, л. 15 и 16; р. XXV, лл. 15 и 16 и соседние.
78. «Россия», т. VII, 283; «Книга Большого Чертежа», изд. Спасского, 23; Атлас Харьковск. губ. (рукопись), около 1793 г.; см. в атласе карту Изюмского у. Атлас хранится в Ленинградском отд. Центр. архива.
79. «Слово», стр. 8 и примечание на стр. 44; словарь Даля, 4-е изд. Вольфа, т. IV, стр. 1419; П. Я. Черных толкует «шеломья», как «соломя», т. е. пролив, залив, относя это к Керченскому проливу; Черных П. Я. О выражении «За шеломьянем», Уч. зап. Яросл. пед. ин-та, ч. I, Гуманитарные науки.
80. См. карту растительности в изд. Девриена «Россия», т. VII, стр. 24, также десятиверстную карту Союза, л. 61, и трехверстную, р. XXIV, л. 15.
81. Барсов, отмечая двукратное упоминание Сальницы в летописи о походе князей 1111 г. и о походе Игоря, приходит к выводу, что в обоих случаях надо искать Сальницу «в области Северского Донца, не в дальнем расстоянии от устья Оскола»; Барсов Н. Очерки русск. истор. географии, Варшава, 1885, стр. 303, 304.
82. В Московских актах неоднократно упоминается Торское городище, находящееся в окрестностях нынешнего города Славянска. В 1646 г. был построен Торский острожек для защиты от татар Торского перелазы.

Позднее острожек был разрушен, но в 1676 г. здесь снова возник г. Тор, или Соляной, переименованный в 1784 г. в Славянск, ставший уездным городом Екатеринославского наместничества. «Россия», под ред. Семенова-Гян-Шанского, т. VII, стр. 276—278.

83. Акты Моск. гос., т. I, № 11, стр. 14; № 12, стр. 15; Багалей, Материалы для истории колонизации, т. I, 128—129, 291; Краткий исторический очерк развития водяных и сухопутных сообщений и торговых портов в России, СПб., 1900, стр. 66.

84. См. «Новая пограничная карта Российской империи от Балтийского моря до Каспийского, разделенная на губернии», соч. Карл Опперман, 1795, л. XIV; спец. карта России Г. Л. Шуберта, 10 верст в дюйме, с исправл. 1850.

85. См. трехверстную карту, где характеристика этой местности ясно выражена, р. XXV, л. 16. При наводнении в середине марта 1937 г. вода заливала даже улицы Славянска; см. «Правду» от 14/III и 16/III 1937 г.

86. См. десятиверстную карту Союза, л. 61 и трехверстную карту Союза, р. XXV, л. 16.

87. Татищев. История Российская, III, стр. 263.

88. Например, Бутков, Аристов, А. Мазон: см. Аристов, стр. 20 и прим. к ней; А. Мазон. *Slovo d'Igor* (Revue des etudes slaves XVIII, 3—4, стр. 211—212).

89. Например, Карамзин, как уже сказано выше. Арцыбашев не высказывается определенно, задавая вопрос: «Каяла не Айдар ли?». Мнение Ляскоронского о Каяле неясно, но во всяком случае Калку он относит к бассейну Днепра.

90. «и тако... наведе на ны Господь гнев свой: в радости место наведе на ны плачь и во веселье место желю, на реце Каялы». Ипат. лет., стр. 433; «Слово», стр. 10, 12, 14, 16.

91. ПСРЛ, 1945, V, 205; Новгородская 1-я лет., 1888, стр. 218; ПСРЛ, VII, стр. 131.

92. ПСРЛ, IV, стр. 202; XX, ч. I, стр. 202; Ипат. лет., стр. 496 и 518.

93. «Слово», стр. 14.

94. Аристов, стр. 17.

95. Географическо-статистический словарь П. Семенова, т. II, стр. 451; Кудряшов К. Историко-географические сведения о половецкой земле, см. Изв. Гос. Геогр. о-ва, 1937, № 1, стр. 60.

96. Шамбинаго полагает, что автор «Слова» и летописец называли реку Сюурлий Каялой в переносном смысле, как «реку покаяния», на том будто бы основании, что разбитый половцами Игорь испытывает покаянные угрызения совести, вспоминая, как он взял «на щит» и разграбил Переяславль у князя Глеба. Но мнение это дает искусственное толкование и противоречит источникам. Прежде всего русские не были разбиты на реке Сюурлий, а сами одержали победу над половцами. Кроме того, летописец, названия Сюурлий и Каяла относит не к одной и той же реке, а к двум разным географическим объектам. По комментарию проф. Н. К. Гудзия, «Каяла» значит «окаянная река», с чем никак нельзя согласиться. «Слово о полку Игореве», изд. АН СССР, стр. 185; Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древнерусск. лит. XI—XVI вв. для высших педагог. уч. завед., Учпедгиз, М., 1935 стр. 74.

97. Ипат. лет., стр. 432, 433.

98. На это указывал еще А. Потебня (см. Зап. по русск. грамм., т. II, стр. 245). Такого же мнения придерживались и некоторые другие ученые, например, М. Андриевский (см. «Киевская старина», 1882, IX., стр. 451).

99. Андросов. «Местная терминология для побережья морей СССР», ст. в «Уч. зап. МГУ», вып. XVI, географ., М., 1937, стр. 54.

100. «Россия», VII, стр. 273, 278.

101. Сообщено археологом Сибилевым Н. В.
102. «Слово», стр. 12.
103. Неправильным был бы перевод «с той же самой Каялы». Такому пониманию противоречат географические данные. Битва Свято-полка с половцами происходила за Сулой, а поражение Игоря случилось за Северским Донцом.
104. См. генеральную карту Новороссийской губернии, разделенную на уезды, соч. в 1779 г. Иван Исленьев; Ипат. лет., стр. 161, 162; ПСРЛ, I, стр. 231, 232. На упоминаемую здесь реку Кагальник первый обратил внимание В. А. Афанасьев, стр. 56.
105. Мнение это принадлежит Карамзину, Истор. Гос. Российского, изд. 5, т. I, прим. 387; т. III, стр. 43, также прим. 72.
106. На это обратил внимание еще Погодин; Ляскоронский признал обоснованность его замечаний. Погодин, IV, стр. 266; Ляскоронский В. Г. Русские походы в степи в удельно-вечевое время, СПб., 1907, стр. 10.
107. Н. П. Барсов. Очерки русской истор. географии, изд. 2, 1885, стр. 163.
108. Так полагали Голубовский, Багалеи и некоторые другие исследователи. Соловьев С. М. высказался осторожно: «Есть селение Рим, значащееся на границе уездов Роменского, Лохвицкого и Прилукского». Соловьев С. М. История России, изд. «Общ. польза», СПб., 1911, т. I, стр. 321, прим. 2, стр. 635. В «Списке населенных мест» Полтавской губ. упоминается Рым (Рим), Прилукск. у. См. «Список населенных мест по свед. 1859». Полтав. губ., изд. Ц. ст. ком. МВД., СПб., 1862, стр. 183, № 3604.
109. См. десятиверстную карту, л. 46.
110. Ипат. лет., стр. 436.
111. Десятиверстная карта, л. 46.
112. «Половци же... гнаша отаи к Переяславлю и взяша все города по Суле, и у Переяславля бишася весь день», Лавр. лет., ПСРЛ, I, изд. 2, 1927, стр. 399.
113. Лавр. лет., стр. 249.
114. Ляскоронский. Указ. соч., стр. 9—10, примечания.
115. См. десятиверстную карту, л. 31. Ляскоронский не обратил внимания на присутствие болот около Буромки и вообще мало пользуется картой.
116. «Книга Большого Чертежа», изд. Спасского, стр. 32.
117. Багалеи. Русская история, т. I, М., 1914, стр. 239; Городцов В. А. Донецкое городище, в «Трудах XII Археологич. съезда», т. I, стр. 110, 111, 120; Городские поселения Российской империи, т. V, стр. 310; Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии, т. I, стр. 110; Аристов, стр. 22.
118. Акты Московского государства, т. I, стр. 13, 29, 50; Багалеи, Материалы по истории колонизации южной окраины, I, стр. 82—84; Его же. Очерки по истории колонизации южной окраины, стр. 21; Беляев. О сторожевой и станичной службе, стр. 20, 35.
119. «Слово», стр. 28, 29.
120. См. десятиверстную карту, л. 61.
121. «Слово», стр. 12.
122. Стрежень протекает через город Чернигов.
123. ПСРЛ, I, стр. 201, 202.
124. Ипат. лет., стр. 314.
125. ПСРЛ, I, стр. 338.
126. Ипат. лет., стр. 314.
127. ПСРЛ, I, стр. 338.
128. Барсов, стр. 222.

129. «Россия», т. VII, стр. 352.
130. Барсов, стр. 173, 308.
131. Барсов, стр. 143.
132. «Слово», стр. 24.
133. Новгородская 1-я лет., изд. 1888, стр. 96.
134. ПСРЛ, 1, стр. 166.
135. Беляев, стр. 165; Келтуяла. «Слово», примечания, стр. 58, 59.
136. Десятиверстная карта, л. 15.
137. По сообщению А. В. Лонгинова в актах начала XVII в., касающихся г. Минска, упоминаются «Немиза», а также Немизская ул., которая прилегала, повидимому, к Старому рынку. «Россия», т. IX, стр. 412; Труды Моск. предв. ком. к IX Археол. съезду, стр. 233—234; Собр. древних грамот и актов городов Минской губ., 1848, стр. 129, 131, 134, 151.
138. Десятиверстная карта, лл. 15, 30.
139. Барсов, стр. 185; Десятиверстная карта, л. 15.
140. Акад. Орлов А. С. «Слово о полку Игореве», изд. АН СССР, 1938, стр. 130.
141. Ипат. лет., стр. 167.
142. Келтуяла. «Слово», прим., стр. 12.
143. «Слово», стр. 14.
144. Лихачев Д. С. Национальное самосознание древней Руси, М. и Л., 1945, стр. 58—60.

С этой точки зрения совершенно ясно, что подлинность «Слова» не может вызывать никакого сомнения. В научной литературе справедливо указывалось, что в конце XVIII в. (когда найдена была рукопись «Слова») исторического языковедения как науки еще не существовало, а следовательно, ученые того времени и не обладали необходимыми знаниями для грамотной подделки под старину. С другой стороны нельзя допустить, что «Слово» является подражанием «Задонщине», потому что сама «Задонщина» стала известна после «Слова». Нельзя же думать, что кто-либо мог подражать образцу, которого и сам еще не видел. Точно так же нет ничего «странного» в поведении Млиновского, который вынужден был медлить с печатанием «Слова» из-за крайней трудности перевода и транскрипции. Еще и сейчас в «Слове» много неразгаданного и непонятного, и это служит одним из доказательств подлинности «Слова». Известно, что авторы подделок старательно избегают всяких неясностей в тексте.

Пушкин, находясь под обаянием глубокой старины, которую проникнуто «Слово», высказал решительное убеждение в подлинности памятника, указав, что русские писатели XVIII в. «не имели все вместе столько поэзии, сколь находится оной в Плаче Ярославны, в описании битвы и бегства»; «Слово о полку Игореве», сборн. ст., Гослитмузей, М., 1947, стр. 27—33.





ПОЛОВЕЦКАЯ СУТЕНЬ

В числе немногочисленных географических пунктов Половецкой земли, о которых сохранились сведения в русских летописях, имеется упоминание о Сутени. О ней рассказывается в связи с описанием похода русских князей 1103 г. в глубь Половецких степей. Известно, что на Долобском совещании 1103 г. при обсуждении вопроса о русском походе на половцев, мнения разделились. Дружина Святополка Киевского считала несвоевременным предпринимать поход весной, чтобы не «погубить смерды и ролью» их. Но Владимир Мономах возражал, удивляясь, что дружина жалеет лошадей, на которых пашут смерды, а не подумает о том, что как начнет пахать смерд, то половчин, приехав, убьет смерда стрелой, возьмет его лошадь, а в селе его жену, детей и все имение. «Лошади его жаль, а самого не жаль ли?» — спрашивал Мономах¹. В результате совещания поход на половцев был решен. В нем приняли участие многие русские князья, лишь Олег Святославич уклонился, прислав сказать: «Не здравлю»².

Русская конница двинулась в степь по левому берегу Днепра, пешие же воины спускались Днепром на ладьях. Таким путем дошли «ниже порог и стаща в Протолчех в Хортичем острове»³. Здесь пешие высадились на берег и вместе с конницей «идоша в поле 4 дни и придоша на Сутень»⁴.

Передовой сторожевой отряд половцев во главе с Алтунопой, который славился среди них мужеством, был русской ратью перебит: «Не избысть ни един, но вся избиша». Вслед за тем против русской рати выступили главные силы половцев, и в таком большом числе, что невозможно было «перезрети» их⁵. Но и над ними русские одержали полную победу. В жестокой сече пало двадцать половецких князей. Победители захватили у половцев скот, овец, коней, верблюдов и вежи с челядью. Уже «назад идучи»⁶, русские захватили еще печенегов и торков с вежами их и возвратились в Русь с большим количеством пленников.

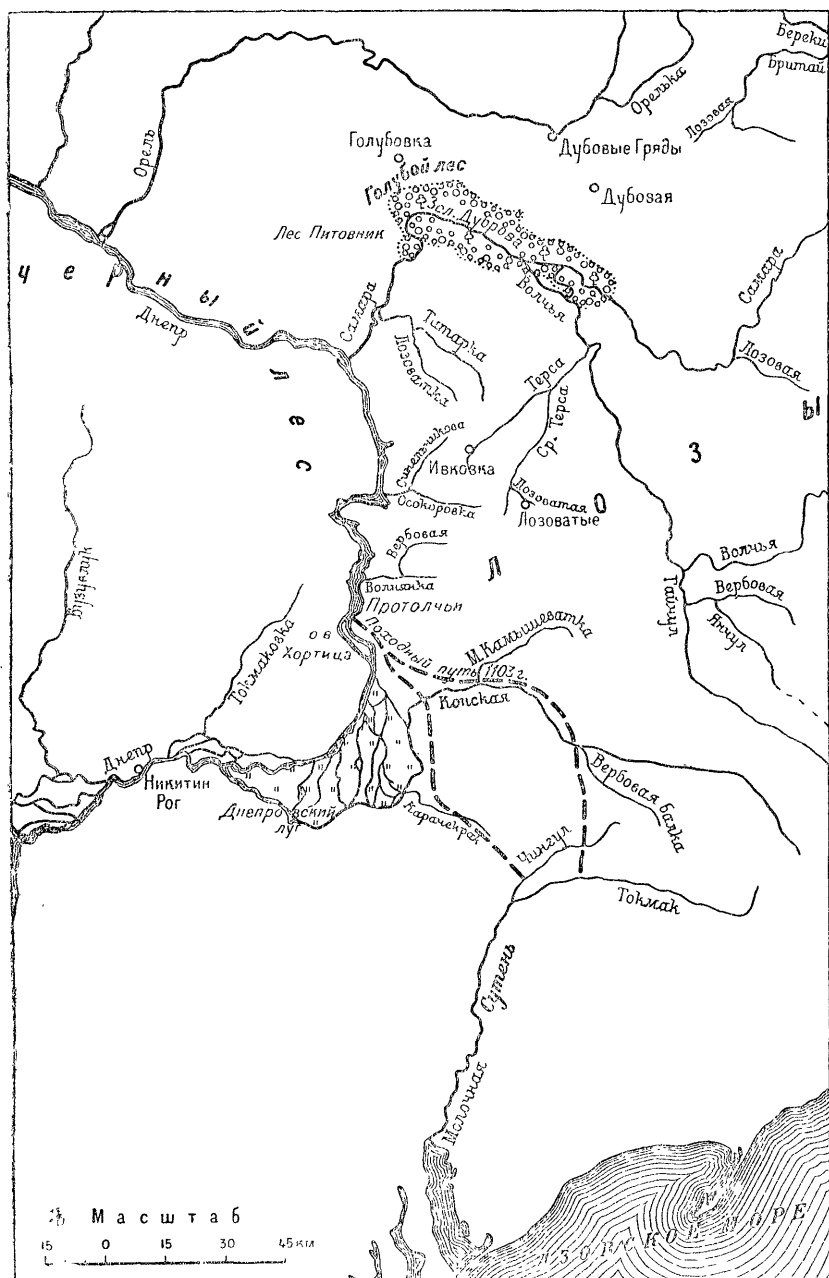
За исключением приведенного летописного рассказа о событиях 1103 г. «Сутень», или Сутин, в летописи более не встречается. Между тем это единственное упоминание очень кратко и неясно. Оно содержит скорее намеки, чем прямые указания для географической локализации Сутени. Не вполне ясно даже, в каком именно направлении от порогов надлежит искать Сутень и что следует под ней подразумевать: урочище, реку или что-либо иное. При наличии столь скудных данных в источнике определение местонахождения Сутени, на первый взгляд, может показаться непреодолимым.

Путеводной нитью в этих поисках прежде всего служит существенно важное указание на то, что Сутень находилась на расстоянии четырехдневного перехода от Днепровских порогов (точнее от острова Хортицы), где-то в восточном от них направлении. Зная, что по вычислениям исследователей дневной переход русских дружин в среднем равнялся 25 верстам⁷, надо заключить, что Сутень лежит от порогов на расстоянии около 100 верст.

В районе Днепровских порогов в бассейне нижнего Днепра и вообще в северном Причерноморье не имеется ни рек, ни селений с названием Сутень. Сутин, или Сутина, находящийся в бассейне реки Свислочи (приток Березины), а также Сутиски на верхнем течении Южного Буга в данном случае, конечно, не могут приниматься во внимание, как расположенные на запад от Днепра, далеко за пределами возможного для летописной Сутени района⁸.

Напомним, что летопись иногда заменяет половецкие названия русскими, например, называет реку Самару иногда Снопородом, а реку Орель, или Ерель, именует также Угол, Угла. Для русских людей, находившихся в постоянных сношениях с половцами, подобные варианты названий были знакомы и привычны для слуха. И летописец не имел основания думать, что он затруднит своих современников в понимании летописного рассказа, когда одну и ту же реку называет Самарой в одном описании, а в другом Снопородом⁹. Не без основания, значит, можно ожидать, что и название Сутень, не сохранившись в своем настоящем виде, могло уцелеть в русском переводе. На турецком языке, как известно весьма близком к половецкому, «süten» обозначает «молочная»¹⁰. Обратившись к изучению карты, можно видеть, что в данном районе как раз протекает река Молочная (или, как называет ее «Книга Большого Чертежа», Молочные Воды), впадающая в Азовское море.

Изучая направление дорог от Днепра к Молочной на подробных картах XIX в. и на современных и принимая во внимание, что передвижение русских дружин в степной



Сутень. Голубой лес.

полосе обычно шло вблизи речных долин или по водоразделам, можно убедиться, что наиболее удобный путь от известной Кичкасской переправы через Днепр, т. е. от острова Хортицы, мог иметь до Молочной два варианта. Один шел вдоль реки Конской до Орехова, затем на Токмак и Молочную. Другой путь вел от Кичкасской переправы на юг, вдоль Конской, и затем по течению ее притока Карачекрак к верховьям той же Молочной реки. Длина любого из этих вариантов по масштабу будет равна 90—100 верстам, т. е. как раз тому расстоянию, которое вполне соответствует указанному в летописи четырехдневному переходу, отделяющему Сутень от порогов, как это и было уже указано выше¹¹.

Что этот район с его богатыми пастбищами и в более поздние века действительно являлся удобной местностью для степных кочевий, подтверждается «Книгой Большого Чертежа», которая при описании Муравского шляха особо отмечает реку Молочные Воды, «где кочуют Ногаи, и в тех местах воды копаны кладязи»¹². Даже самое название «Молочная» применялось к ней, повидимому, не без основания, как можно судить по следующей характеристике, дававшейся этой реке в середине XIX в.: «Молочная, несмотря на то, что она на всем своем течении есть не более, как ручей, текущий в долине, представляет неоценные выгоды в степном хозяйстве, вследствие чего вдоль нее и ее притоков сгруппировалось до 80 селений, содержащих свыше 50 тысяч жителей»¹³.

Вышеизложенные данные позволяют, кажется, с достаточной убедительностью признать, что Молочная и летописная Сутень в Половецкой земле это одна и та же река.

Примечания

1. Шахматов А. А. Повесть временных лет, т. I, П., 1916, стр. 323, 324; Лавр. лет., ПСРЛ, т. I, изд. 1926, стр. 277; Ипат, лет., стр. 183.

2. ПСРЛ, т. VII, стр. 19.

3. Что русские дошли «ниже порог», отмечено, например, в следующих летописях: Лавр. ПСРЛ, I, 271; Ипат, стр. 183; Львовская, ПСРЛ, XX, стр. 102; ПСРЛ, VII, стр. 19.

4. ПСРЛ, I, стр. 277, 278; Ипат. лет., стр. 183; Шахматов А. Повесть врем. лет, 324.

5. Ипат. лет., стр. 184.

6. ПСРЛ, XXIV, стр. 72.

7. Расчет этот сделан Н. Аристовым и Н. Барсовым по отношению к русскому походу в степи в 1111 г. См. Аристов Н. О земле Половецкой, Киев, 1877, стр. 8; Барсов Н. Очерки русской исторической географии, Варшава, 1885, стр. 303, 304.

8. Сутин стоит на реке Тальке, на правом притоке реки Свислочи. Сутиски расположены на верхнем течении Ю. Буга, несколько южнее г. Винницы. По догадке Арцыбашева, поддержанной Барсовым, термин Сутень или Сутеска служил, повидимому, для обозначения порубежных мест. См. десятиверстную карту нашего Союза, л. 29, стр. 18;

Барсов. Указ. соч., стр. 88, 96, 134, 267. См. летописный рассказ под 1125 годом о походе Ярополка, который, погнавшись из Переяславля за половцами, «испостиже я у Полк стена», или, по другому варианту, «и постиже Ярополк Стеня с Половци», ПСРЛ, 1, изд. 2, стр. 295; ПСРЛ, VII, стр. 26.

9. Под 1152 годом река названа Самарой, а под 1170 годом она же именуется Снопородом. Ипат. лет., стр. 317 и 369.

10. *süt* — молоко, *sütana* — кормилица, *sütane* — молочная. Еще Брун отмечал, что «татарское название Молочных Вод — «*süd*» Брун. Ф. Черноморье, сб. иссл. по истор. геогр. Южн. России. Одесса, 1880, т. 1, стр. 141.

11. См. десятиверстную карту, лл. 47, 48; Подробная карта Российской империи и близлежащих заграничных владений, составленная Сухтеленом и Опперманом, л. XIV; Специальная карта западной части России, Г. Л. Шуберта, 1850, л. 47 и 52.

12. «Книга Большого Чертежа», изд. Спасского, М., 1846, стр. 19, 20.

13. Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи, СПб., 1867, т. III, стр. 301.





МЕСТО, НАРИЦАЕМОЕ ЕРЕЛЬ

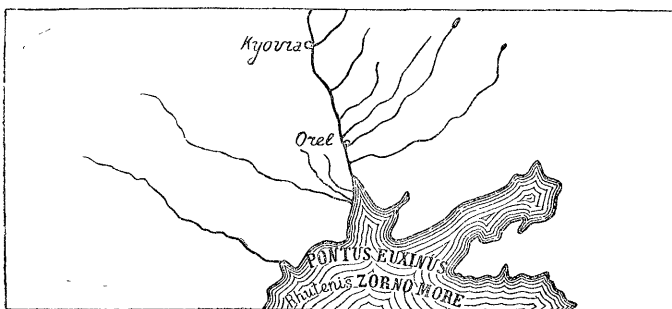
Летописное известие, сообщая о победе Мстислава Изяславича над половцами в 1152 г., дает вместе с тем и географическое определение той местности, где произошло сражение, указывая, что Мстислав разбил половцев «на Угле и на Самаре», причем захватил половецкие вежи, коней, скот и взял много пленных, после чего возвратился в Переяславль¹.

Вторичное упоминание о той же местности имеется в довольно подробном описании похода 1170 г., когда против половцев соединились многие русские князья. Они пошли на юг долиной Днепра и находились уже на расстоянии девяти дневных переходов от Киева, когда получили известие, что половцы, проведавшие о приближении русских дружин, поспешно бежали. Русские князья после этого захватили у половцев «веже их на Угле реце, а другие по Снепороду» и настигли самих половцев у Черного леса, где, «притиснувшие к лесу», одних избили, других пленили, за остальными погнались «даже за Вьскол»².

Сопоставление обоих приведенных выше летописных указаний давно уже послужило для исследователей основанием отождествить Снопород³, или Снепород, с рекой Самарой, впадающей в Днепр с левой стороны, выше Днепровских порогов; в реке же Угле обыкновенно видят нынешнюю реку Орель⁴ (левый приток Днепра, впадающий несколько выше Самары), главным образом на основании многократно цитировавшегося известного выражения Ипатьевской летописи о Руси, которая, отогнав половцев (1183 г.), стала «на месте, нарицаемом Ерель, его же Русь зовет Угол»⁵.

Отождествление Угла — Ерель — Орель, равно и Снопород — Снепород — Самара, нельзя не признать в основном правильным, однако следует обратить внимание на то, что в последнем отрывке летописи говорится вовсе не о реке, а о «месте, нарицаемом Ерель». Следовательно, это «место» (а не только река) требует для себя особого географического

приурочивания к современной карте. Мнение С. М. Середонина, что в данном случае летопись под словом «Ерель» подразумевает «местность по этой реке», принять трудно, потому что определение это слишком неясно, растяжимо и в сущности нисколько не разрешает вопроса⁶. Когда встречаются



Орель и ее устье
(по карте Исаака Массы 1633 г.).

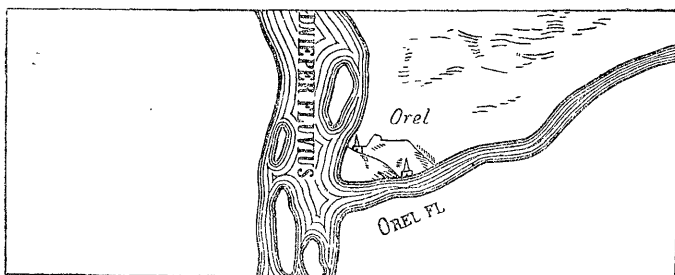


Схема устья реки Орели
(по атласу Блау изд. 1635 г. Амстердам).

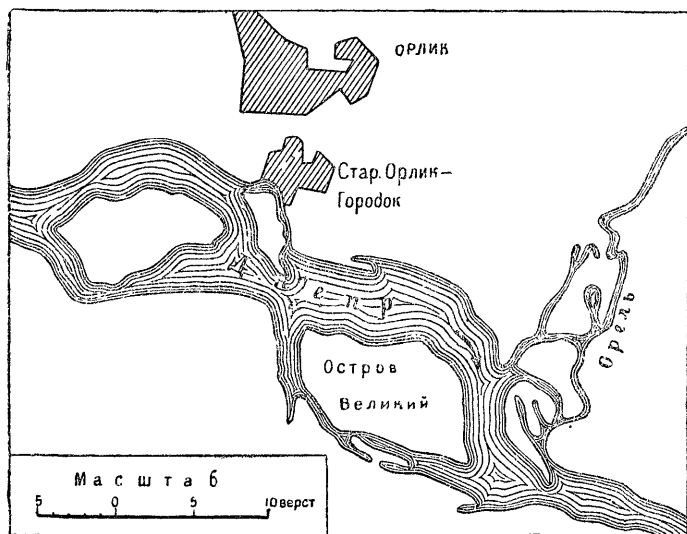
в источниках такие выражения, как Поросье, Поволжье, Поднепровье, то их смысл не вызывает сомнений, они действительно обозначают местность по реке. Но подобное объяснение неприменимо к приведенному тексту Ипатьевской летописи, где указано не «Поорелье», или «Поерелье», а отмечается совершенно определенное «место».

Для выяснения географического местоположения «места» Ерель проследим район реки Орели на старинных картах XVI — XVIII вв.

На картах Московии Герберштейна, гравированных Я. Гастальдо, в издании 1550 и 1566 гг., река Орель носит название *Agela*⁷. На карте юго-западной Московии того же Гастальдо 1562 г., а также у Меркатора в карте *Russiae* сит

confiniis 1594 г. и, наконец, у С. Нейгебауэра в его *Moscoviae totius cum regionibus finitimis descripto* 1612 г.⁸ везде Орель поименована Ариэль, причем в районе реки нет ни одного пункта, который имел бы сходное с рекой название. Только на карте Исаака Массы 1633 г., озаглавленной *Novissima Russiae tabula*, мы впервые встречаем при устье этой реки населенный пункт под названием Orel⁹.

На редкой русской карте *Teatrum belli anno MDCCXXXVII*¹⁰, изданной в конце 1730-х годов, составленной по рукописным



Устье реки Орели (по десятиверстной карте).

материалам Миниха, Ласси и Карла Фрауэндорфа, точно так же помещен пункт Орель (Ogel), поставленный на левом берегу Днепра между устьями Орели и Ворсклы. Кроме того, на правом берегу Днепра, как раз напротив устья Орели, поставлено село Орленское (Sielo Orlensko).

На карте России времен Александра I, составленной Опперманом, при устье Орели, поставлено местечко Орлик¹¹. На более поздних картах и на десятиверстке на том же месте стоит Старый Орлик, а в нескольких верстах севернее от него появляется уже Новый Орлик¹². По своему географическому местоположению, следовательно, Ogel Исаака Массы и Старый Орлик совпадают. Время основания Старого Орлика точно не известно, но в 1731—1738 гг., когда по реке Орели устраивалась «украинская линия» укреплений, в числе их упоми-

нается и Орлик, или Орель¹³. Имеющееся указание, что местечко Орлик основано в 1676 г.¹⁴, во всяком случае не может быть отнесено к Старому Орлику, так как это явно противоречит карте Исаака Массы, где место Орель показано уже существующим в 1633 г.

Сопоставление изложенных выше данных заставляет прийти к выводу, что летописное место Ерель всего вероятнее соответствует географически тому району, где у Исаака Массы стоит Orel. Быть может, всего убедительнее в данном случае картографическое изображение района слияния Орели с Днепром на специальной карте Днепра в известном атласе Блау (изд. 1635 г.), где показана и поименована не только река Orel, но, что особенно интересно, изображено и самое «место» с надписью около него Orel.

Занимая в стратегическом отношении весьма выгодное положение, указанный пункт находится как раз там, где реки Орель и Днепр, сливаясь, образуют довольно острый угол. Это последнее обстоятельство делает вполне понятным смысл летописного выражения о «месте, нарицаемом Ерель, его же Русь зовет Угол».

Примечания

1. Ипат. лет., СПб., 1871, стр. 317.
2. См. там же, стр. 369.
3. Снопород — другой вариант названия реки Снопород.
4. Аристов Н. стр. 10, 17, 23; Соболевский. Русск. филолог. вест., 1910, т. 64, стр. 186; Барсов Н. П. стр. 96; Середонин С. М. стр. 172; Шахматов А. Древнейшие судьбы русского племени, П., 1919, стр. 31, прим. 1.
5. Ипат. лет., стр. 42.
6. Середонин С. М. стр. 26.
7. Кордт В. Материалы по истории русской картографии, Киев, 1899, вып. I, табл. XV, XVI.
8. См. там же, табл. XXII, XXIV, XXVIII.
9. См. там же, табл. XXIX; у Боплана на карте Киевского воеводства *Ukraine pars quae Kiouia palatinatus vulgo dicitur* река Орель носит название Orel; см. Ляскоронский. Гильом Левассер де Боплан и его историко-географические труды, Киев, 1901.
10. *Teatrum belli anno MDCCXXXVII a milite augustae russorum imperatricis adversus turcas tataroque gesti. Ex autographis in Acad. Scient. Petropol. БАН, картограф. отд. карта № 3878.*
11. Подробная карта Российской империи и близлежащих заграничных владений, составленная Сухтеленом и Опперманом, см. л. IX.
12. Десятиверстная карта Союза ССР, л. 47.
13. Городские поселения Российской империи, СПб., 1864, т. IV, стр. 211.
14. Географическо-статистический словарь Российской империи, сост. Семеновым П., т. III, стр. 692.





ГОЛУБОЙ ЛЕС

В 1187 г. киевский князь Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич, соединившись с Ярославом Черниговским, предприняли зимний поход на половцев. Русские князья пошли по Днепру, так как вследствие выпавших «великих снегов» иной дороги и не было. Дойдя до реки Самары, захватили здесь половецкие сторожи и получили сведения, что половецкие вежи и стада стоят у Голубого леса¹. Ярослав отказался продолжать поход, ссылаясь на то, что итти далее от Днепра он не может: земля его далеко, а дружина «изнемоглася». Так как ввиду этого отказа Святослав не соглашался на дальнейший поход, то Рюрик обратился к Ярославу Черниговскому и, ссылаясь на верные сведения, по которым вежи половецкие находятся недалеко, всего «за полднє», говорил: «Прошу тебя, брат, пойди ради меня до полудня, я же для тебя иду 10 дней»². Однако Ярослав вторично ответил отказом: «Один поехать не могу, а полк мой пеший; вы бы дома предупредили меня, до какого места понадобится итти».

Не придя к взаимному соглашению, князья вынуждены были вернуться обратно.

Из приведенного летописного указания ясно, что сторожи половецкие были захвачены на нижнем течении реки Самары, не в дальнем расстоянии от Днепра, как об этом можно судить по словам Ярослава, не желавшего итти «дале» от Днепра, что и понятно: пешим черниговским воинам было бы трудно передвигаться по глубоким снегам.

Голубой лес, следовательно, находился на расстоянии «полуднища» конного пути от места, где были захвачены половецкие сторожки, т. е. примерно в 20 километрах. В соответствии с этими данными Голубой лес надо искать где-то в районе нижнего течения реки Самары. Согласно составленной специальной карте лесов³, а также десятиверстной и трехверстной картам нашего Союза⁴, леса по течению Самары расположены неравномерно и наибольшее пространство они

занимают в том треугольнике, в середине которого Самара резко меняет свое течение, переходя из северо-западного направления в юго-западное.

Северная граница леса проходит здесь как раз по водоразделу бассейнов Самары и Орели, подходит довольно близко к верховью реки Кильчень. Затем полоса лесов захватывает течение Волнянки, впадающей в Самару, и тянется по течению Самары, постепенно суживаясь к югу, к Новомосковскому и несколько южнее.

Если принять во внимание, что половецкие сторожи, очевидно, могли быть захвачены не далеко от Днепра или устья Самары, т. е. километрах в десяти, едва ли более, и прибавить к этому расстоянию «полднища» конного пути, т. е. 20 километров или около того, то Голубой лес, где стояли половецкие вежи и стада, нужно искать в 20—30 километрах от устья Самары, т. е. около того места, где Самара круто меняет направление своего течения, образуя излучину. В этом районе один из лесных участков называется «урочище Зеленая Дуброва»⁵, на запад от которого по верхнему течению Губиновки (левый приток Кильчени) имеется урочище «Лес Питовник»⁶, причем самый лес не обозначен: очевидно, сохранилась лишь память о когда-то бывшем лесе, что и выразилось в названии урочища.

На север от Зеленой Дубровы в сравнительно разреженном лесном участке на перечисленных выше картах названия лесов не обозначены, но совсем близко от границы этого участка расположена у истоков реки Кильчени деревня Голубовка⁷.

Если в названии Голубовка скрывается намек на ее соседство с Голубым лесом, то в таком случае он был расположен между указанной излучиной реки Самары и деревней Голубовкой, простираясь по направлению к устью Самары.

При выяснении местоположения Голубого леса следует иметь в виду, что название «голубой» с наибольшим основанием может быть отнесено к такой растительности, как тальник, ивовые, верба, осокорь. Эти породы покрывают значительное пространство между нижним течением Самары и восточным берегом Днепровской луки⁸. С подобными породами летопись и могла связывать наименование «Голубой лес» в отличие его от чернолесья и краснолесья.

По указанным соображениям упомянутый летописью Голубой лес, отстоявший на «полуднища» пути от Днепра, можно с наибольшей вероятностью приурочить к району между Голубовкой, самарской излучиной и устьем Самары.

Примечания

1. Ипат, лет., стр. 440.
2. Там же.
3. Карта лесов Европейской части СССР, М. 1:1 800 000, изд. Отчетно-экономич. сектора ПЭУ, Наркомлеса, М., 1931.
4. Десятиверстная карта Союза, 1920, л. 47; трехверстная карта Союза, р. XXV, лл. 12, 13, 14; р. XXVI, лл. 12, 13, 14.
5. Десятиверстная карта, л. 47.
6. Трехверстная карта, р. XXVI, л. 13.
7. Трехверстная карта, р. XXV, л. 13.
8. Подробнее об этом смотри в гл. «Залозный путь».





СОЛОННЫЙ И ЗАЛОЗНЫЙ ПУТЬ

Летопись упоминает о Соляном (Солоный) пути под 1170 г., рассказывая, как русские князья, обеспокоенные тем, что половцы «уже у нас Греческий путь изотымают и Соляный и Залозный», предприняли большой поход в Половецкую землю, чтобы «поискать отец своих и дед своих пути и своей чести»¹. На расстоянии десяти дней пути на юг от Киева русские князья захватили у половцев по реке Угле и Снопороду² вежи, много пленников, скота, коней и с большой добычей благополучно возвратились на Русь.

И самый район, куда совершался поход, и сопоставление Соляного и Залозного путей с Греческим, согласно поясняют, что Соляной и Залозный пути оба ведут на юг, связывая Киев с Причерноморьем. Если угрожала опасность, что половцы у Днепровских порогов начнут «пакостити» идущим с юга купцам, тогда русские князья с вооруженной силой выступали из Киева навстречу торговым «гостям» для их охраны и на Днепре у Канева ожидали, пока «взиде Гречник и Залозник»³.

Отмечая, что князья ожидали у Канева гречников и залозников, летопись, однако, ничего не говорит о «солонщиках». На основании этого умолчания было высказано предположение, что путь солонщиков не совпадал с путями гречников и залозников и будто бы ниже Канева в Днепр выхода не имел, а «Соляным» путем, по которому в Киев направлялась соль из Галицкой Руси, служила река Припять, связывающая Приднепровье с Западом⁴.

О доставке соли в Киев из Галича, самое имя которого означает соль⁵, имеется давнее прямое свидетельство. Когда в начале XII в. «Святополк с Давидом Игоревичем рать зачата», то «не пустиша гостей из Галича, ни людей из Перемышля, и не бысть соли во всей Русской земле»⁶, так что наступила «великая печаль» людям. В юго-западной Руси соль добывалась в Карпатских горах в городах Удече, Коломые и Перемышле и доставлялась в Галич⁷.

Соглашаясь с тем, что соль из Галича перевозилась в Киев водным путем по Припяти и Днепру через город Перемиль⁸, археолог Спицын считал, однако, «Соляным» сухой путь, который, совпадая в своей средней части с позднейшим Черным шляхом, вел из Галича на Теребовль, Межибожье и выходил к Котельнице на горный тракт, идущий из Сандомира на Киев; а позднее указанный «Соляной» путь получил еще ответвление из Теребовля на Львов, который стал тогда центром соляной торговли⁹.

Трудно, однако, согласиться с мнением этого исследователя о том, что половцы «легко» могли «изотымать» указанный им Соляной путь. Главные силы половцев кочевали между Северским Донцом и Днестром¹⁰. Линия Галич—Теребовль—Котельница—Киев пролежала на северо-запад от этого района половецких кочевий и на довольно значительном от них расстоянии; следовательно, если половцы и могли иногда угрожать этому пути, то невозможно допустить, чтобы они были в состоянии вполне им завладеть. На правом берегу Днестра половцы бывали реже и случайно, и если делали набеги на правую сторону Днестра, то затем снова переходили на левую. Большинство русских походов на половцев направлялось по левой стороне Днестра в район Самары, Орели и Торца. По этому поводу справедливо было сказано, что «русские князья знали, где искать половцев»¹¹. Наши летописи часто упоминают о половецких набегах на княжества Переяславское, Северское и даже Киевское, но не говорят о частых набегах на юго-западные русские княжества — Волынское и Галицкое, по территории которых как раз и проходит значительная часть предполагаемого Спицыным пути.

С другой стороны, указания летописи ведут к тому, что половцы «пакостят» главным образом у Днестровских порогов, т. е. на юг от Киева, и не случайно, конечно, князья неоднократно выходят встречать купцов именно к Каневу, стоявшему на Днестре в устье реки Рось. Наконец и самое упоминание Соляного пути рядом с Греческим и Залозным включает в себе известное основание относить его к южным путям.

Большинство исследователей поэтому действительно ищет Соляной путь среди дорог, соединяющих киевское Приднепровье с причерноморскими степями. Одни полагали, что Солонь и Залозы — это «места по Днестру на юг от Киева»¹². По другому предположению, «солонь» означают барки с солью, приходившие из крымских солончаков¹³.

Однако против этого мнения выдвигалось основательное возражение, что пока не доказано будет существование в то время у русских особых барок, называвшихся «солонями»,

проще держаться мнения, по которому путь этот назван Соляным потому, что вел к солончакам, откуда русские брали соль и к которым могли принадлежать не только Перекопские, так называемые внешние соляные озера, но и лежащие вне Таврического полуострова «Генические и Бердянские»¹⁴. Признавая кратчайшим путем от крымских соляных озер на Русь тот, который вел через реку Молочную и затем волоком в реку Московку, Брун, однако, считал невозможным принимать указанный вариант за Соляной путь, так как при таком направлении русские не могли бы избежать опасных порогов. Он считал более вероятным, что Соляной путь вел от Крымских озер в Кальмиус, а оттуда волоком, по долинам его притока Соляной и другой речки того же имени, изливающейся в Волчьих Воды¹⁵. Иными словами, Соляной путь от Крымских соляных озер выходил будто бы на Кальмиус, поднимался вверх по его течению до притока Соляной, откуда волоком переходил в притоки Волчьих Вод и затем в Самару, впадающую уже в самый Днепр.

Однако среди притоков Кальмиуса не имеется речки Соляной даже на подробных картах¹⁶. Самое направление Соляного пути от Крымских озер на восток к Кальмиусу, оттуда на запад к Самаре вызывает большие сомнения.

Что русские издавна ездили за солью к Крымским озерам, это засвидетельствовано в середине XIII в. путешественником Рубруком. Характеризуя область Крыма, он сообщает, что «на севере этой области находится много больших озер, на берегах которых имеются соляные источники; как только вода их попадает в озеро, образуется соль, твердая, как лед; с этих солончаков Батый и Сертах получают большие доходы, так как со всей Руси ездят туда за солью и со всякой нагруженной повозки взимается пошлина»¹⁷.

В летописном рассказе о том, что в 1170 г. князя собирались «поискать отец своих и дед своих пути», заключено прямое указание на то, что эти пути древние¹⁸. По справедливому замечанию одного исследователя, «конечно, русские стали ездить в Крым гораздо раньше XIII в.»¹⁹, и вполне возможно, что уже русские князья X в. пользовались сухим путем, ведущим к местам добычи соли у Крымского полуострова, наряду с водным путем по Днепру и дальше вдоль берегов Крыма²⁰. Добыча соли на Крымских озерах, богатых самосадочной солью, не прекращается и до настоящего времени. Наиболее известные места добычи находятся недалеко от Перекопского перешейка. Таковы, например, Старое, Красное и Чонгарское озера и другие.

В силу изложенных соображений можно считать, что Соляной путь на Русь начинался от Крымских соляных озер²¹.

Чтобы обойти опасные пороги, он должен был пересечь Днепр на одной из тех переправ, которые лежали ниже порогов. Этим указанием определяется общее направление Соляного пути от Перекопа к Днепру. По свидетельству Константина Багрянородного, одна из древнейших днепровских переправ находилась у Крарийского мыса (выше острова Хортицы), где переправлялись византийские купцы, ехавшие сухим путем из Корсуня в Киев ²².

В XVII в. и в более позднее время чумаки ²³, перевозившие в своих обозах соль из Перекопа в русскую землю, имели через Днепр следующие переправы: 1) у селения Кичкас, откуда русские Крюковским шляхом по правому берегу Днепра выходили, минуя пороги, к посадку Крюкову (напротив Кременчуга); 2) возле Никитина (Микитина) Рога, т. е. у нынешнего Никополя, откуда русский Микитинский шлях выводил правым берегом Днепра к Мишуруну Рогу, т. е. к Днепровской Переволочне при устье Ворсклы; 3) около бывшей турецкой крепости Кызыкермен (ныне Бериславль), возле нынешнего селения Каховки ²⁴.

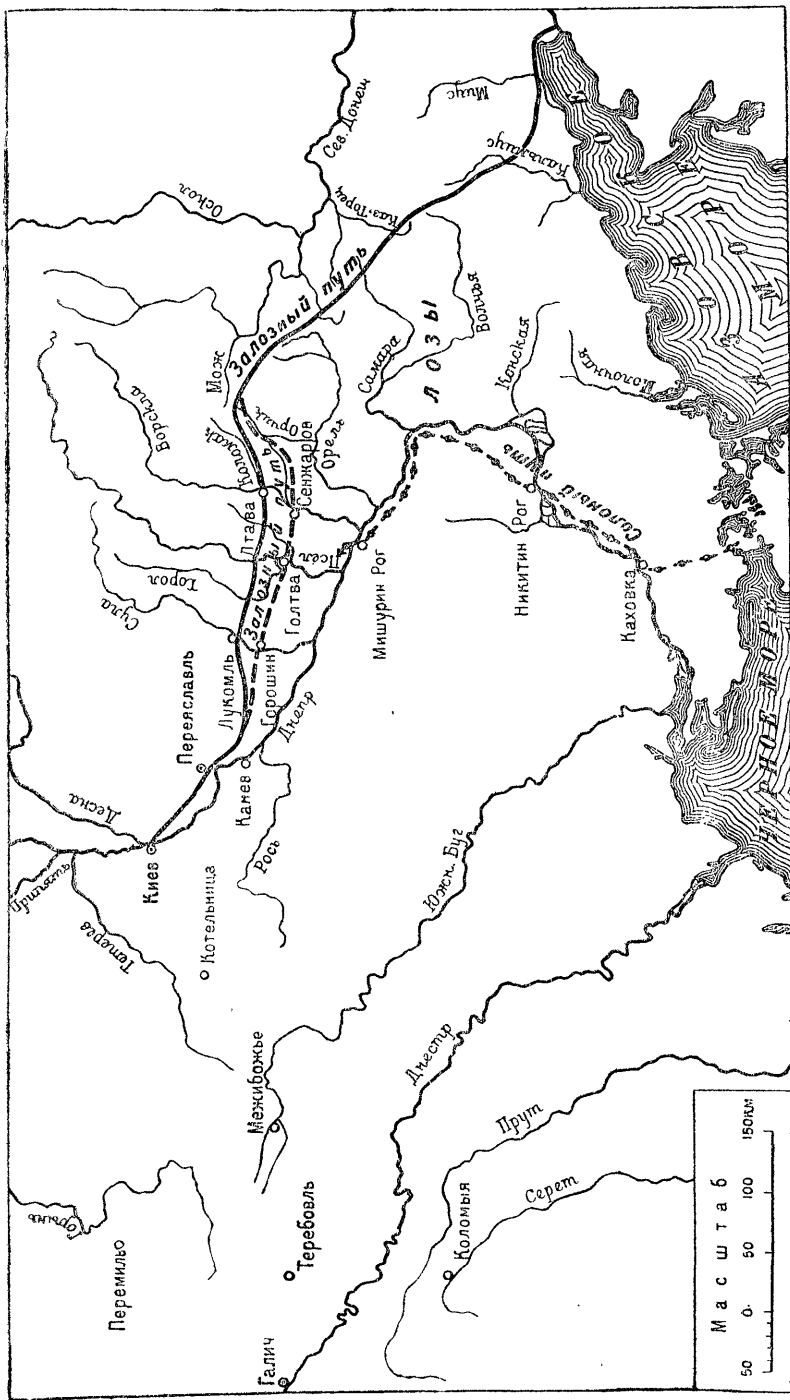
От Никитина Рога чумацкий солевозный путь шел на юг вдоль левого берега Днепра до Каховки (у Кызыкерменской переправы), откуда степью через Черную долину достигал Перекопа. Одно из ответвлений этого пути от Днепра вело в Крым, прямо через степи, проходя нынешние селения Б. Знаменку, Вер, Рогачик и далее на юг в меридиональном направлении ²⁵.

Путь через Никитин Рог был кратчайшим для Среднего Поднепровья. Значение этой давней переправы было таково, что еще татары, завладев южнорусскими степями в XIII в., сочли необходимым поставить здесь одно из своих укреплений ²⁶.

Движение чумаков по солевозным путям было опасным, и в степи «проходу не было» от «черкесской» (запорожской) и донской вольницы, а также от крымских людей. Оберегаясь от нападения, переход совершали большими обозами, вооруженные, отбиваясь от грабителей всем станом, образуя укрепленные «таборы», т. е. лагеря, окруженные возами, и выставляя со всех сторон сторожевых наблюдателей.

Подобные условия передвижения чумаков в степях живо напоминали о тех опасностях, которыми грозила степь в эпоху господства половцев, когда они в конце XII в. стали «изотымать» южные пути у русских князей.

Указанный путь из Среднего Поднепровья через Никитин Рог вдоль левого берега Днепра на Каховку и Перекоп и можно считать Соляным путем, о котором говорит летопись под 1170 г.



Солончуг и Золотой путь XII в.

* *
*

Упомянув о Залозном пути под 1168 и 1170 г.²⁷, летопись указывает, что, желая не допустить половцев «пакостити Гречнику нашему и Залознику», русские князья в обоих случаях выходят навстречу купцам к городу Каневу, где и дожидаются, пока «взойде Гречник и Залозник» вверх по Днепру. Канев, таким образом, стоял в узле обоих путей — Греческого и Залозного.

Относительно общего направления Залозного пути после ответвления его от Днепра исследователями высказывались различные мнения. Некоторые ищут «залозы» в поросших тростником низовьях Днепра²⁸ или ведут путь к реке Каланчаку, изливающемуся в Каркинитский залив²⁹. Но при таком предположении Залозный путь ничем, в сущности, не отличался бы в первом случае от Греческого, во втором — от Соляного. Большинство исследователей поэтому принимают юго-восточное направление Залозного пути — на Тмутаракань³⁰ или же по Дону — в Хазарию³¹ и на Кавказ³².

Если, согласно летописи, Греческий и Залозный пути сближались перед Каневом, то из этого следует, что Залозный отдалялся от Днепра ниже Канева и выше места ответвления Соляного и, значит, действительно должен был получить юго-восточное направление.

Само название пути «Залозный» указывает, что он уходил «за лозы»³³. Вероятнее всего, под этими «лозами» подразумеваются известные «плавни» (упоминаемые еще Геродотом) в районе Днепровской луки и находящиеся восточнее ее значительные пространства в речных долинах с густой порослью осока, вербы и лозы³⁴.

Их местоположение определяется названием протекающих здесь рек³⁵, например, в бассейне реки Самары — Лозоватка (приток Татарки), Лозоватая (приток Средней Терсы), Лозовка (приток Верхней Самары), Вербовая (приток Янчула), Лозовая (в истоках реки Волчьей); далес впадающая в Днепр Осокоровка с Синельниковой, Вербовая (приток Волюнянки); М. Камышеватка и Вербовая балка (притоки Конской), Лозовая (приток Бритага) и Лозоватка (приток Берки). Имеются также поселения с названиями Ивковка, Лозоватые.

Указанная топонимика названий очерчивает довольно значительный район лозовых лесов, примыкающий с востока к Днепровской луке. Именно сюда, за эти «Лозы», совпадая на этом отрезке с позднейшим Муравским шляхом, очевидно, и направлялся из Киева Залозный путь по водоразделу между Днепром и Северским Донцом к верховьям Кальмиуса. Вы-

ходя затем к устью Дона или же к устью Кальмиуса³⁶, Залозный путь выводил в Азовское море и далее к Тмутаракани, связанной с берегами Понта, с Трапезундом и Синопом, откуда товары шли для передачи их в Поднепровье.

Залозный путь с давнего времени связывал Поднепровье с устьем Дона, Тмутараканью и Хазарией. Изучение кладов и других археологических находок говорит о существовании пути из Хазарии и Тмутаракани в Поднепровье еще в VII в.³⁷

Пути XI—XIV вв. из Киева в Половецкую степь представляют несколько вариантов³⁸. С одним из них, а именно с походным путем русских князей XIII г., вероятно, совпадал и Залозный путь на некотором протяжении своей северной части. Выходя из Киева, он мог идти через Переяславль, мимо Канева, через Лукомль, Хорол, Лтаву, затем Коломацким шляхом выходил на Муравский шлях к верховьям реки Самары, откуда по водоразделу между Днестром и Донцом направлялся на юго-восток за «Лозы» и через Кальмиус выходил к устью Дона.

Возможен был и другой вариант, по которому Залозный путь мог от Днестра пролегать через Горошин, Голтов, Сенжаров (на Ворскле), затем долиной реки Тагамлык и Орчицким шляхом выходил на Муравский шлях и далее продолжался на юго-восток, сливаясь уже здесь с первым вариантом³⁹.

Связывая Поднепровье через Дон и Тмутаракань с Понтом и Хазарией, Залозный путь имел важное значение в истории Киевской Руси⁴⁰, особенно в VIII—X вв., в период расцвета хазарской торговли, но постепенно утратил свое значение, когда венецианские и генуэзские купцы, завладев торговлей Трапезунда, направили ее на запад по иным путям.

Примечания

1. Ипат. лет., стр. 368.
2. Там же, стр. 369.
3. Там же, стр. 360, 361, 370.
4. Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси, Казань, 1910, стр. 81—83.
5. Спицын А. А. Торговые пути Киевской Руси, стр. 8.
6. Печерский Патерик в изд. Яковлева, стр. 44.
7. В 1164 году торговцы, идущие из Удеча (Удечева) в Галич с солью, потонули от разлива Днестра, поднявшегося до Выкового болота. Коломыйские солеломни находились близ северного берега Прута.
8. Перемиль расположен на реке Стырь, впадающей в Припять.
9. Спицын. Указ. соч., стр. 8.
10. Середонин, стр. 172; Лясковский, стр. 64.
11. Середонин, стр. 172.
12. Таково мнение Карамзина. История государства Российского, изд. Смирдина, СПб., 1852, II, прим., стр. 419 и 410.

13. Так думал Арцыбашев. С ним согласен Соловьев. Арцыбашев, Повествование о России, II. прим., стр. 146; Соловьев, История России.

14. Так высказывался Брун. Причерноморье, I, стр. 126 и 127. Аристов полагает, что Солоний путь вел к Торским или Славянским соляным озерам, Аристов, стр. 14.

15. Брун, стр. 126—127; Иловайский высказывается в пользу мнения Бруна, но, упоминая о замечаниях Бурачка на статью Бруна («Изв. Геогр. о-ва», XI, вып. V), «не предполагает, чтобы те же ладьи, на которых Русь ходила по Черному морю, были употребляемы по рекам Миусу и Самаре»; Иловайский, Разыскания, стр. 283—284.

16. Десятиверстка нашего Союза, л. 62; трехверстка, р. XXVII, л. 16. На отсутствие (на карте) реки Соляной среди притоков Кальмиуса указал еще Загоскин, Русские водные пути, 81, прим., стр. 71.

17. Иоани де Плано Карпини. История монголов; Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны, пер. А. И. Малеина, СПб., изд. А. Суворина, 1910, стр. 85, 86.

18. На это обратил внимание еще Голубовский. Печенеги, торки, половцы, стр. 162.

19. Середонин, стр. 59.

20. Готье. Железный век, стр. 233.

21. Середонин пишет, что «сюда к крымским соляным озерам и пролегал.. очень важный торговый путь — соляной, это не исключает того, что впоследствии Киев получал соль из Галича»; Любавский также считает соляным «путь в Тавриду за солью», Середонин, стр. 159; Любавский. Лекции по древнерусской истории, стр. 114.

22. Константин Багрянородный, стр. 9; Крарийская переправа соответствует современному Кичкаскому перевозу. Брун. Черноморье, Одесса, 1879, ч. II, стр. 368, ср. ч. II, стр. 288.

23. Чумаками называют на Украине торговцев, отправляющихся на волах в Крым за солью и к морям Черному и Азовскому за рыбой. Происхождение чумачества относится к весьма отдаленному прошлому. Замысловский, см. «Россия», т. XIV, стр. 223.

24. Наименование Кичкас Вестберг сближает с Кочо, т. е. с названием Днепра у Моисея Хоренского (Кичкас — стоянка на Днепре). Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе, ЖМНП, 1908, III, 27; О переправах см. «Россия», т. XIV, стр. 436—437; Ляскоронский, стр. 35, 45, 66—70, 82, 84, 105, 112, 123, 119.

25. «Россия», т. XIV, стр. 636—637, 436—437.

26. «Россия», т. XIV, стр. 636. Путь через Кызыкермен и далее по Ингульцу, соединявший Крым с Литовско-Русским государством, был также давним. Уже в начале XV в. на месте переправы существовала «Витовтова мытница», т. е. таможня, когда усилиями литовских великих князей при содействии генуэзцев по нижнему течению Днепра и сухопутным степным дорогам было восстановлено торговое движение к берегам Черного моря. С усилением Перекопской орды вместо Витовтовой мытницы в середине XV в. была построена Кызыкерменская крепость, «Россия», т. XIV, стр. 646.

27. Ипат. лет., стр. 360, 361, 368.

28. Такого мнения придерживаются Карамзин и Соловьев. Соловьев справедливо указывает, что «Залозный» неудовлетворительно объясняют Заолзным, т. е. Заолешинским, который был бы то же самое, что Греческий, не говоря уже о трудном переходе слов из Заолешья в Заолзье. Однако собственное мнение Соловьева, что «Залозный — железный по товару», тоже неубедительно; Карамзин, т. II, прим., стр. 419; Соловьев, I, стр. 486, прим., стр. 3.

29. Так думает Брун. Черноморье, I, стр. 127, 128.

30. К этому мнению присоединяются Иловайский, Середонин, Спицын и другие. Иловайский, стр. 283; Середонин, стр. 165; Спицын, стр. 12—14. По мнению Голубовского Залозный путь, ответвляясь от Днепра где-то у впадения Самары, мог идти на восток. Готье считает путь древним и определяет его направление следующим образом: Донец — Дон. Голубовский, стр. 162, 163; Готье. Железный век, 233.

31. Любавский. Лекции по древнерусской истории, стр. 114.

32. Ламанский. О славянах в Малой Азии, стр. 68, прим. I.

33. Нельзя, однако, принять мнение, что название пути Залозным идет, может быть, от лоз, росших в Киеве по ту сторону Днепра, по дороге в Переяславль, как думает А. Спицын. От Киева до Канева, как это следует из летописного описания, и Греческий и Залозный пути совпадали. Собственно Залозный путь начинался южнее Канева и если получил свое название от лозовых лесов, то они должны были находиться южнее Канева.

34. «Россия», т. XIV, стр. 271, 637.

35. См. карту Залозного пути.

36. Середонин, стр. 165.

37. Изучая торговые связи Руси с Востоком VIII—XI вв., Любомиров приходит к выводу, что в VII в. путь от Семендера (около Кизляра) шел Терекон, Сунджей, снова Терекон и его верхними притоками выводил к Кубани на Таматарху к обоим морям, далее Черным морем к византийским городам Крыма. Путь от Семендера, повидимому, раздваивался и с верхней Кубани через большой Егорлык и затем Маныч выводил к устью Дона. Другой путь (IX—X вв.) шел из Итиля Волгой до Царицына или Камышина, к восточному выступу Дона и отсюда Доном до устья Донца. Донец и Оскол выводили к Ворскле, Пселу и Сейму (VII—X вв.); Любомиров П. Г. Торговые связи Руси с Востоком VIII—XI вв., в Учен. зап. Саратов. ун-та. т. I, вып. III, Слов.-ист. отд. пед. фак., Саратов, 1923, стр. 17—19.

38. Ляскоронский. Русские походы в степи, см. приложенную к статье «Карту путей в степи XI—XIV века».

39. Спицын, стр. 13—14.

40. Середонин, стр. 165; Замысловский, см. «Россия», т. XIV, стр. 220.





ПОХОД ВЛАДИМИРА МОНОМАХА В ПОЛОВЕЦКУЮ ЗЕМЛЮ в 1111 г.

Исполняя принятое на Долобском съезде решение, русские князья в 1111 г. предприняли большой поход на половцев, который завершился выдающимся успехом. Русские проникли далеко в глубь половецких степей, взяли два половецких города, одержали блестящую победу над кочевниками и с богатой добычей возвратились на Русь.

Русские князья выступили в поход из Переяславля во вторую «неделю» великого поста, т. е. в воскресенье 26 февраля. В пятницу 3 марта они дошли до реки Сулы, в субботу достигли Хорола, где вследствие таяния снегов «сани помета-ша», так как пользоваться ими стало затруднительно. В воскресенье 5 марта (в «крестопоклонную неделю») пришли на Псел, а на следующий день стали на реке Голтве, где дождались присоединения остальных воинов. Во вторник 7 марта русское войско достигло реки Ворсклы, за которой простиралась уже Половецкая степь¹.

В среду выступили с Ворсклы и, «преидоша многие реки» на своем пути, подошли, наконец, к «Донову». День этого прибытия указывается различно. По сообщению Ипатьевской летописи, это произошло в шестую «неделю» (воскресенье) поста, а согласно Воскресенской летописи — в пятую «неделю»².

Посвятив понедельник отдыху после длительного похода, русские воины во вторник, «оболачишася во броне и полки изрядиша», двинулись к городу Шаруканю, куда прибыли «вечеру сушу». Шарукань сдался, и его жители в виде даров вынесли русским князьям рыбу и вино. «Перележаша ночь ту», русские утром в среду направились к Сугрову и, взяв город, зажгли его.

В четверг русские войска двинулись «с Дона» в обратный путь. Тогда собравшиеся половцы преградили им дорогу и утром в пятницу 24 марта напали на русских. Перед лицом великой опасности русские князья приняли твердое решение: «уже смерть нам zde, — да станем крепко!» Произошел бой

«на потоце Дегея»³. В ожесточенной борьбе русские разбили половцев.

Весь следующий день, субботу 25 марта, отдыхая после тяжелой битвы, русские оставались на том же месте, празднуя день Благовещения. В воскресенье 26 марта, по известию Ипатьевской летописи, русские продолжали свой обратный поход. На следующее утро, «наставши же понеделнику» 27 марта на «страстной» неделе, множество половцев окружило русские полки со всех сторон, словно бор («яко борове велици»). «И брань бысть люта межи ими». Русские и на этот раз вышли победителями, так что разбитые половцы «вдаша плещи свои на бег». Это решительное побоище произошло «на реце Сальнице»⁴.

После блестящей победы русские с огромной добычей вернулись на Русь. Слава об их походе разнеслась далеко за пределы Русской земли, проникла во все дальние страны: «к Греком, и Угром, и Ляхом, и Чехом, дондеже и до Рима, проиде на славу богу»⁵.

Для выяснения местонахождения половецких городов существенное значение приобретает точное определение того дня, когда русские пришли «к Дону». Между тем, мнения исследователей по этому вопросу разошлись. В соответствии с Воскресенской летописью одни полагают, что русские, выступив с Ворсклы 8 марта, достигли «Дона» 12 или 13 марта и затем двинулись к Шаруканю во вторник 14 марта; следовательно, все расстояние от Ворсклы до «Дона» прошли в 5 или 6 дней⁶.

Другая группа исследователей⁷, придерживаясь Ипатьевской летописи, считает правильным чтение «в шестую неделю поста», рассуждая следующим образом: «в Лазареву субботу русскими была отпразднована победа, перед этим в пятницу (на шестой неделе) была битва на потоке Дегея, перед этим в среду русские двинулись к Сугрову, а во вторник — к Шаруканю; следовательно, к Дону русские подошли в воскресенье (на шестой неделе)»⁸. По этому расчету, следовательно, русские подошли к Дону 19 марта.

Приведенное возражение отвергает поправку Воскресенской летописи: «в пятую неделю поста». Однако в указанной полемике исследователями упущено из внимания, что великий пост начинается с понедельника, а воскресенье заканчивает неделю. Обе упомянутые летописи правильно отмечают, что поход начался во «вторую неделю поста», иначе говоря, в воскресенье 26 февраля. Если же продолжить последовательно великопостный календарь, то мы и получим, что воскресенье третьей и четвертой недели соответственно приходится на 5 и 12 марта, а воскресенье пятой недели на 19 марта.

Иными словами, при ближайшем рассмотрении оказывается, что обе летописи отмечают один и тот же день прибытия русских князей к «Дону» и, значит, отпадает основание для расхождения мнений по данному вопросу.

Точное установление дня прибытия к «Дону» весьма важно для дальнейших изысканий. Оно определяет количество дней, понадобившихся русским войскам, чтобы дойти от Ворсклы до той точки «Дона», в районе которой располагались Шарукань и Сугров.

Некоторую неясность в описании похода вносит отрывок Ипатьевской летописи, где говорится, что во вторник русские подошли к граду Шаруканю «вечеру сушу и в неделю выидоша из города, и поклонишася князем Руским, и вынесоша рыбы и вино; и перележаша ночь ту. И заутра в среду поидоша к Сугрову». Если следовать прямому смыслу текста, то надо считать, что русские подошли к Шаруканю вечером во вторник 21 марта, четыре дня осаждали город, и лишь на пятый день в «неделю» (воскресенье) 26 марта осажденные вышли из города с дарами и покорились русским князьям, которые после этого провели почему-то еще два дня у Шаруканя и лишь в среду (28 марта!) двинулись к Сугрову. Между тем, сама же Ипатьевская летопись в дальнейшем описании похода говорит, что после взятия Сугрова заключительная битва на Сальнице произошла 27 марта. Совершенно очевидно, что переписчиком допущена ошибка и вместо «в неделю выидоша из города» стояло, вероятно, «в ночь выидоша»⁹, с чем полностью согласуется и последующий летописный текст.

В итоге рассмотрения календарь похода 1111 г. представляется в следующем виде:

Февраль 26 (воскресенье) — выступили в поход из Переяславля.

Март 3 — на Суле.

Март 4 — на Хороле.

Март 5 (воскресенье, третья «неделя») — на Псле.

Март 6 — на Голтве.

Март 7 — на Ворскле.

Март 8 — выступили в Половецкую степь и «преидоша многие реки».

Март 19 (воскресенье, пятая «неделя») — пришли «к Дону».

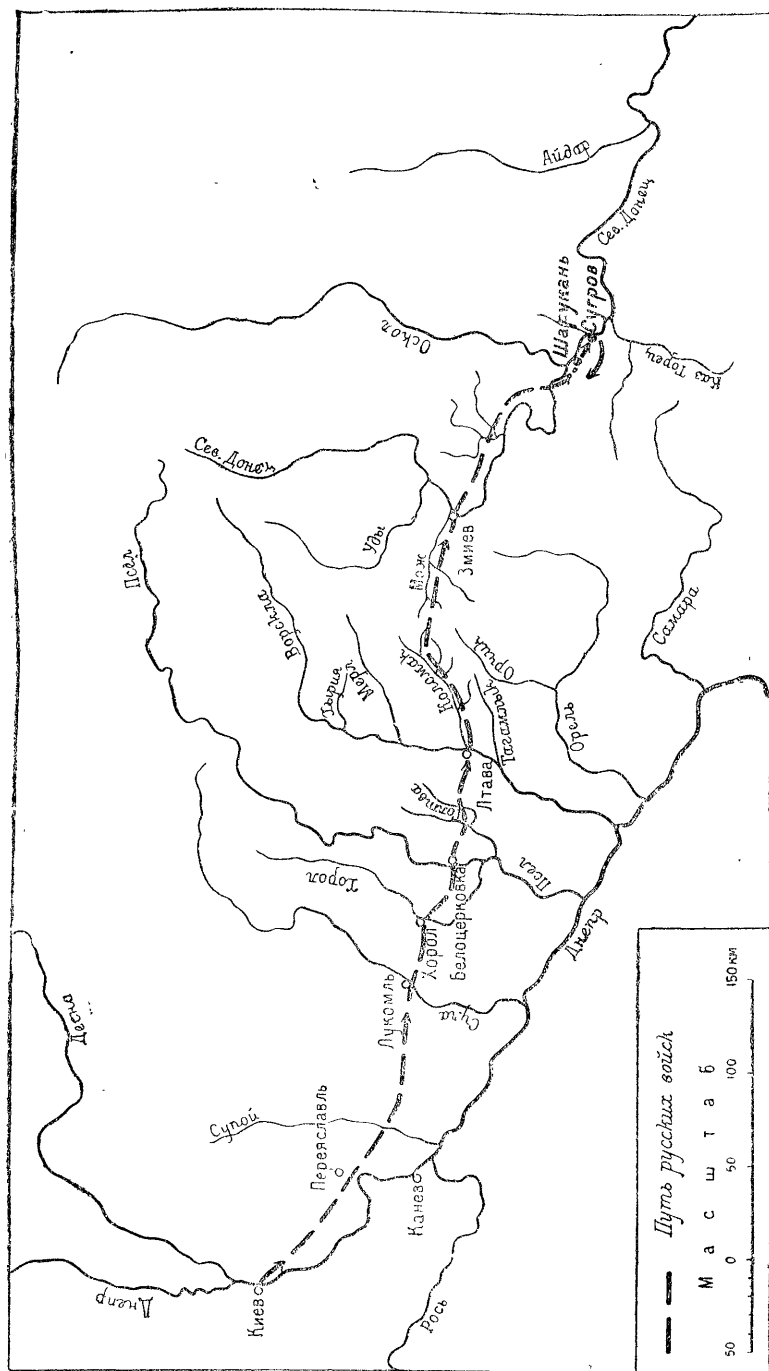
Март 20 — отдыхают и готовят вооружение.

Март 21 (вторник) — пришли к Шаруканю «вечеру сушу» и ночью овладели городом.

Март 22 (среда) — пришли к Сугрову и зажгли его.

Март 23 (четверг) — пришли с «Дона».

Март 24 (пятница) — бой «на потоце Дегея»



Русский поход в Половецкую степь в 1111 г.

Март 25 (суббота) — отдыхают и празднуют день Благовещения.

Март 26 (воскресенье) — в походе

Март 27 (понедельник «страстной» недели) — утром сражение на Сальнице.

Следовательно, весь поход от Переяславля до Дона занял 22 дня.

Для выяснения местонахождения Шаруканя и Сугрова необходимо предварительно определить тот путь, которым шли русские князья к Северскому Донцу. Некоторые исследователи ведут этот путь от Переяславля через Мажево¹⁰ на реке Супое, к Горошину на реке Суле, отсюда вдоль нижнего течения Хорола к устью Голтвы и далее на среднее течение Орели¹¹. Но подобный вариант маловероятен, потому что при таком направлении русские прошли бы ниже устья Хорола и Голтвы, что противоречит летописи, которая определенно говорит о переходе через обе эти реки; а для того, чтобы их пересечь, путь должен был пройти выше их устья¹².

При этих условиях наиболее вероятным представляется направление от Переяславля к переправе у Лукомля на реке Суле, отсюда через реку Хорол, через реку Псел у села Белоцерковки, через реку Голтву у села Решетилówki (место слияния Грузской Голтвы с Ольховой Голтвой) и отсюда к переправе через Ворсклу у Лтавы (Полтавы)¹³.

От Переяславля до Сулы, расстояние, близкое к 120 верстам, русские войска прошли за шесть дней. Дальнейшие переходы представляют следующие расстояния в верстах: Сула — Хорол — 30; Хорол — Псел — 36; Псел — Голтва — 26; Голтва — Ворскла — 38; итого за четыре дня прошли 130 верст. Всего же от Переяславля до Ворсклы за 10 дней пройдено около 250 верст, в среднем 25 верст в день, хотя в отдельных случаях величина однодневных переходов колебалась от 20 до 38 верст.

От Ворсклы к «Дону» шли двенадцать дней (8—19 марта), но на этом отрезке пути русские должны были переправляться через «многие реки», что, конечно, тормозило движение. Кроме того, русская пешая рать (вои) не могли совершить 22-дневный поход без больших остановок в дороге, что вызывалось необходимостью сберечь силы для предстоящих боев с половцами. По этой причине поход в Половецкой степи должен был совершаться медленнее, и за 12 дней от Ворсклы до «Дона» русские князья могли пройти не более 240—250 верст.

Это приводит к заключению, что в описываемом походе речь идет не о настоящей реке Дон, а о Северском Донце.

Самое выражение «Дон», «с Дона» применяется иногда летописцем как общее географическое обозначение для всей области Дона за Северским Донцом, для всего великого поля Половецкого¹⁴.

Материал для определения величины однодневного перехода древнерусских войск дают лишь очень немногие летописные указания. Так, в походе 1103 г.; как уже упоминалось выше, русские полки (конница и пехота) от Протолчей до Сутени (Молочной) прошли за 4 дня около 100 верст.

В походе 1170 г. против половцев русские князья, продвинувшись от Киева по левой стороне Днепра на 9 дневных переходов, узнали, что половцы, проведая о приближении русских, бежали от своих веж. Тогда русские князья, оставив Ярослава Всеволодовича «за собою у воз», сами «поехаша вборзе» далее на юг и захватили вежи половцев на реке Угле (Орель), другие по Снопороду (Самара) и погнались за половцами даже «за Вьскол», избивая их¹⁵. До какого именно пункта дошли русские за 9 дней, летопись не указывает, но все же из текста ясно, что Ярослава Всеволодовича оставили где-то севернее Орели, вероятно, на Ворскле, а, может быть, и еще севернее. Считая, что расстояние от Киева до Ворсклы составит около 315 верст, в среднем каждый дневной переход оказывается около 35 верст. Однако при этом надобно принять во внимание, что из летописного описания неясно, участвовала ли пехота в походе, а если участвовала, то не спустилась ли она (что очень вероятно) по Днепру на ладьях, как это нередко практиковалось.

В 1187 г. во время зимнего похода русские по «великим снегам» за 10 дней от Киева дошли до Самары¹⁶, пройдя, таким образом, около 360 верст. Из летописи известно, что в этом походе пехота принимала участие. Относительная быстрота перехода в данном случае говорит за то, что для продвижения пехоты были использованы сани.

Объединяя те немногие летописные данные, которые имеются в нашем распоряжении для суждения о скорости передвижения древнерусского войска, можно полагать, что в случаях совместного похода конницы и пехоты на дальнее расстояние русские войска делали обычно переход в среднем около 25 верст, если для передвижения пехоты не применялись суда (на реке) или сани (по зимнему пути).

Конечно, в случае необходимости один или даже два перехода подряд русские войска могли совершить и на более значительное расстояние. Так, например, Даниил Галицкий (в 1245 г.), выступив из Холма, «одного дне быста под градом» Любимином, т. е. сделал переход около 45—50 верст¹⁷. Но такие единичные переходы были исключением и не могли считаться средней нормой для длительных переходов на дальнее расстояние.

Пытаясь наметить дальнейшее направление похода 1111 г., надо принять во внимание, что путь от Ворсклы к Северскому Донцу должен был выводить в район Изюма и Сальницы, ибо там разыгрались последние, решительные битвы с половцами. Для того, чтобы выйти беспрепятственно в этот район, в тыл половцам, русским князьям необходимо было обойти главные половецкие кочевья, расположенные по Самаре и Орели, иначе столкновение с половцами произошло бы до р. Сальницы и не удалось бы скрытно и неожиданно подойти к Шаруканю и Сугрову, как это случилось в действитель-

ности. Эти соображения приводят к мысли, что путь, вероятно, шел от Ворсклы Коломацким шляхом (известным в XVI—XVII вв.) вдоль реки Коломак, к ее верховьям, затем по рекам Адалагу и Можу¹⁸, подходил к Змиевской переправе через Донец¹⁹; далее пролегал по левой стороне Донца и, минуя «перелазы» (известные в XV—XVII вв.) Бишкин, Шибалинский, у Андреевых лоз, Булуклейский, Савинский, затем выходил к Сальнице и Изюмскому перевозу²⁰, вблизи устья р. Оскола.

При таком варианте протяжение пути от Ворсклы до Змиева, равное 140 верстам, и от Змиева до Изюмского перевоза, равное 95 верстам, составит в общем протяжении около 235—240 верст, так что пройти его за 12 дней было возможно. Двигаясь по этому направлению, русские действительно должны были встретить на пути много переправ через притоки Коломака, Можы и, наконец, Северского Донца от Змиева до реки Изюмца, впадающего в Донец. Это направление действительно пролегало в стороне от главных Половецких кочевий и обеспечивало скрытность русского движения на восток к Осколу.

Летописное сообщение указывает, что русские князья южных окраинных княжеств, Переяславского и Северского, хорошо были знакомы с путями между Мерлом и Коломаком и путем через Ворсклу у Лтавы. В 1174 г. Игорь Святославович «поеха противу Половцем и перееха Върскол у Лтавы к Переяславлю и узрьещася с полкы Половецкыми»²¹. Когда половцы в 1183 г. пришли из степи и стали ловить «языка», на пространстве между Ворсклой и Мерлом, то Игорь выступил в степь «да яко бысть за Мерлом и сретося с Половци»²²; следовательно, и в этот раз шел тем же путем, что и в 1174 г. Со второй четверти XII в. (с переходом Курска и Посемья под власть северских князей) местность, расположенная на южном рубеже, ограниченная с востока Донцом, а с юга Можем и Коломаком, оказывалась под военным наблюдением северских князей, о чем свидетельствуют их походы за Мерл. Таким образом, путь от Лтавы по Коломаку и Можу к Змиеву на Донце совпадал с той крайней южной границей, до которой доходила сфера военного наблюдения Переяславского и Северского княжеств за степью²³ и, значит, хорошо был известен русским князьям.

Не лишено также значения, что намеченный нами путь князей в 1111 г. являлся кратчайшим от Переяславля до Изюмского перевоза²⁴.

Из летописного описания событий 21—27 марта ясно, что Шарукань и Сугров находились недалеко от Сальницы, однако в этом районе даже на подробных картах, как современ-

ных, так и более ранних, не имеется географических пунктов с названиями Шарукань и Сугров²⁵. Поиски затрудняются еще и тем, что при частой смене кочевников в наших южных степях, восточные наименования в нашей русской передаче иногда изменялись: Адалага превращалась в Водолаг, Гузун — в Изюм, Еклуваты — в Ольховатку и т. д.²⁶. С другой стороны, половецкие города назывались по имени своего хана (как это наблюдалось и у печенегов)²⁷. Со сменой хана, владельца города, менялось и название последнего. Шарукань в некоторых летописных списках носит название Осенева²⁸, по имени хана Асана (Осеня), по смерти которого стал называться по имени хана Шарука, едва избежавшего русского плена в 1107 г. на Хороле²⁹. О Шарукане упоминается и в «Поучении» Мономаха, где рассказывается, что Мономах освободил двух братьев хана Шаруканя. В некоторых списках город Шарукань именуется Чешуевым. Сугров назван по имени хана Сугры, плененного русскими князьями при нападении на Лубны в 1107 г.³⁰

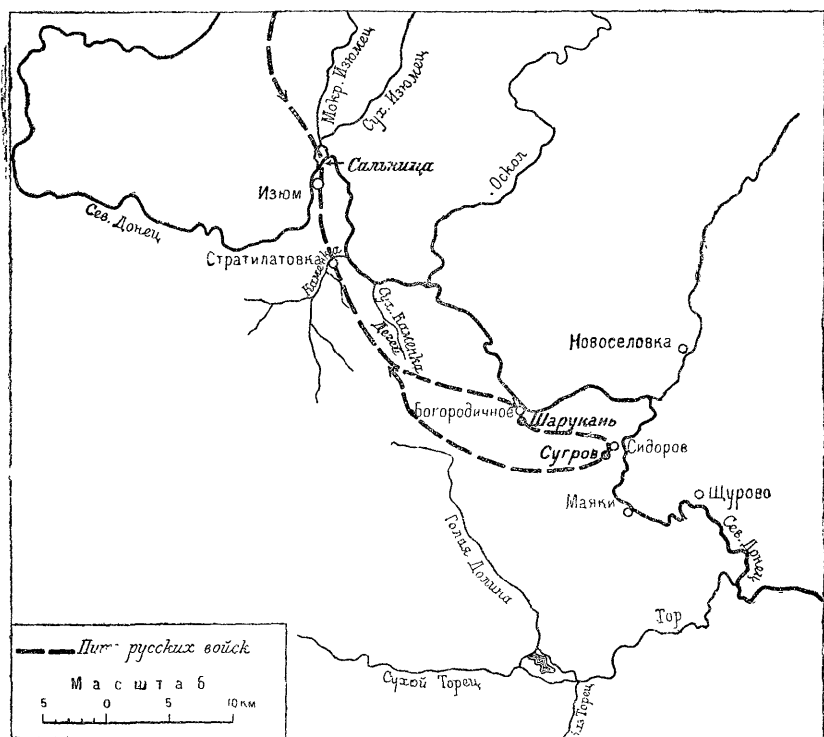
Неустойчивость названий половецких городов не дает путевой нити для определения их местонахождения, поэтому поиски их остается производить, исходя из летописного описания, изучения карты и археологических данных. На основании летописных данных большинство исследователей полагают, что Шарукань и Сугров следует искать на Северском Донце³¹.

Попытаемся их местонахождение определить точнее. Как мы знаем, от Шаруканя русские двинулись к Сугрову утром в среду, причем успели за день не только дойти до города, но зажечь его и взять. Следовательно, Сугров лежал от Шаруканя на расстоянии не более полудневной переходы. От Сугрова до Сальницы русские сделали только два дневных перехода: 23 марта от Сугрова дошли до Дегея, а 26 марта от Дегея дошли до Сальницы. Остальные же дни протекли или в отдыхе и праздновании (25 марта), или в битве на Дегее и на Сальнице (24 и 27 марта). Итак, от Шаруканя до Сугрова — полудневный переход, от Сугрова до Дегея — однодневный и от Дегея до Сальницы — тоже однодневный переход.

Сугров был самым дальним пунктом похода и, следовательно, лежал дальше Сальницы и дальше Шаруканя.

Сальницу, согласно «Книге Большого Чертежа», следует относить к Изюмскому перевозу. На восток от Сальницы на берегах Бахмута и Торца по археологическим наблюдениям имеется большое число погребений, которые могут быть отнесены к половцам или торкам³². По правому берегу Северского Донца на восток от той же Сальницы имеются половецкие городища... Теплинское около села Богородичного,

Сидоровское около хутора Сидоров, Маяцкое недалеко от села Маяки³³ и др. Сидоров отделен от Сальницы расстоянием около 40—45 верст, что вполне может быть приравнено к двухдневному переходу от Сугрова до Сальницы. Но если Сидоров принять за Сугров, тогда Теплинское городище будет соответствовать Шаруканю, так как расстояние от Сугрова до Теплинского городища, составляющее около десяти верст, бу-



Места битв русских с половцами при походе в степь в 1111 г.

дет равно тому полудневному переходу, который совершили русские от Шаруканя до Сугрова, согласно летописи.

Принимая во внимание географические условия местности и направление дорог от Славянска к Изюму, можно полагать, что обратный путь русских князей шел от Сидорова к верховьям Голей Долины, а затем — сначала по водоразделу между реками Каменкой (Камышевахой) и Сухой Каменкой, а потом к переправе через Каменку у Стратилатовки (Каменки), и далее на север к Сальнице³⁴.

На этом пути должен быть Дегей. Выражение «на потоце Дегея» говорит о том, что Дегей представлял не реку, а поток, протоку, или балку. Одна из балок в верховьях Каменки—Камышеваха или Сухая Каменка и могла быть Дегеем, потому что до верховьев указанных речек от Сидорова немного более 20 верст, что как раз равняется однодневному переходу, который отделяет Сугров от Дегея.

Помимо Шаруканя (Осенева, Чешуева) и Сугрова (Сугроба, Зуброва) летопись упоминает еще о третьем половецком городе, рассказывая, что в 1116 г. русские ходили на Половецкую землю к реке Дону «и взяша три грады — Сугров, Шарукань, Балин»³⁵. Как мы знаем, первые два города находились поблизости один от другого, и о местоположении их мы можем иметь представление. Очевидно, и Балин лежал не в дальнем от них расстоянии. Трудно сказать, можно ли Балин отнести к Маяцкому или Новоселовскому городищу³⁶. Вышеприведенное летописное сообщение слишком кратко и не сопровождается никакими подробностями, которые могли бы послужить путеводной нитью для необходимых поисков. Надо надеяться, что археологические исследования городищ данного района прольют свет на этот вопрос³⁷.

Примечания

1. Ипат. лет., стр. 192.
2. Ипат. лет., стр. 192, ПСРЛ, т. VII, стр. 22.
3. Татищев пишет, что сражение было упорным «и кончился бой сей ночью». Татищев. История российская с самых древних времен, кн. 2, 1773, стр. 208.
4. Ипат. лет., стр. 193; ПСРЛ, т. VII, стр. 22; акад. Шахматов, Повесть временных лет, 1916, стр. 338—339; Татищев пишет, что в бою на Сальнице «половцев более 10 тысяч побито, а несколько тысяч пленных в Русь приведено, коней же и скотов бесчисленное множество войску отдано», Татищев, кн. 2, 1773, стр. 209.
5. Ипат. лет., стр. 196.
6. Так думает Аристов, который считает «очень достоверным по своей точности» показание Воскресенской летописи о том, что «в пятую неделю поста приидоша к Донови, во вторник же, оболкшися во брони, поидоша... ко граду Шаруканю», Аристов, стр. 9.
7. Например, Барсов, Ляскоронский, акад. Шахматов. Барсов. Очерки, стр. 303; Ляскоронский. Русские походы, в степи, стр. 24; Шахматов. Повесть временных лет, стр. 338.
8. Шахматов. Указ. соч., стр. 392.
9. Именно такую поправку вносит Шахматов в своем труде «Повесть временных лет», стр. 338.
10. Ляскоронский, стр. 31. См. также приложенную в конце его труда карту путей в степи XI—XIV в.в.
11. Ляскоронский, стр. 23, 24, 31.
12. Так думают Барсов и Середонин. Барсов, стр. 303; Середонин, стр. 172.
13. См. десятиверстку нашего Союза, лл. 31 и 46.
14. В настоящем современном значении река Дон выступает под именем «Дона Великого» в «Слове о полку Игореве» или, например, в

Ипатьевской летописи под 1140 годом, где говорится: «Владимир сам собою постоя на Дону..., а Мстислав мужи свои посла, загна Половци за Дон, и за Волгу, за Яик». Барсов, стр. 304; Лонгинов, стр. 225.

15. Ипат. лет., стр. 369.

16. Там же, стр. 440.

17. Там же, стр. 529.

18. В разъездной росписи 1571 г. говорится: «Коломак перелезти, под Коломацким городищем, через Ровень, да полем через Муравский шлях, да на верх Адалага», впадающего в Мож. Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии, ч. II, стр. 256, 303.

19. См. Кудряшов. Русский исторический атлас. Гиз, Л., 1928, табл. VIII.

20. О Сальнице и Изюмском перевозе см. выше в очерке «Слово о полку Игореве».

21. Ипат. лет., стр. 387.

22. Там же, стр. 426.

23. Голубовский. Печенеги, торки, половцы, Унив. изд. Киев, 1883, стр. 261.

24. Десятиверстка нашего Союза, лл. 31, 46, 61.

25. Из наименований, созвучных Сугрову, можно указать на правом берегу Северского Донца Сидоров, в 25 км выше устья Тора, а также Суров, Нижний и Верхний, лежащие на реке Сурове, впадающей в Донец в 20 км ниже устья Бахмута. Десятиверстка, л. 61.

26. Аристов, стр. 10.

27. Татищев. История росс..., 1774, II, прим., стр. 351; III, стр. 535; Аристов, стр. 10.

28. ПСРЛ, I, стр. 290.

29. Аристов, стр. 10; ПСРЛ, I, 282; Ипат. лет., стр. 187.

30. ПСРЛ, I, стр. 282, 291. По поводу существования у половцев городов Середонин говорит: «Может показаться странным, что у народа кочевого были города. Полагаю, что города эти — остатки весьма древних поселений сарматов, к которым присоединились впоследствии славяне; эти поселения должны были признать над собой власть кочевников». Середонин, стр. 173.

31. Такого мнения держатся Барсов, Середонин, Ляскоронский. Аристов же отождествляет Шарукань с Харьковом, а Сугров помещает на Северском Донце «около Изюма». Барсов, стр. 303; Середонин, стр. 173; Ляскоронский, стр. 26; Аристов, стр. 11, 12.

32. Труды Археол. съезда, XII, т. I, стр. 213.

33. Трехверстка, р. XXV, л. 16; десятиверстка, л. 61. Сведения о перечисленных городищах сообщены археологом Н. В. Сибилевым, обследовавшим недавно городища по берегам Северского Донца от города Изюма до устья Тора.

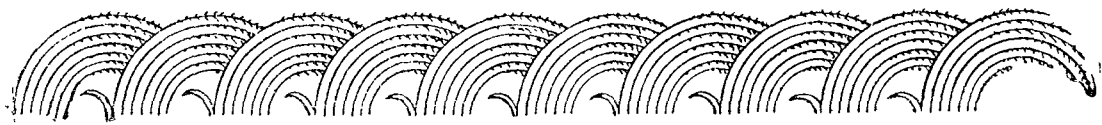
34. Трехверстка, р. XXV, л. 15 и 16; десятиверстка, л. 61.

35. Ипат. лет., стр. 204; Лаврентьевская летопись называет города Чешюев, Сугров, ПСРЛ, I, 1927, стр. 291.

36. Маяцкое городище несколько ближе к Сидорову, чем Новоселовское, которое лежит по другую сторону Северского Донца.

37. Н. В. Сибилев на основании собранных им на месте археологических данных отождествляет Шарукань с Теплинским городищем, а Сугров с Сидоровским. К сожалению, эти данные до сих пор не опубликованы.





ПОЛОВЕЦКАЯ СТЕПЬ XII в.

Прежняя степь, в которой когда-то обитали половцы, под воздействием человека сильно изменилась. Только по немногим уцелевшим ее остаткам можно судить о той девственной степи, где растет «ковыль, по пояс человека, где дереза, бобовник и вишенник образуют, хотя и низкорослые, но густые, часто непролазные кустарники, упорно выдерживающие борьбу со скотом и человеком, где кишат суслики, во множестве водится дрофа и доживает свой век доисторический байбак»¹. По описанию исследователя такая девственная степь «иногда кажется так густо занятой каким-либо растением, что ничто другое, повидимому, и уместиться здесь не может: то покрывается оно лиловыми пятнами — это зацвели анемоны; то целые луговины принимают голубой, лазурный колорит — это распустились незабудки; в другое время можно встретить большие участки, покрытые душистым чабером»². Степные цветы и множество других растений переплетались между собой до такой степени, что было трудно через них пройти. С наступлением осени это море степной растительности постепенно замирало, травы сильно наклонялись, а зимой снег окончательно придавливал их к земле.

Степь манила русского земледельца пышным плодородием и обильными пастбищами, но таила в себе постоянную угрозу внезапного нападения степных кочевников, несущих гибель поселянину и расхищение продуктов его мирного труда. Вместе с тем степь сближала восточнославянское Поднепровье с средиземноморской культурой.

Общие границы Половецкой земли, занимавшие в XI—XII вв. степное пространство Северного Причерноморья, указываются летописью. В описании похода Юрия Суздальского в 1152 г. определяется «вся Половецкая земля, что же их меж и Волгою и Днепром»³. «Слово о полку Игореве» определяет Днепровские пороги как середину Половецкой земли в известном обращении: «О, Днепре словутицю! Ты пробил еси каменные торы с к в о з е з е м л ю П о л о в е ц к у ю»⁴.

О местопребывании половцев на Дунае свидетельствует описание похода 1106 г., когда русские «угонивыше половце до Дуная»⁵. В конце XII в. также упоминаются «подунайские» половцы⁶.

Из официальной китайской истории монгольских походов на Россию известно, что половцы обитали также в степях между Азовским морем и Каспием, где в 1223 г. были разбиты воеводой Чингиса Субедэ (Субутай). Упоминание летописи о том, что сын Мономаха Мстислав загнал половцев с Дона «за Волгу, за Яик», указывает на местопребывание половцев между Волгой и Яиком⁷.

Таким образом Половецкая земля в конце XI и в XII в. занимала причерноморские степи между Дунаем и Волгой; в состав ее входили также Крымские степи и берега Азовского моря⁸. Половцы кочевали также в степях Предкавказья и за Нижней Волгой до Яика. У восточных народов страна, занятая половцами, или кипчаками, известна была под названием Дешт-и-Кипчак.

Северная граница Половецкой земли соприкасалась с юго-восточным степным рубежом Киевской Руси, направление которого и надлежит поэтому определить.

Владения Галицкого княжества спускались на юг по течению реки Серета и его притоков, по Пруту и Днестру до Дуная и побережья Черного моря⁹. К такому заключению приводит ряд данных. Согласно летописи, Владимир Мономах в 1116 г. «посажа посадники по Дунаю»¹⁰. На «подунайские города» опирается (в середине XII в.) и князь Иван Ростиславич Берладник во время борьбы с князем Владимиром Галицким. В 1159 г., став в «подунайских» городах, Иван Берладник захватил две кубары со многим товаром, «пако-стяще галицким рыболовам», и отсюда вместе с половцами двинулся на князя Ярослава Галицкого к городам Кучелмин и Ушица¹¹. Еще во второй половине XII в. владения галицкого князя доходили до Дуная, и, по выражению «Слова», Ярослав Осмомысл Галицкий (1152—1187) «подпер горы Угорскыи..., затворив ворота Дунаю»¹².

В списке русских городов, составленном не позже конца XIV или начала XV в., Воскресенская летопись¹³ указывает по Дунаю города Видицов, Мдин (Медин), Тернов (по ту сторону Дуная), Дрествин (Силистрия). Расположенные в Болгарской земле, эти города, очевидно, упомянуты в связи с временным завоеванием их в X в. Святославом. В списке указываются еще города «по Дунаю»: Дицин (вероятно, он же Детцин, упомянутый Ипатьевской летописью, на пути с устья Днепра из Олешья в Берлад), Килия (развалины ее сохранились близ крепости Старой Килии, на правом берегу южного

рукава Килийского Дуная)¹⁴, на устье Дуная — Новое Село, Аколятря, на море — Карна, Каварна (нынешняя Каварна, расположенная на Черном море северо-восточнее Варны). «На сей стране Дуная», т. е. на его левом берегу, список называет города «на устье Днестра над морем Белгород, Черн, Аский Торг, на Пруте реце Романов Торг, на Молдаве Немечь»¹⁵. Белгород (Аккерман) «Аский Торг» (село Яски, выше Аккермана по Днестру), Романов Торг (Роман в Молдавии) и Немечь без особенного труда приурочиваются к современной карте. Что касается Черна, то его надо искать где-то вблизи Белгорода и «Аского Торга», между которыми он упомянут¹⁶. Перечисленные «по эту сторону Дуная» города, вероятно, летопись и называет «подунайскими».

Ниже их расположена была область Берлад, в состав которой входили Берлад (Бырлат), Текуч и Малый Галич (ныне Галац), но они, повидимому, не включались в границы Галицкой земли, на что указывают слова Андрея Боголюбского, который, изгоняя князя Давида, сказал: «а ты поди в Берлад, а не велю ти в Русской земле быти»¹⁷. Берладская земля служила приютом для недовольных пришельцев из Руси. Население ее, повидимому, уживалось в мире с половцами¹⁸. Галицким князьям (например, при Ярославе Осмомысле) иногда удавалось подчинить своей власти подунайские города, но власть эта не была здесь прочной. Устойчивую южную окраину Галицкой земли составляли города Ушица, Кучелмин, Онут, Микулин, Коломыя¹⁹.

Юго-западная угорская граница Галицкой Руси точно не установлена, но из описания борьбы галицких князей с королем угорским в середине XII в. ясно, что с этой стороны владения Галицкой Руси доходили до Карпатских гор. Только пройдя «Гору», т. е. Карпаты, король угорский мог взять русский город Санок²⁰. В 1152 г. Владимирко Галицкий, «не да дая в свою землю в ни ти» угорской рати, выступил навстречу врагам и сначала «за твердь ста», но под давлением многочисленных угров вынужден был отступить к Перемышлю²¹. Следовательно, по прямому смыслу приведенного отрывка, горные проходы через Карпаты были защищены «твердью», т. е. русскими укреплениями²².

Русские города были и в Карпатах, и за Карпатскими горами имелось исконное русское население в так называемой Закарпатской, или Угорской, Руси. Считается вероятным, что русская народность здесь составила из ветви хорватского племени, быть может, усиленной позднее улучами и тиверцами, оттесненными сюда кочевниками Причерноморья²³. Существование поселений Руси за Карпатами относят ко времени более раннему, чем появление там угров — мадьяр

(в самом конце IX в.). Самое название упомянутого населения «русским» заставляет предполагать²⁴, что Русская земля, как государство-княжество, сложилось около Киева, повидимому, задолго до конца IX в., и ранние границы первых русских княжеств заходили за Карпаты. Если согласиться с правильностью летописного сообщения (под 996 г.), что Владимир жил «с князи окольными и его миром, с Болеславом Лядьским, и со Стефаном Угрьским, и с Ондриком Чешским»²⁵, то в таком случае русские земли могли граничить с Венгрией и Чехией только за Карпатами.

Летопись называет за Карпатами целый ряд русских городов: Бардуев, Синеводьск, Бая Родна, Брашев. Из них Бардуев (ныне Бардиов) расположен в истоках реки Топли, впадающей в Ондаву. Синеводск, или Синеволодск, упоминается как находящийся в горном проходе, на пути из Галицкой земли в Угры. Вероятно, он соответствует Синеводску, расположенному на реке Стрый (приток Днестра) при впадении в него реки Опор²⁶. В Карпатах вблизи Синеводска действительно имеются два горных прохода. Тот из них, который находится у «горы» Бескид, у истоков реки Сана и реки Уг, носит в летописи название Угорских ворот (ныне Ужокский перевал)²⁷. Другой горный проход у истоков Стрия и Опора ныне именуется Верецким перевалом. Местоположение «бани» (солеварни) Родны определяется из летописного сообщения о том, как Ростислав, возвращавшийся в Галич из похода в Половецкую степь, узнав, что Галич принял к себе Даниила, бежал «во Угры путем, им же идяше на Борсуков дел и прииде к бани, рекомей Родна, и оттуда иде во Угры»²⁸. «Борсуков дел» означает раздел или хребет, следовательно, Бая Родна лежит вблизи горного Барсукова хребта, на пути из Половецкой степи к Галичу, в пределах Галицкого княжества, около угорской границы. В настоящее время известны Рудобанья (несколько южнее Бардуева, между течениями рек Шайо и Бодва, в бассейне верхней Тисы), и Старая Родна (на верховьях реки Большого Самоша). Вблизи Рудобаньи тянется горный хребет, носящий теперь название «Словацкие рудные горы». Недалеко от Старой Родны находится гора Борсукова, или Барсукеу, на границе Буковины и Семиградья²⁹, на юго-восток от верховьев Тисы, где расположен населенный пункт Borszek, иначе Borspa, или Борша. Очевидно, Бая Родна может быть отождествлена со Старой Родной³⁰.

Брашев соответствует нынешнему городу Брашову (нем. Кронштадт, в Семиградской области), лежащему несколько севернее истоков Праховы, впадающей в Яломицу (левый приток Дуная). Летопись не упоминает, включались ли

в состав Галицкого княжества города Бардуев, Синеводск, Баня Родна и Брашев, но, если принять во внимание, что они лежали среди сплошного русского населения, то принадлежность их к составу Галицкого княжества очень вероятна ³¹.

Русско-угорский рубеж на юго-западе оканчивался у истоков реки Ропы (приток Вислока, впадающего в Вислу). И здесь же начинался польско-русский рубеж. Все три народности сходились в истоках Днестра, Тисы и Сана. В этой местности на «горе Бескид» русским князем Львом Галицким (умер в 1301 г.) поставлен был пограничный камень с русской надписью, обозначавший границы Польши и Венгрии ^{31 а}.

Один из русских исследователей ³² еще в 80-х годах прошлого века путем тщательного изучения этнографической русско-угорской границы с большой убедительностью устанавливает принадлежность Спишской ³³ земли сперва к Киевской Руси, а затем, с конца XI или с начала XII в. — к Польше. Граница русской народности и государства в X и даже в XI в. согласно упомянутому исследованию, начиная от Кракова, шла до горного хребта Татр, далее по его гребню, по водоразделу между Вагом и Гроном (притоками Дуная), соприкасаясь с Венгрией по Дунаю между городом Остригоном (Gran) и Вацовом (Waitzen); затем по долинам Вацовских гор, мимо города Эгер (Erlau) до реки Шалвы (Сольной, мадьярская Шайо), до реки Тисы и далее Тиссой до впадения в нее Самоша (Сама), вверх по течению Самоша в нынешней Сатмарской области и в Семиградье, возле Самош-Уйвара, до снежных Семиградских Альп, названных в русской летописи горами Угорскими ³⁴.

На юго-западе русская граница захватывала города Коломыю, Звенигород (между Середом и Збручем, на Днестре), Онут, Ушицу, Бакоту, Калиус ³⁵ и область по верхнему течению Южного Буга с городами Прилук (на Десне, впадающей в Южный Буг), Межибожье, Бужеск ³⁶, южнее которых начиналось уже Половецкое поле.

Южная граница Киевской и Переяславской земли подвергалась наиболее частым набегам степных кочевников. Уже Олег в конце IX в. для укрепления степных рубежей русской земли «нача города ставить» ³⁷. В это время степи Северного Причерноморья были заняты печенегами, которые кочевали здесь уже в первых десятилетиях IX в., хотя появление их непосредственно у русских границ летопись отмечает только в 915 г., когда печенеги заключают мир с Игорем ³⁸. Скоро, однако, печенеги начинают тревожить Русь, «бе бо рать от печенег», замечает летопись ³⁹. Опасность со стороны степей побуждает киевского князя усилить укрепления южной границы, и в конце X в. Владимир ставит по рекам Стугне,

Десне, Остеру, Трубежу и Суле новые города, куда призывает «мужей лучших» от словен, кривичей, чуди и вятичей. По берегам Стугны и других близких к Киеву рек⁴⁰ возводятся земляные валы (известные под названием Змиевых). Таким путем в X в. для защиты Киева создается первая оборонительная линия, которую образуют города Переяславль, Василев, Белгород (нынешняя Белгородка), Родня на устье Роси⁴¹. Так как печенеги прорывались и через эти укрепления, то в начале XI в. понадобилась постройка второй оборонительной линии, и Ярослав в 1031—1032 гг. ставит новые города — по реке Роси, заселяя их пленными ляхами, и кроме того укрепляет оба берега Роси валами⁴². Какие именно города были основаны Ярославом, летопись не перечисляет, но упоминает во второй половине XI в. следующие расположенные в Поросье города: Юрьев⁴³, Растовец⁴⁴, Ятин (Неятин)⁴⁵, Святославль⁴⁶, Торческий (Торцинский) град, или Торческ. На русском юге на границе с половецкими кочевьями, в XII в. отступившими под натиском русских к Днепровским порогам и на Ингул, протянулась укрепленная линия из порубежных городков, как, например: Куниль⁴⁷, Чюрнаев⁴⁸, — вблизи реки Выси, Кульдеюрев⁴⁹ и другие, следы которых сохранились в виде остатков укреплений и городищ, расположенных от водораздела между Тясмином и Высью до Южного Буга. Обращает на себя внимание и Змиев вал, который, начинаясь у Екатеринополя (Кальниболота), идет в юго-западном направлении вдоль Гнилого Тикича, мимо д. Латышевой (Звенигородского уезда), Свердликова, Нерубайки, Подвысокого, Наливайки (Уманского уезда) к Южному Бугу, заканчиваясь у реки Кодымы⁵⁰, впадающей в Южный Буг. Южная граница Киевской земли в XII в. шла от верхнего течения Южного Буга и, захватывая Поросье, далее доходила до устья Тясмина.

Для защиты южных степных рубежей наряду с киевской стороной Днепра, о чем уже упомянуто, Владимир ставил города и на переяславской стороне Днепра. Переяславль, стоявший на Трубеже при устье Альты, один из наиболее ранних русских городов; он упоминается уже под 907 г.⁵¹. В конце XI и в XII в. упоминаются города на Удае — Прилук, Перволока, Песочен⁵², Пирятин; а на Суле — Ромен⁵³, Воин⁵⁴, Горошин⁵⁵, Кснятин, Лубен, Лукомль⁵⁶, Римов⁵⁷ и др.

Сула с ее городами являлась крайней военно-оборонительной линией на левом берегу Днепра, но русские поселения выдвигались и далее на юг, по Хоролу, Пслу, Ворскле. Наиболее крайние южные поселения в XII в. — это Лтава (Полтава) на Ворскле⁵⁸ и город Донец на реке Уды⁵⁹, впадающей в Северский Донец.

РУССКИЕ ПОХОДНЫЕ ПУТИ В ПОЛОВЕЦКУЮ ЗЕМЛЮ XII В.

- ← Русские походные пути
- Центры половецких коцелей в XII веке
- Южная русская граница около середины XII века
- ▨ Район „черных клобуков“

100 0 100 200 км



Русское население переходило и за Ворсклу, почему половцы и приходили сюда «ловить языки»; здесь встретил их Игорь Святославич, когда (в 1174 г.) «выехал «в поле за Ворсклою». Следовательно, только за Ворсклой начиналась Половецкая степь⁶⁰. Принимая во внимание, что Игорь, отправляясь в поход (1184 г.), чтобы «ударить» половцев «на вежах» их, встретил этих степняков «за Мерлом»⁶¹ (приток Ворсклы), следует считать, что русско-половецкий рубеж на юго-востоке пролегал за рекою Мерлом, верховья которого близко подходили к городу Донцу, являвшемуся крайним оборонительным пунктом, выдвинутым на границу со степью.

Отсюда русская граница шла в северо-восточном направлении к Чернигово-Северской земле по водоразделу между Северским Донцом и сближающимися верховьями Сулы, Псла, Ворсклы. Крайними городами, пограничными с «полем», здесь были Вырь, Попаш, Выхань⁶². Крайнее положение Выря становится ясным из указания, что князь Глеб Юрьевич поставил посадников своих «по Посемью за полем и у Выря», у которого «половци мнози ту заходиша роте»⁶³. С этим согласуется и заявление Изяслава (1161 г.) братьям: «в половцы не могу ити, а у Выри не могу голодом мерети»⁶⁴.

Юго-восточный рубеж Чернигово-Северской земли в XII в. включал вместе с городом Курском и все верхнее Посемье (достигшее, быть может, на востоке водораздела между верховьями Северского Донца и Оскола)⁶⁵, затем города Мценск, Новосиль, Дедославль, Корьдна⁶⁶ в бассейне верхней Оки, а также Елец на реке Сосне⁶⁷.

Юго-восточная граница Рязанской земли в середине XII в. шла через верховья Дона и Воронежа к месту слияния Цны с Mokшей до города Кадома включительно. Со стороны степей она защищалась укреплениями по реке Проне, где стоял город Пронск, недалеко от границы с Половецкой землей, как это ясно из летописного описания борьбы Всеволода Суздальского с рязанцами, когда он, подойдя к Пронску, «ста за рекою с поля Половецкого»⁶⁸. Из упоминания летописи (1148 г.) о рязанских городах Червленого Яра и на Великой Вороне, а также из указания, что Ярополк Ростиславич (1177 г.) «отбежа... в Воронеж и тамо прехоужаше от града во град», следует заключить, что в XII в. существовали рязанские города не только в районе Воронежа, но и в Червленом Яру и в бассейне верхней Вороны⁶⁹.

Намеченная нами юго-западная и юго-восточная русская граница определяет собой западные пределы Половецкой земли. Что касается восточной половецкой границы, то она менее ясна. Принимая во внимание скудные летописные намеки на нее в сопоставлении с историко-географическими сведения-

ми о территории камских болгар, можно полагать, что от слияния Мокши с Цною восточная половецкая граница шла, соприкасаясь с южными рубежами ханства камских болгар, по водоразделу между Сурой и Хопром и далее, примерно по Большому Иргизу и его притоку Б. Камелик, подходила к нынешнему Уральску, спускаясь затем по течению Яика на юг до Хвалисского моря (Каспия).

* *

*

Выяснение границ Половецкой земли облегчает нам возможность определить главные центры половецких кочевий, как они открываются взору исследователя при изучении путей, по которым русские войска совершали движение в Половецкую степь. Одно из этих направлений вело по правой стороне Днепра. Когда в 1173 г. половцы, пришедшие на «киевскую сторону», взяли много сел за Киевом и, захватив множество скота и полона, двинулись обратно в степь, русские князья, «вборзе» преследуя половцев, «изгониша я за рекою Бугом»⁷⁰. В походе 1190 г. русские ходили «до Протолчы и ту заяша стада много половецкая в Лузе в Днепреском», а также «и вежа, которе бехуть остались в Лузе», после чего повернули в Русь. Тогда половецкие войска, стоявшие за Днепром, перебрались через него и погнались за русскими, которых настигли «на Ивле, во третий день от Днепра»⁷¹. Во время похода 1193 г. Ростислав Рюрикович вместе с Мстиславом поймали сторожей половецких «на Ивле, на реце на Половецкой», и узнали от них, что на расстоянии дневного перехода далее «лежат вежа и стада по сей стороне Днепра», т. е. на его киевской стороне⁷². Чтобы точнее представить район половецких веж в двух последних походах, необходимо установить местонахождение Протолчи и Ивли, относительно чего мнения исследователей расходятся. Отождествлять Протолчы и «Проточи», как это предлагается одним из исследователей истории Украины⁷³, невозможно, потому что, несмотря на бесспорное звуковое созвучие в этих наименованиях, упомянутое отождествление стоит в явном противоречии с источниками. «Проточи» представляют два болотистых протока, или рукава, которые соединяют нижнее течение Орели с Днепром, параллельно которому они текут. Следовательно, «Проточи» лежат выше порогов и даже выше Днепровской луки. Между тем, летопись под 1103 г. прямо свидетельствует, что русские на конях и в ладьях «приидоша ни же порог и стаха в Протолчех и в Хортичим острове»⁷⁴. Из летописного указания «ехаша... до Протолчы, и ту заяша стада... в Лузе в Днепреском»⁷⁵ — ясно, что Про-

толчи находились в Днепровской луке, южная часть которой (от острова Хортицы) примыкала к известному Великому Лугу. Наконец, при описании битвы на Калке летопись совершенно точно определяет: «сташа у реки Хортице на броду у Протолчи»⁷⁶. Приведенные летописные известия согласно утверждают, что Протолчи помещались ниже порогов, но выше острова Хортицы, на том самом броду, который с незапамятных времен служил известным местом переправы через Днепр.

Далее, если половцы (по описанию похода 1190 г.) настигли отступавших от Протолчей русских на реке Ивле «во третий день от Днепра», (т. е. от брода через него), то отождествление Ивли с Бузувлук⁷⁷ нужно отвергнуть, так как до Бузувлук⁷⁷ от Протолчей около 85 км, а половецкая конница, считая дневной переход в 50—60 км, могла пройти за это время около 150—180 км, и, значит, ближе стоят к действительности те исследователи, которые принимают за Ивлю реку Ингулец⁷⁸, так как до Ингульца расстояние от Протолчей составляет около 160 км, что и соответствует трем дневным переходам конницы. Если в летописном названии Ивли можно предположить турецкое *iblag* (что означает уведомление, оповещение), то оно вполне подходит для характеристики этой половецкой сторожевой реки.

Итак, один из центров половецких веж находился на юго-востоке от Ивли, в районе Днепровской луки. Однако русские по правой стороне Днепра ходили и далее на юг. В 1106 г. они «угонивше половце до Дуная, полон отъяша, а половце иссекоша»⁷⁹. Из похвалы летописца князю Михалко, который в бою с половцами показал столь же большое мужество, «яко же прежде в лице море», — ясно, что русские бились с половцами и в Черноморской луке, между Днепром и Дунаем⁸⁰. Кочующих здесь в прилежащих степях половцев летопись называет «Лукоморскими»⁸¹.

Главные половецкие силы располагались на восток от Днепра, куда русские князья предпринимали наиболее частые походы, которые имели два направления. Одно из них шло по переяславской стороне Днепра. В 1095 г. Святополк и Владимир, выступив на половцев, взяли у них «вежи, и полоуниша скоты, и кони, и верблюды, и челядь»⁸². Эти вежи находились, видимо, за Сулой, как можно заключить из слов «Поучения» Мономаха: «И по Святополце на Суле бившеся с половци до вечера... и потом мир створихом с Тугорканом»⁸³.

Так как Тугоркан погиб в 1096 г., то значит, заключение мира с ним и относилось, вероятно, к походу Мономаха в 1095 г. на Сулу.

В начале XII в. (1107, 1110 гг.) русские ходили против половцев не только за Сулу, но, «гнаша» их за Хорол и Голтву «и вежи и их взяхом, шедше, за Голтавом», иначе говоря, захватывали половецкие становища за рекою Пслом⁸⁴.

С возведением русской оборонительной линии по Суле в середине XII в., половцы отодвинули свои вежи на юг, в район между рекой Орелью (Угла) и Самарой (Снопород), куда русские князья и направляют теперь свои удары. В 1152 г. Мстислав Изяславич победил половцев «на Угле и на Самаре... вежи их пойма, коне их и скоты их зая и множество душ крестьянних отполони»⁸⁵. В 1170 г. многие русские князья, соединив свои силы, выступили на половцев, «и взяша веже их на Угле рече, а другие по Снопороду, а самех постигоша в Черного леса. Бастии же и инии мнозе гониша по них и за Ъскол»⁸⁶.

В 1183 г. русские спустились вниз по Днепру и, перейдя через Инжирь-брод «на ратную сторону Днепра», пять дней искали половцев и, наконец, разбили их вблизи «места, нарицаемого Ерель, его же Русь зовет Угол», иными словами, русские разбили половцев опять на Орели, причем захватили самого Кобыка со многими половецкими князьями. Инжирь-брод надо искать на реке Орели недалеко от ее устья, как это можно судить по смыслу текста Лаврентьевской летописи: русские князья пошли «вкупе вси и, перешедше Угол реку, пять дней искаша» половцев. В данном случае в понимании летописца «ратная сторона» Днепра лежит за Орелью. Инжирь-брод, вероятно, «хынзыр» брод, что по-турецки означает свиной или кабаньим брод (очевидно мелководный)⁸⁷.

В 1187 г. русские снова дошли «до Снепорода и ту изымаша сторожи половецкие», причем проводили, что «вежа и стада половецкая» стоят у «Голубого леса»⁸⁸.

Настойчивое устремление русских войск в район Орели и Самары объясняется тем, что в этом районе находился один из главных центров половецких кочевий⁸⁹.

В 1103 г. русские князья «умыслиша дерзнути» на поход в глубь самой Половецкой земли, спустились по Днепру за пороги и достигли Сутени-Молочной, где захватили вежи, одержав «победу велику», причем пало до 20 половецких князей⁹⁰; следовательно, и на Сутени кочевали значительные половецкие силы. Молочная с ее прекрасными пастбищами и в более позднее время служила излюбленным местом для кочевников. «Книга Большого Чертежа» характеризует Молочную, как район, «где кочуют ногаи»⁹¹. О том же говорит и надпись на карте причерноморских степей 1737 г. (Teatrum belli, 1737), поставленная между Северским Донцом и Дне-

провскими порогами: «Territorium a Nogaicis Tattaris... habitatum»⁹².

По своему географическому положению Черниговское и Северское княжества примыкали к верховьям Северского Донца и Сейма, откуда пути в Половецкую степь выводили в район Северского Донца и в бассейн Ворсклы. В смелых и дальних походах 1111 и 1116 гг. при участии Владимира Мономаха русские разгромили в глубине Половецкой земли города Шарукань, Сугров и Балин, лежавшие в районе между Северским Донцом и Тором⁹³. К тому же району Донца, видимо, относится и поход 1109 г., когда «у Д о н а» Дмитр Ивович «тысячу веж взя»⁹⁴.

В 1120 г. «Ярополк ходи на половцев за Д о н», следовательно, опять за Донец. Известный поход Игоря Святославича 1185 г. был совершен также за Донец к нижнему Тору. Здесь, по признанию самого Игоря, он «собрахом» на себя «всю землю» Половецкую⁹⁵, Кончака, Кзу Бурновича и других, — иными словами, оказался среди многочисленных половецких сил. На поле битвы Кончак «поручися по свата Игоря», который после того и жил в плену на берегах Тора, т. е. среди половецких становищ, за Северским Донцом. Так как в последующем затем набеге на Русь Кончак напал на Переяславль, а Кза шел восточнее, на Посемье, то, вероятно, вежи Кзы стояли также восточнее веж Кончака. В таком случае поход 1168 г., когда «взял Олег вежи Козины..., а Ярослав Беглюковы вежи взя»⁹⁶, хотя он не связан летописью с определенной географической местностью, может быть, по упоминанию в нем о «вежах Козиных», отнесен также к району Донца. В 1191 г. черниговские и северские князья ходили на половцев «до Оскола»⁹⁷.

В географическом отношении неясным остается движение Игоря Святославича, когда он (в феврале 1183 г.) ходил «к реце Хырии (Хирии, Хории)»⁹⁸. Однако, если сопоставить с этим поход Игоря тем же летом «за Мерл»⁹⁹, где он встретил половцев, то Хырия по созвучию в наименованиях может быть с вероятностью отождествлена с Хухрей, впадающей в Ворсклу несколько выше Мерла и расположенной в непосредственной близости от той дороги, которая была обычной для северских князей при походах в степь.

Изучение походов чернигово-северских князей в Половецкую степь заставляет признать существование крупного половецкого центра между Северским Донцом и Тором.

Борьба с половцами велась и на крайнем восточном фланге Русской земли как суздальскими, так и рязанскими князьями, к владениям которых с юга примыкало Половецкое поле, но летописные сведения об этой борьбе крайне скудны.

В 1160 г. князь Изяслав, сын Андрея Боголюбского, вместе с рязанскими, муромскими и другими князьями совершил поход на половцев «в поле за Дон далече». В злой сече одолев половцев, русские погнались за ними и на Ржавцах одержали новую победу, хотя и понесли при этом тяжелые потери¹⁰⁰.

В 1199 г. Всеволод III двинулся на половецкие «зимовища... возле Дона». Узнав об этом, половцы «бежаша и с вежами к морю»¹⁰¹, из чего можно думать, что Всеволод углубился довольно далеко на юг. В 1205 г. «ходиша князи Рязаньския на половци и взяша веже их»¹⁰², повидимому также на Дону.

Итак, изучение историко-географических сведений о Половецкой земле позволяет установить местонахождение нескольких центров половецких кочевий.

В степях, примыкавших к Черноморской луке между Дунаем и Днепром, кочевали «лукоморские»¹⁰³ или «подунайские»¹⁰⁴ половцы. У Днепровской луки, по обе стороны порогов, были становища половцев приднепровских, или запорожских.

Крупный половецкий центр находился в бассейне реки Молочной, входя, очевидно, в состав половцев приморских, кочевавших от Днепра до Нижнего Дона по берегам Азовского моря¹⁰⁵. Между Орелью и Самарой, ближе к их устьям, лежали вежи половцев, которых по их местоположению относительно Киева можно назвать заорельскими. Между Северским Донцом и Тором, где находились города Шарукань, Сугров и Балин, размещались половцы донецкие. В бассейне Дона кочевали половцы донские. Наконец известны также половцы, обитавшие в степях Предкавказья¹⁰⁶.

* * *

*

Отдельные группы кочевников по разным причинам покидали Половецкую степь. Таких выходцев русские князья охотно селили в пределах Руси (с обязательством нести сторожевую военную службу по обороне Киевского государства) и называли их «своими погаными» в отличие от незамиранных, «диких» кочевников. Замиранные печенеги, торки, берендеи, коуи, турпеи, половцы — все они на Руси известны были под общим названием, «черных клобуков», которые в течение XI—XII вв. постепенно были расселены в Поросье, Верхнем Побужье, по притокам Тясмина и Синюхи, а также и на левой стороне Днепра¹⁰⁷.

С конца XI в. упоминаются поселения торков и берендеев в Поросье, а в начале XII в. около Заруба¹⁰⁸, вблизи брода

через Днепр. В Поросье у «черных клобуков» были и укрепленные города — Юрьев, Торческ и др. Юрьев находился на Руси, при впадении в нее Рута, по которому расположены были вежи «черных клобуков»¹⁰⁹. Местоположение Торческа приходится определять на основании косвенных упоминаний о нем летописи. Проследившая направление, по которому Владимир Мономах гонится за половцами сначала на Торческ, затем на Юрьев и, наконец, разбивает врагов на реке Красной, следует заключить что Торческ находится южнее Юрьева¹¹⁰. Когда половцы в 1093 г. осадили Торческий град, то русские князья, выступив против них из Киева, сначала перешли Стугну, затем миновали Треполь и прошли вал, но, будучи разбиты половцами, отступили за Стугну и к Треполю. Половцы же, видя это, «узвратишася к Торческому»¹¹¹, и, значит, по ходу описания, Торческ лежит южнее Стугны и Треполя.

В 1161 г. пришедшие с Кондудыем половцы взяли город Чюрнаев (в юго-западном углу Киевской земли), после чего «легоша по Висем», т. е. по берегам Выси (приток Ю. Буга), затем поехали к Боровому, но, прослышав здесь о том, что Ростислав находится в Торческе, поспешили вернуться к своим «ватагам», откуда начали совершать набеги на Поросье¹¹². По смыслу последнего рассказа, Торческ расположен севернее Чюрнаева, Выси и Борового.

В указанном районе имеются населенные пункты Черна-Каменка (на Горском Тикиче) и Чернянка (на Гнилом Тикиче), лежащие на север от реки Выси с ее притоком М. Высью. Быть может, с одним из этих населенных пунктов и следует отождествить город Чюрнаев, тем более, что вблизи от них имеется и селение Боровки (Боровое?)¹¹³.

Приняв все это во внимание, можно с достаточным основанием отождествить Торчицу, расположенную на реке Торч, с городом Торческом, который в этом случае окажется действительно южнее Юрьева и севернее Черна-Каменки и Чернянки, т. е. в полном соответствии с приведенными нами летописными указаниями о Торческе.

Из «черных клобуков» на левой стороне Днепра в 1080 г. упоминаются торки «п е р е я с л а в с т и и», жившие около Переяславля, а под 1095 г. рассказывается о «засаковцах», которых вместе с «юрьевцами» Святополк перевел в новый город «Святополчъ», построенный на Витичевом холме. Местоположение Сакова определяется из описания событий 1150 г. Когда Мстислав Изяславич прибыл в Канев, чтобы «оттоле Переяславля добыти», то призвал с «оной стороны» Днепра турпеев и дружину к себе в Канев. Тогда его соперник Ростислав оставил своего брата Андрея в Переяславле, а сам «гна к Сакову и сгони турпеи у Днепра» и привел их

к Переяславлю¹¹⁴. По смыслу приведенного текста, Саков находился, следовательно, на левой стороне Днепра, не в дальнем расстоянии от Переяславля, и может быть отождествлен с нынешним Салковым, лежащим между Киевом и Переяславлем, почти на равном расстоянии от них обоих¹¹⁵. Жившие за Саковым турпеи, упомянутые в описании событий 1150 г., вероятно, и названы летописью «засаковцами».

По известиям XII в.¹¹⁶, на левой стороне Днепра торки сидели также в окрестностях города Баруча и Бронь-княжа, соответствующих, вероятно, нынешней Баришевке на Трубеже и Бранице на реке Бранице, впадающей в тот же Трубеж¹¹⁷.

Обобщая историко-географические данные, можно наметить следующие основные направления русских походных путей в Половецкую степь. По киевской стороне Днепра путь пролегал от Киева за Рось, по водоразделу между Гнилым Тикичем и Тясмином (совпадая на этом отрезке с Черным шляхом XVII в.¹¹⁸), далее шел через верховья Ингульца и Саксагани к Днепровской луке, к Хортичному острову, и через Протолчьи на Сутень. Вариант этого пути сворачивал на юго-запад через верховья Ингула и (совпадая с Черным шляхом и с путем, указанным на карте «Teatrum belli», 1737)¹¹⁹, переходил за Южный Буг и далее, пересекая в нижнем течении Чичаклюю, вниз по Бугу выводил к Черноморской луке. По переяславской стороне Днепра путь шел через Переяславль, вдоль Днепра, пересекая в нижнем течении Сулу, Псел, Ворсклу и Орель. Он получил название «злодейского шляха», которым в XVI—XVII вв. нередко пользовались и татары ввиду его доступности для передвижения войск¹²⁰. Напротив, среднее течение перечисленных рек было почти недоступным по обилию притоков, непроходимых болот и густых лесов. В этом отношении большие трудности создавала Ворскла, по обоим берегам которой к северу от Полтавы тянулись дремучие леса. Ниже Полтавы, до устья болотистой и лесистой речки Тагамлык, Ворскла была также мало проходима, и только южнее Тагамлыка начиналась ровная степная местность¹²¹.

Из Северского Посемья путь шел по водоразделу между Донцом и Ворсклой (Муравским шляхом XVII в.)¹²² к речке Мерлу и Можу с Адалагом в район Северского Донца и Нижнего Оскола; или же по водоразделу между Донцом и Осколом (Изюмской сакмой)¹²³ выводил к Изюмскому перевозу в бассейн Северского Донца и Тора.

Для походов суздальских и рязанских князей «на Дон» открывались пути по водоразделу между Осколом и Доном (где пролежала в XVII в. Калмиусская сакма)¹²⁴ к нижнему течению Северского Донца; или же по водоразделу между

Доном и Хопром (где проходила в XVII в. Ногайская дорога) ¹²⁵ к Нижнему Дону.

На перечисленных путях и связанных с ними речных переправах чаще всего и происходили многочисленные столкновения русских с кочевниками Причерноморья. На протяжении XI—XII вв. эта борьба велась непрерывно и становилась иногда весьма напряженной. Едва Киевская Русь успевала одолеть одних врагов, как на смену им появлялись новые. В 1036 г. Ярослав нанес решительный удар печенегам. В злой сече, продолжавшейся до вечера, Ярослав «одва одоле» своих врагов. Разгромленные печенеги «побегоша разно, и не ведяхуся камо бежати: ови бежаще тоняху в Сетомли, ине же в инех реках; а прок их пробегоша и до сего дне» ¹²⁶.

Бежавших печенегов сменили в степях торки, которые явились новой угрозой для Руси. В 1060 г. соединенные силы русских князей «поидоша на коних и в лодях, бесчисленно множество, на торкы. Се слышавше», торки бежали «и помроша бегаючи, божьим гневом гоними, ови от зимы, друзие же гладом, ини же мором и судом божьим. Тако бог избави хрестьяны от поганных» ¹²⁷. Часть печенегов и торков, однако, уцелела в степях до прихода половцев, господству которых должна была подчиниться.

Половцы ¹²⁸ оказались для Киевской Руси более опасными врагами, чем печенеги и торки. Во второй половине XI в. борьба с ними протекает малоудачно для русских, но с конца XI в. и особенно в начале XII в. русские достигают заметных успехов. Летописец с сочувствием отмечает деятельность Владимира Мономаха, который в годы 1103, 1109, 1111, 1116 в победоносных походах, быстро следующих один за другим, нанес сильные удары по центрам половецких кочевий, проник в глубь Половецкой земли и, по образному выражению летописи, «пил золотым шоломом Дон». Его успешные походы заставили часть половцев откочевать на Северный Кавказ. Около сорока тысяч половцев выселилось в Грузию, где образовало постоянное войско грузинского царя Давида Строителя.

Летопись сохранила интересное сообщение о том, что уstraшенный Мономахом половецкий князь Отрок бежал на Кавказ «в Обезы за Железные врата». Его брат Сыръчан удержался в донской степи и после смерти Мономаха послал своего «гудьця» (гусляра) в Обезы сказать Отроку: «Владимир умер, воротися, брате, в землю свою». Посылаемому вестнику Сыръчан дал при этом такое наставление: «Молви ему мои слова, спой ему песни половецкие; если же не захочет вернуться, тогда дай ему понюхать степной евшан». Отрок сначала отказался возвращаться и не хотел слушать песен «гудьця», но когда понюхал «евшан», прослезился и сказал:

«Лучше лечь костью да на родной земле, нежели на чужой жить в славе»¹²⁹, — и вернулся в родную степь. В этом поэтическом описании летопись подтверждает большое значение успехов Мономаха в борьбе с половцами. Повидимому, в связи с его походами, в степях против господства половцев произошло (в 1116 г.) восстание оставшихся там еще торков и печенегов, которые «секошася два дни и две нощи, и придоша в Русь к Володимеру»¹³⁰, — очевидно, для мирного поселения в русских пределах. Однако эти степные выходцы оказывались не всегда надежными союзниками; вероятно, по этой причине в 1121 г. Владимир «прогна берендичи из Руси, а торци и печенези сами бежаша»¹³¹. Сын Мономаха Мстислав (1126—1133) по примеру отца успешно продолжал борьбу с половцами. Преувеличивая его подвиги, летопись говорит, что он загнал половцев «за Дон и за Волгу, за Яик»¹³².

В середине XII в. отношения русских князей с половцами осложняются новым явлением. В свою междоусобную, феодальную борьбу русские князья часто вовлекают и половцев в качестве союзников одной из борющихся сторон. Феодальные раздоры русских князей истощали боеспособность Русской земли, тем самым облегчая половцам возможность выступать самостоятельно против Руси и безнаказанно разорять ее южные княжества.

«Уведавши», что русские князья «не в любви живут»¹³³, половцы становятся более дерзкими в своих набегах и начинают «пакостить» в Днепровских порогах, препятствуя движению в Русь гречникам и залозникам. Для охраны идущих в Киев с юга купцов русские князья вынуждены были выдвигать к Каневу специальные отряды¹³⁴, и в 1170 г. открыто должны были признать, что половцы отнимают у Руси и Греческий, и Солоный, и Залозный пути¹³⁵.

К концу XII в. борьба русских с половцами снова принимает напряженный характер. Русские князья совершают несколько удачных походов против половцев, но не имеют прежних сил для нанесения им решительных ударов, подобных тем, какие умел наносить Мономах. Феодальная раздробленность понижала обороноспособность Русской земли. В этих условиях перед лицом опасности со стороны внешнего врага и в летописи, и в «Слове о полку Игореве» с большой силой раздается призыв к единению во имя защиты родины.

Примечания

1. Докучаев В. В. Наши степи прежде и теперь, М.—Л., 1936, стр. 68—69.

2. Там же.

3. Ипат. лет., стр. 314 (разрядка здесь и дальше моя.—К.).

4. «Слово», стр. 28.
5. Ипат. лет., стр. 186.
6. Ипат. лет., стр. 451.
7. Иванов А. Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши, см. «Зап. военной археол.», т. III, стр. 19; Ипат. лет., стр. 218.
8. Беляев И. Л. Географические сведения в древней России, стр.
- 10, 78; Середонин С. М., стр. 171; Ляско-ронский, стр. 67, 72—75.
9. Барсов, стр. 111—116.
10. Ипат. лет., стр. 204.
11. Ипат. лет., стр. 226, 341.
12. «Слово», стр. 22.
13. ПСРЛ, VII, стр. 240.
14. Барсов, стр. 114—115; Середонин, стр. 183—186.
15. ПСРЛ, VII, стр. 240.
16. Очаков, иначе называемый Черным городом, здесь принимать во внимание нельзя, ввиду дальности расстояния от него до Аккермана. Предполагают, что на месте Очакова в древности стояла греческая крепость Алектор. Менгли-Гирей в 1492 г. в этой местности основал укрепление Кара-Кермен, т. е. Черный город (см. «Россия», т. XIV, стр. 657). Быть может, греческому названию «Алектор» соответствует Аколаэрия в списке городов?
17. Ипат. лет., стр. 390.
18. Середонин, стр. 185.
19. Там же, стр. 186.
20. Ипат. лет., стр. 282.
21. Ипат. лет., стр. 309.
22. На это указал еще Барсов, стр. 111, 270, 271.
23. Барсов, стр. 110; Середонин, стр. 186.
24. Середонин, стр. 186, 187.
25. Ипат. лет., стр. 87.
26. Синеводск и Бардуев упоминаются летописью в рассказе о вторжении Батия в Венгрию в 1240 г. Возвращаясь из Венгрии, Даниил Галицкий приехал в «Синеводьсково монастырь», но утром при виде множества бежавших угров, разбитых татарами на реке Солюной, Даниил вынужден был вернуться в Угры, будучи не в состоянии «пройти до Русское земли» вследствие малочисленности своей дружины; поэтому, оставив сына своего «во Угрех», Даниил иным путем «иде изо Угор в Ляхы на Бардуев, и приде во Судомирь». По смыслу рассказа Бардуев, лежит западнее Синеводска. Ипат. лет., стр. 523. Барсов, стр. 117.
27. Даниил в 1231 г. гнался за своими врагами от Перемышля «до Санока, ворот Угорьских». Ипат. лет., стр. 509.
28. Ипат. лет., стр. 518; Барсов, стр. 283.
29. Барсов, стр. 282, со ссылкой на словарь Я. Ф. Головацкого, стр. 28.
30. Барсов, стр. 111; Середонин, стр. 189.
31. Барсов допускает такую возможность, Середонин же полагает, что Галицкая граница с Угрийей проходила по Карпатским горам. Барсов, стр. 111; Середонин, стр. 189.
- 31-а. Это место указывается Длугошем (*Historiae Polonicae* edit. Lips 1740). „Bieszczad, mons prope castrum lobiense tirovros Poloniubus a Pannoniis distermians. In illius enim vertice situatus est lapis Ruthenicus inscriptus litteris, et a Leone quandam duce Russiae locatus limites Regnorum Poloniae et Hungariae demonstrans“.
- Местоположение «горы Бескид» Длугош определяет указанием, что с этих гор берет начало Днестр, Сан, Старый и Тиса. Середонин, стр. 189.

32. Добрянский А. И. О западных границах Подкарпатской Руси, ЖМНП 1880, т. 208, стр. 134.

33. Спийш-комитет с 1853 года в Кошицком округе с главным городом Левоча. Самое дальнее на западной стороне русское поселение — Остурна, которое находится под Лемницким верхом в Татрах. Летопись упоминает «зъпийш» под 1211 годом, где состоялась встреча Андрея Угорского и Лешка Польского. Ипат. лет., стр. 489; Барсов, стр. 284.

34. Согласно исследованию Добрянского, русское население в Галичине начинается вблизи Кракова, от самого Дунайца под Татрами, где находятся следующие русские селения: Шляхтова, Яворки, Черная Вода, Белая Вода, Зубрин, Верхомля Великая, Верхомля Малая, Росток Малая, Золотное, Чачов, Матеева, Котов, Богуша, Королевка, Русская, Вингарова, Флоринка, Ласков, Лоси, Белянка, Мушина Малая и Великая, Боднарка, Теклин, Клопотница, Пильгрымка, Марковка, Березова, Скальчик, Куты, Ивля, Хирова, Торстяна, Завадна, Балудянка, Вольна, Лядин, Вроблик, Беска и др. Добрянский, прим. 190, см. также стр. 138.

35. Ипат. лет., стр. 481, 484, 525—527, 491, 341; Барсов, стр. 117—120.

36. ПСРЛ, 1, стр. 312; Ипат. лет., стр. 234, 243, 257; Киевский город Прилук (известный в половине XII в.) находился на месте нынешнего Старого Прилука на реке Десне, впадающей в Южный Буг в его верхнем течении, Барсов, стр. 139.

37. Ипат. лет., стр. 13.

38. ПСРЛ, 1, стр. 42; Ипат. лет., стр. 26.

39. ПСРЛ, 1, стр. 43, 65, 121; Ипат. лет., стр. 26, 42, 83.

40. ПСРЛ, 1, стр. 121; Ипат. лет., стр. 83.

41. Барсов, стр. 135, 137.

42. Середонин, стр. 167.

43. Ипат. лет., стр. 159; Барсов, стр. 138.

44. Ипат. лет., стр. 122, 367, 408—409. Положение его определяется рекой Растовицей.

45. Ипат. лет., стр. 122. Ятин приурочивают в сел. Ягнятину в верховьях реки Растовицы, Барсов, стр. 138.

46. ПСРЛ, 1, стр. 249; Ипат. лет., стр. 286. Местонахождение Святославля неясно.

47. Ипат. лет., стр. 276. Куниль — ныне местечко Конелы на Горском Тикиче, Липовецкого уезда; Барсов, стр. 139.

48. Ипат. лет., стр. 450.

49. Ипат. лет., стр. 452.

50. Барсов, стр. 139, 298—299.

51. Ипат. лет., стр. 18.

52. Прилук, Переволок и Песочен упоминаются рядом, под 1092 годом: «и рать велика бяше от половець и отвсюду взяше три грады Песочен, Переволоку, Прилук». ПСРЛ, 1, стр. 215. Прилук (ныне Прилуки) и Переволока (ныне Переволочное) оба находятся на Удае. Песочну может соответствовать с. Пески, расположенное на Удае в 30 км выше его устья, или же сс. Пески и Песочки на Суле, в окрестностях которых имеется городище. Барсов, 308.

53. Ромен (ныне Ромны) упоминается в «Поучении» Мономаха, ПСРЛ, 1, стр. 250.

54. Местоположение Воина указывают различно: Войницы при впадении Броварки в Трубеж, или же Воинское вблизи устья Сулы; последнее вернее, как это указал Ляскоронский. Ипат. лет., стр. 114, 143; Барсов, стр. 161; Ляскоронский, стр. 22; Середонин, стр. 176.

55. В 1086 г. был взят половцами, о чем рассказано в «Поучении» Мономаха, ПСРЛ, 1, стр. 248. Барсов, стр. 163.
56. Лубен упоминается под 1107 годом, Княгинин — под 1148 годом, «городище Лукомль» — под 1179 годом. Ипат. лет., стр. 186, 260, 415.
57. Римов стоял на Суле. Ипат. лет., стр. 436; «Слово», стр. 20: см. наш очерк «О походе Игоря».
58. Упоминается под 1174 годом. Ипат. лет., стр. 387.
59. Ипат. лет., стр. 438.
60. Ипат. лет., стр. 387; Середонин, стр. 177.
61. Ипат. лет., стр. 427.
62. Ипат. лет., стр. 251. Вурь находился там, где построен г. Белополье — на Старом Вирском городище; Попаш — на речке Попадье, впадающей в Сулу в 4 км выше Недригайлова; Выхань был расположен на месте нынешнего Терновского городища, на реке Терне, впадающей в Сулу, Филарет. Ист.-стат. описание Харьк. епархии, III, стр. 408—413, 577, 592—593; Дворц. разряды, II, стр. 885—908; Аристов, стр. 14—15.
63. Ипат. лет., стр. 251.
64. Ипат., лет., стр. 354.
65. Барсов, стр. 169—170.
66. Дедославль обыкновенно приурочивают к нынешнему Дедилову. Корына, вероятно нынешняя Карнады (на Зуше, северо-восточнее Новосиля). Барсов, стр. 157.
67. При разделе волостей между сыновьями Михаила Всеволодовича Черниговского в половине XIII в. Елец упомянут в составе Северского княжества. Иловайский, Истор. Ряз. кн., 110, прим. стр. 108.
68. В 1207 г. ПСРЛ, 1, стр. 432.
69. ПСРЛ, IX, стр. 177. Тр. МПК, XIV, Археол. съезд, 1, М., 1906, стр. 11; Барсов, стр. 170, 171; Замысловский, Объяснения к учебн. атл. по русск. ист., 1887, стр. 46.
70. Ипат. лет., стр. 384, ПСРЛ, 1, стр. 363.
71. Ипат. лет., стр. 451.
72. Ипат. лет., стр. 455.
73. Так думает Ляскоронский, стр. 66, 70; Середонин, стр. 172.
74. Ипат. лет., стр. 183.
75. Ипат. лет., стр. 451.
76. Ипат. лет., стр. 496.
77. Такого мнения придерживался Арцыбашев.
78. Барсов, стр. 299; Ляскоронский, стр. 66; Середонин, стр. 180.
79. Ипат. лет., стр. 186.
80. Ипат. лет., стр. 381.
81. Ипат. лет., стр. 454.
82. Ипат. лет., стр. 159.
83. ПСРЛ, 1, стр. 249.
84. ПСРЛ, 1, стр. 249, 250, 281, 282, 284; Ипат. лет., стр. 186—188.
85. ПСРЛ, 1, стр. 339; Ипат. лет., стр. 317.
86. Ипат. лет., стр. 369.
87. ПСРЛ, 1, стр. 395; Ипат. лет., стр. 420.
88. Ипат. лет., стр. 440.
89. На это уже обращалось внимание исследователей, см. Ляскоронский, стр. 64; Середонин, стр. 172.
90. ПСРЛ, 1, стр. 276—278; Ипат. лет., стр. 182—184.
91. Кн. Большого Чертежа, стр. 19, 20.
92. См. карту «Teatrum belli», 1737.
93. Ипат. лет., стр. 191—192, 204; ПСРЛ, 1, стр. 289, 291.

94. ПСРЛ, 1, стр. 284; Ипат. лет., стр. 188.
95. Ипат. лет., стр. 432.
96. Ипат. лет., стр. 364.
97. Ипат. лет., стр. 453.
98. Ипат. лет., стр. 425.
99. Ипат. лет., стр. 427.
100. ПСРЛ, IX, стр. 222.
101. ПСРЛ, 1, стр. 414.
102. ПСРЛ, 1, стр. 425.
103. Ипат. лет., стр. 381, 384, 452, 454; Беляев, стр. 82; Аристов, стр. 20; Барсов, стр. 275, 299.
104. Ипат. лет., стр. 451; Беляев, стр. 81.
105. Беляев, стр. 78, 80.
106. Ляскоронский, стр. 67, 74, 75.
107. Барсов, стр. 136—139.
108. Ипат. лет., стр. 186; Барсов, стр. 139, 144, 299.
109. Ипат. лет., стр. 356; Ляскоронский, стр. 17.
110. ПСРЛ, 1, стр. 249.
111. Ипат. лет., стр. 153—154.
112. Ипат. лет., стр. 450.
113. См. карту России Оппельмана, л. IX.
114. ПСРЛ, 1, стр. 326; Ипат. лет., стр. 227.
115. Барсов, стр. 143, 300; Ляскоронский. Саков отождествляет с местечком Соколки, или Соколов на Нижней Ворскле, но это мнение трудно принять, ввиду дальности расстояния Соколова от Переяславля, а именно равного почти 250 км, тогда как от Переяславля до Салкова всего 50 км. Ляскоронский, стр. 14—18.
116. ПСРЛ, 1, стр. 295, 303; Ипат. лет., стр. 208, 387.
117. Барсов, стр. 161, 162; Аристов, стр. 4.
118. Руссов А. А. Русские тракты в конце XVII и начале XVIII вв., с прилож. карты, Киев, 1877.
119. См. приложенную карту «Teatrum belli», 1737.
120. Ляскоронский, стр. 2.
121. Ляскоронский, стр. 3, 4, 24, 39, 40.
122. Кудряшов К. В. Русский исторический атлас, табл. VIII.
123. Там же.
124. Там же.
125. Там же.
126. ПСРЛ, 1, стр. 151.
127. ПСРЛ, 1, стр. 163.
128. Половцев называли также именем куман, коман, кипчаков, кунов, валанов, valven и blaven. Голубинский П. В. Об узах и половцах, ЖМНП, 1884, июль, стр. 5.
129. Ипат. лет., стр. 480.
130. Ипат. лет., стр. 204.
131. Ипат. лет., стр. 205.
132. Ипат. лет., стр. 218.
133. Ипат. лет., стр. 360.
134. Ипат. лет., стр. 360, 361.
135. Ипат. лет., стр. 368.





ВЫВОДЫ

Исследовательские попытки определить местонахождение хазарского города Саркела, упоминаемого в описании похода Святослава, имеют давнюю историю. Постепенно определились два основных взгляда по этому вопросу. До недавнего времени большинство исследователей, придерживаясь летописного описания путешествия Пимена по Дону в 1389 г., помещало Саркел в том месте Дона, где он сближается с Волгой. Другие ученые, опираясь на археологические данные, предлагали искать хазарскую крепость около станицы Цымлянской, где имеются два городища. В наши дни второе мнение поддерживают в своих печатных трудах профессор М. И. Артамонов и некоторые другие советские археологи.

1. Утверждение М. И. Артамонова, что Саркел строили не византийцы, а хазары, «без участия византийцев и не по византийским образцам», противоречит сообщению Константина Багрянородного. Вычисления же М. И. Артамонова относительно движения Пимена на Дону ошибочны и не могут быть приняты.

Чтобы подойти к решению вопросов о местоположении Саркела с достаточным обоснованием, необходимо приурочить к современной географической карте по возможности все географические пункты, упоминаемые в «Хождении» Пимена. Исследовав «Хождение» с этой стороны, надо прийти к заключению: а) что ни одно из Цымлянских городищ нельзя считать Саркелом; б) Саркел нужно искать на Дону примерно между устьем реки Вертячей и Ново-Григорьевской станицей.

2. Гипотезы Карамзина, Аристова, Лонгинова и В. А. Афанасьева относительно пути Игоря Северского в походе 1185 г. нельзя принять, ввиду противоречия с источниками и неправильности в вычислениях, сделанных авторами.

Местоположение реки Сальницы устанавливается по источникам точно: она впадала в Северский Донец между Изюмом и Изюмцем.

Река Сюурлий должна находиться южнее Сальницы, на расстоянии полуторадневного перехода от нее. «Суярлы» в переводе на русский язык обозначает место разветвления рек на рукава и притоки, а также вообще разлив воды. К месту слияния рек Голой Долины, Сухого и Казенного Торца вполне применимо понятие «Суярлы», так как в этом месте имеется не только разветвление рек, но наблюдается и разлив воды в виде пресноводного плеса, образуемого одним из рукавов Голой Долины.

Несмотря на некоторые данные в пользу отождествления реки Каялы с Кальмиусом, от него необходимо отказаться; невозможно допустить, чтобы северские полки могли пройти от Сухого Торца на юг к верховьям Кальмиуса около 80 верст в течение двух суток, что для древнерусской рати было неисполнимо. Кроме того, будучи окружены половцами, русские в субботу днем и во время наступившей затем ночи, согласно летописи, упорно пробивались с боем к Северскому Донцу, а не к Кальмиусу, иными словами—на север, а не на юг.

Можно считать Каялой реку Макастиху с ее каменистыми берегами и быстрым течением, впадающую в реку Голую Долину и протекающую вблизи Торских соляных озер. Среди этих озер надобно искать и то «езеро», около которого бился Всеволод.

Летописное сообщение о том, что во время бегства многие ковуи «в море истопоша», следует понимать в смысле «погибли в озере».

Путь Игоря во время бегства из половецкого плена может быть намечен лишь гадательно. Допустимо, что «Русский брод» (упоминаемый Татищевым), до которого в два дня доскакали Игорь с Лавором, загнав коней,—это брод через Северский Донец у Змиева.

3. В походе 1103 г. русские князья углубились в Половецкую степь до «Сутени». На основании географических и лингвистических данных летописную Сутень следует отождествить с рекой Молочной, впадающей в Азовское море.

4. «Место, нарицаемое Ерель, его же Русь зовет Угол» (упоминаемое в Ипатьевской летописи под 1183 г.), нельзя отождествлять с побережьем реки Орели, так как по смыслу летописного описания речь идет не о побережье, а об определенном «месте» на реке Орели. Изучение современных географических данных, а также карт Московии XVI—XVII вв. заставляет притти к выводу, что «место, нарицаемое Ерель», находилось там, где реки Днепр и Орель, сливаясь, образуют острый угол.

5. «Голубой лес», упоминаемый в описании русского похода на половцев в 1187 г., по своему названию с наибольшим

основанием может быть отнесен к такой растительности, как талышники, ива, верба, лоза, осокорь. Эти породы покрывают значительное пространство в районе нижнего течения Самары и на восток от Днепровской луки. В описании похода 1187 г., вероятно, имеется в виду Голубой лес, расположенный около деревни Голубовки, вблизи урочища «Зеленая Дуброва».

6. Солонный, или Солянный, путь XII в.; упоминаемый летописью под 1170 г., следует относить к путям, идущим от Киева на юг в причерноморские степи. Наиболее вероятно, что Солянный путь, начинаясь от Крымских соляных озер, шел к Днепру (на Каховку), затем вдоль Днепра, через переправу у Никитина Рога и далее, продолжаясь по правой стороне Днепра, сливался с общим направлением днепровского сухого пути на север.

Залозный путь XII в., уходя от Киева на юго-восток, отдалялся от Днепра ниже Канева, направляясь за «Лозы», расположенные на восток от Днепровской луки, выходил затем к устью Кальмнуса или Дона и выводил в Азовское море и далее в Тмутаракань. Таково вероятное направление этого пути.

7. Несмотря на неоднократные попытки исследователей определить путь русских в известном походе 1111 г. на половцев, до настоящего времени задачу нельзя считать решенной, ввиду расхождения в показаниях летописей. Воскресенская летопись говорит, что русские подошли «к Донови» в «пятую неделю» поста, Ипатьевская же утверждает, что это произошло в «шестую неделю». В действительности анализ этих летописных указаний приводит к выводу, что обе летописи, в сущности, говорят одно и то же, а именно: русские подошли «к Донови» 19 марта. Этой датой точно устанавливается количество дневных переходов от Переяславля «к Донови».

При определении пути похода 1111 г. наиболее вероятным представляется направление от Переяславля к переправе у Лукомля на реке Супое, отсюда через реку Хорол, через реку Псел у села Белоцерковки, через реку Голтву у села Решетилówki (место слияния Голтвы Грузской и Ольховой), отсюда к переправе через Ворсклу у Лтавы (Полтавы), затем вдоль реки Коломака к ее верховьям, вдоль Адалага и Можы к Змиевской переправе через Северский Донец, далее по левой стороне Донца к Сальнице и Изюмскому перевозу, вблизи устья реки Оскола.

Сопоставление географических и археологических данных в связи с количеством и величиной дневных переходов русского войска в походе 1111 г. дает основание половецкий город Шарукань приурочить к городищу около села Богородичного, а город Сугров отождествить с городищем возле

села Сидорова. Таким образом Шарукань и Сугров располагались вблизи Северского Донца.

8. Изучение историко-географических данных о Половецкой земле позволяет установить местонахождение нескольких центров половецких веж.

В степях, примыкавших к Черноморской луке, между Дунаем и Днепром кочевали «подунайские», или «лукоморские», половцы. По обе стороны Днепровской луки за порогами были становища половцев приднепровских, или запорожских. Крупный половецкий центр находился в бассейне реки Молочной, входя, очевидно, в состав половцев приморских, кочевавших от Днепра до Нижнего Дона по берегам Азовского моря. Между Орелью и Самарой, ближе к их устьям, лежали вежи половцев, которых по их местоположению относительно Киева можно назвать заорельскими. Между Северским Донцом и Тором, где находились города Шарукань, Сугров и Балин, размещались половцы донецкие. В бассейне Дона кочевали половцы донские. Наконец известны также половцы, обитавшие в степях Предкавказья.

9. На основании летописных данных можно наметить следующие основные направления русских походных путей в Половецкую степь в XII в.

а) По киевской стороне Днепра путь пролегал от Киева за реку Рось, по водоразделу между Гнилым Тикичем и Тясмином он шел через верховья Ингульца и Саксагани к Днепровской луке, к Хортичному острову, и через Протолчьи выходил на Сутень-Молочную. Ответвление этого пути поворачивало на юго-запад через верховья Ингула и переходило за Южный Буг; далее, пересекая в нижнем течении Чичаклею, вниз по Бугу, выводило к Черноморской луке.

б) По переяславской стороне Днепра путь шел через Переяславль вдоль Днепра, пересекая в нижнем течении Сулу, Псел, Ворсклу и Орель.

в) Из Северского Посемья путь шел по водоразделу между Донцом и Ворсклой к реке Мерлу и Можу с Адалагом в район Северского Донца и Нижнего Оскола; или же по водоразделу между Донцом и Осколом выводил к Изюмскому перевозу через Северский Донец.

г) Для походов суздальских и рязанских князей «на Дон» открывались пути по водоразделу между Осколом и Доном к нижнему течению Северского Донца; или же по водоразделу между Доном и Хопром к нижнему Дону.





Приложение первое

ДВЕ РУССКИЕ КАРТЫ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЕЙ И КРЫМА 1736—1737 гг.

I

Полное заглавие первой карты: «Teatrum belli anno MDCCXXXVII a milite augustae russorum imperatricis adversus Turcas Tattarosque gesti», т. е.: «Театр войны 1737 г., которую вела армия русской императрицы против турок и татар». Вторая карта озаглавлена: «Verus Chersonesi Tauricae seu Crimex conspectus adjacertium item regionum itinerisque ab exercitu rutheno anno MDCCXXXVI et MDCCXXXVII adversus tattaros suscepti», т. е.: «Точное описание Херсонеса Таврического или Крыма с прилегающими к нему областями и с указанием маршей российской армии 1736 и 1737 гг. против татар». Обе карты взаимно дополняют одна другую и сопровождаются подробными «Изъяснениями», на трех языках: русском, латинском и немецком¹. На карте «Teatrum belli» под заглавием отмечено, что она исполнена «in Acad. Scient. Petropol», т. е. по рукописям или подлинникам Петербургской Академии наук. Под заглавием карты «Verus Chersonesi» сказано более определенно: «editus ex autographis Carolia Frauentdorff centurionis in Acad. Scient. Petropolit», следовательно, она составлена по автографу Карла Фрауендорфа².

Согласно указанному «Изъяснению»³ источниками «Teatrum belli» послужили две «исправленные» карты, присланные Минихом и Ласси. Можно установить, что карте «Teatrum belli» предшествовали две более ранние карты на ту же тему, изданные на русском языке. Первая называется «Карта военных действий на Дону и Днепре... 1736 году. Гридорованная в С.-Петербурге при Академии наук». Вторая озаглавлена «Карта предпринятых в 1736 году от армееи... против турков и татар победоносных военных действий между Доном и Днепром и при оных реках»⁴. На обеих картах в центре территории придонских и причерноморских степей дана пояснительная надпись: «Места, в которых ногайские татары уже 25 лет кочевали». Между тем на соответственном месте карты «Teatrum belli» стоит та же по содержанию надпись: «Territorium a Nogaicis Tattaris 26 ab hinc annis habitatum»,

но цифра 25 изменена уже на 26, т. е. отмечено, что «Teatrum belli» составлена годом позже двух предыдущих⁵.

Первая карта страдает серьезными ошибками: так, например, вблизи Перекопа показаны впадающими в Азовское море рядом две отдельные реки с одинаковыми названиями: «Молочная» и «Молочные Воды», тогда как в действительности есть только одна река Молочная, она же и Молочные Воды; далее, имеются большие искажения конфигурации берегов Азовского моря и ряд других. Что касается второй карты, то она также не свободна от многих искажений, хотя составлена, видимо, несколько позже первой и по своему содержанию стоит ближе к «Teatrum belli».

Картографические ошибки на упомянутых картах 1736 г., очевидно, и послужили основанием к исправлению старых карт по данным, присланным от Миниха и Ласси и полученным, конечно, при непосредственном знакомстве с местностью во время похода. В результате этих исправлений, повидимому, и появилась новая карта «Teatrum belli», на которой действительно ряд ошибок предыдущей карты устранен, картографический материал положен на градусную сетку (конической проекции) и дано (впрочем, весьма примитивное) изображение рельефа по южному побережью Крыма и берегам Кубани.

Вновь составленная карта «Teatrum belli» также имеет существенные промахи: так, например, Оскол на ней показан впадающим в Северский Донец ниже Тора, а не выше, как это имеет место в действительности. На известной генеральной карте Украины, составленной Бопланом и изданной в 1650 г.⁶, направление Днепра в его среднем и нижнем течении изображено более правильно, чем это представлено на «Teatrum belli», но последняя превосходит карту Боплана большей подробностью картографического изображения и большей точностью в некоторых других своих частях, например, в конфигурации берегов Азовского моря.

Северная граница территории, представленной на «Teatrum belli», захватывает устье Сулы, впадающей в Днепр, южная — весь Крым, западная включает дельту Дуная и течение Днестра до крепости Хотина включительно, восточная заходит за устье Дона и Северского Донца.

На карте нанесены политические границы Польши, России и Турции; подробно представлена речная сеть с перечислением Днепровских порогов⁷, и нанесено значительное количество населенных пунктов. Нельзя не отметить также, что изображенная на карте украинская линия укреплений была построена в 1733—1735 гг.; следовательно, она впервые наносится на упомянутые выше карты, причем обозначены все



15 крепостей, составлявших линию: Борисоглебская, Маячка, Нехворощенка, Крутоярка, Новозачатая (*Nova Saczataja*), Десятая, крепость Иоанна, или Ивановская (Иван-Город), Девятая, Прасковейская (крепость Параскевы), Тройчатый Буерак, Беречка, Кизел, Лозовая, Бусовая, Донецкая.

«*Teatrum belli*» вместе с дополняющей ее картой «*Vegus Chersonesi*» представляет большой научный интерес, являясь одной из самых первых русских карт, дающих столь подробное картографическое изображение нижнего Поднепровья, причерноморских степей и Крымского полуострова.

II

Обе карты посвящены турецкой войне 1735—1739 гг., которую Россия вела в союзе с Австрией. Ввиду этого здесь уместно напомнить некоторые факты из турецкой кампании, которые имели свое отражение на указанных картах.

Война началась осенью 1735 г. неудачным походом генерала Леонтьева⁸, который, разгромив около реки Конских Вод аулы ногайских татар, далее продвинуться не мог вследствие наступившего бездорожья и падежа лошадей. 1736 г. был более удачен. Генерал-фельдмаршал Ласси⁹ осадил Азов и принудил его к сдаче 19 июня. На западном театре военных действий генерал-фельдмаршал Миних¹⁰ дошел до Перекопа, 22 мая взял Перекопскую крепость и, вступив в Крым, дошел до Козлова¹¹, который при приближении русских был покинут. Захваченные там большие запасы продовольствия дали возможность русской армии продолжить поход до самого Бахчисарая, который после победы 17 июня над татарами и был взят. Большая убыль в войсках из-за болезней, возникших вследствие недостатка воды и изнурительного зноя, сделали дальнейшее продолжение похода невозможным, и Миних от Бахчисарая вернулся через Перекоп на украинскую линию. Указанный маршрут Миниха нанесен на карте.

В 1737 г. во главе первой дивизии Миних переправился через Днепр у Мишурина Рога, несколько выше Переволочны. Одновременно вторая дивизия перешла Днепр у Власовки выше Кременчуга. Третья переправилась около устья Орели. Соединившись у реки Омельник, вся армия двинулась к нижнему течению Буга, пройдя последовательно притоки Ингульца—Березовку, Бешку (Бишку), Верблюжий Буерак (ныне Верблюжка), следуя затем вдоль реки Каменки, переправилась через Ингул, его приток Сугаклею, далее через верховья Мертвых вод и притоки ее Костовату и Гарбузину (Арбузинка), подошла к Южному Бугу. Переправившись через него

и следуя вниз по его течению, армия достигла крепости Очакова, который 2-го (12-го) июля был взят штурмом (после взрыва в крепости порохового погреба, погубившего около 6 000 турок). Наступившие эпидемические заболевания в русской армии и на этот раз заставили прекратить поход. Оставив в Очакове восьмитысячный русский гарнизон, Миних вернулся на зимние квартиры в Украину. Маршрут Миниха в 1737 г. показан на «Teatrum belli».

Между тем Ласси, выступив из Азова 3 мая, соединился у Миусского лимана с корпусом генерала Дугласа и двинулся в Крым побережьем Азовского моря, переправляясь через встречающиеся на пути реки: Миус, Кальмиус, Берду, Молочные Воды и др. Около Геничи (Геническ) он переправился на Арабатскую косу, а с нее через Гнилое море вошел в Крым и направился к Карасу-Базару. Разбив татар в сражениях 12 и 14 июля, Ласси взял Карасу-Базар, но ввиду недостатка воды, продовольствия и конского фуража, вернулся к Молочным Водам, избрав для отступления путь прямо на север, минуя Арабатскую косу и перейдя Гнилое море на запад от Геническа. Маршрут Ласси нанесен на обеих картах.

„ИЗЪЯСНЕНИЕ“

Изъяснение двух при Академии наук гридированных операционных карт, из которых одна имеет титул *Teatrum belli* или театр оной войны, которую императорская российская армия против турок и татар в 1737 году имела. А другая *Verus Chersonesi-Tauricae seu Crimex Conspectus*, то есть подлинное описание полуострова Крыма с лежащими около его местами и со учиненными в 1736 и 1737 годах от российской армии против татар маршами.

Первая составлена из двух от господ генерал-фельдмаршалов, а именно от его сиятельства графа фон Миниха и от его превосходительства господина фон Лессиа (Ласси.—К. К.) присланных исправленных карт, а вторая для того прибавлена, дабы из оной подлинное положение Крыма, Азовского моря, знатнейших рек в Кубани и маршруты обоих господ генерал-фельдмаршалов усмотреть можно было.

На помянутых картах случающиеся слова значат следующее:

А. Мост у Мишурного Рогу¹² на Днепре, чрез которой первая дивизия, обретающаяся под командою его высокографского сиятельства генерала-фельдмаршала графа фон Миниха армии, переправлялась.

В. Переправа у Власовки, где вторая дивизия через Днепр переходила.

С. Переправа при Орле ¹³, где третья дивизия переходила.

Д. Генеральное собрание армии при реке Омельнике ¹⁴ в первых числах мая 1737 году.

Е. Марш вторья дивизии от Власовки к месту генерального собрания армии.

Ф. Марш третья дивизии к тому же месту.

Г. Марш от реки Омельника через Буг, в которой армия вступила 11 мая, а окончила 15 июля по старому стилю.

Н. Марш армии от переправы через Буг до Очакова, куда она прибыла 29 июня по старому стилю.

Ж. Город Очаков ¹⁵ взят штурмом 2 июля.

К. Кинбурн, в которой российской гарнизон введен 23 июля.

Л. Марш армии от Очакова до Зик-Заклея.

М. Ретраншемент у Андреевского, куда часть флотилии прибыла.

Н. Два моста через Буг, по которым армия 30 числа июля с Ингульской стороны переходила.

О. Место собрания бывшей под командою его превосходительства господина генерала-фельдмаршала фон Лессиа армии у реки Миуса против крепости Павловской.

Р. Марш корпуса под командою генерала-лейтенанта графа Дугласа ¹⁶.

Q. Для лучшей коммуникации при реке большом Уланчике ¹⁷ сделанной редут.

Р. Другой редут при реке Калмиус.

С. Первой рандеву армии с флотилией при реке Калмиус.

Т. Редут при реке Берде.

У. Тракт, которым армия вниз по реке Берде марширует.

V. Тракт, которым кавалерия подле реки Берды шла.

W. Второе место собрания армии с флотилиею при реке Берде.

У. Редут на устье Берды реки.

Z. Редут при реке Бердинке.

а. Штерн-шанц при реке Молошных Вод, где бывшие при армии больные оставлены.

б. Ретраншемент.

с. Шанцы при реке Геничи, которые шанцы так же, как и вышеописанной ретраншемент, для прикрытия мосту и флотилии сделаны.

d. Третье место собрания армии при реке Геничи.

е. На судах через реку Геничи сделанной и из 45 лодок состоящий мост.

ф. Соединение армии с сыном калмыцкого хана Дундук-Омбо-Голдонарми и с обретающимися при нем улусами.

г. Место, при котором императорская российская флотилия 29 июня прошлого году с турецким флотом на море баталию имела, отчего турки вскоре ретировались.

h. Форпосты донских казаков, с которых так же, как и с одного военного корабля, по турецким галерам сильная пальба из пушек учинена.

i. От Азовского до Гнилого моря к Арабату проведенная линия, которая во время переправления армии для прикрытия багажа служила.

к. Место, где господин генерал-фельдмаршал Лессиа с армиею и с артиллери(е)ю посредством пустых бочек и 15 казачьих лодок через Гнилое море в Крым вошел, причем кавалерия на своих, а инфантерия на казачьих лошадях вплавь переправилась.

l. Место, где турецкой флот 1 числа июля прошлого году для защищения Арабацкой линии на якоре стоял.

m. Турецкой лагерь, который 3 числа июля при Арабате стоял.

n. Место, у которого стоял татарский хан с турецкою и татарскою армиею для препятствия переходу через реку Карас¹⁸, но от оного 12 числа июля назад в горы прогнан.

o. Во время марша к городу Карас-Базару, из бывшего при армии багажа, сделанной вагенбург¹⁹.

p. Турецкой лагерь, которой при Карас-Базаре в то время стоял, как сей город от российской армии выжжен.

q. Место, где турки атакованы и потом ретироваться принуждены.

r. Место, где турецкое и татарское войско при следовании из Крыма на российскую армию нападение учинило, только от оных прогнано.

s. Ретраншемент при Шунгаре²⁰ для прикрытия мостов.

t. Лодошной мост, по которому армия, возвращаясь из Крыму, переходила.

u. Место, где наша флотилия от турецкого флота атакована.

v. Турецкой флот.

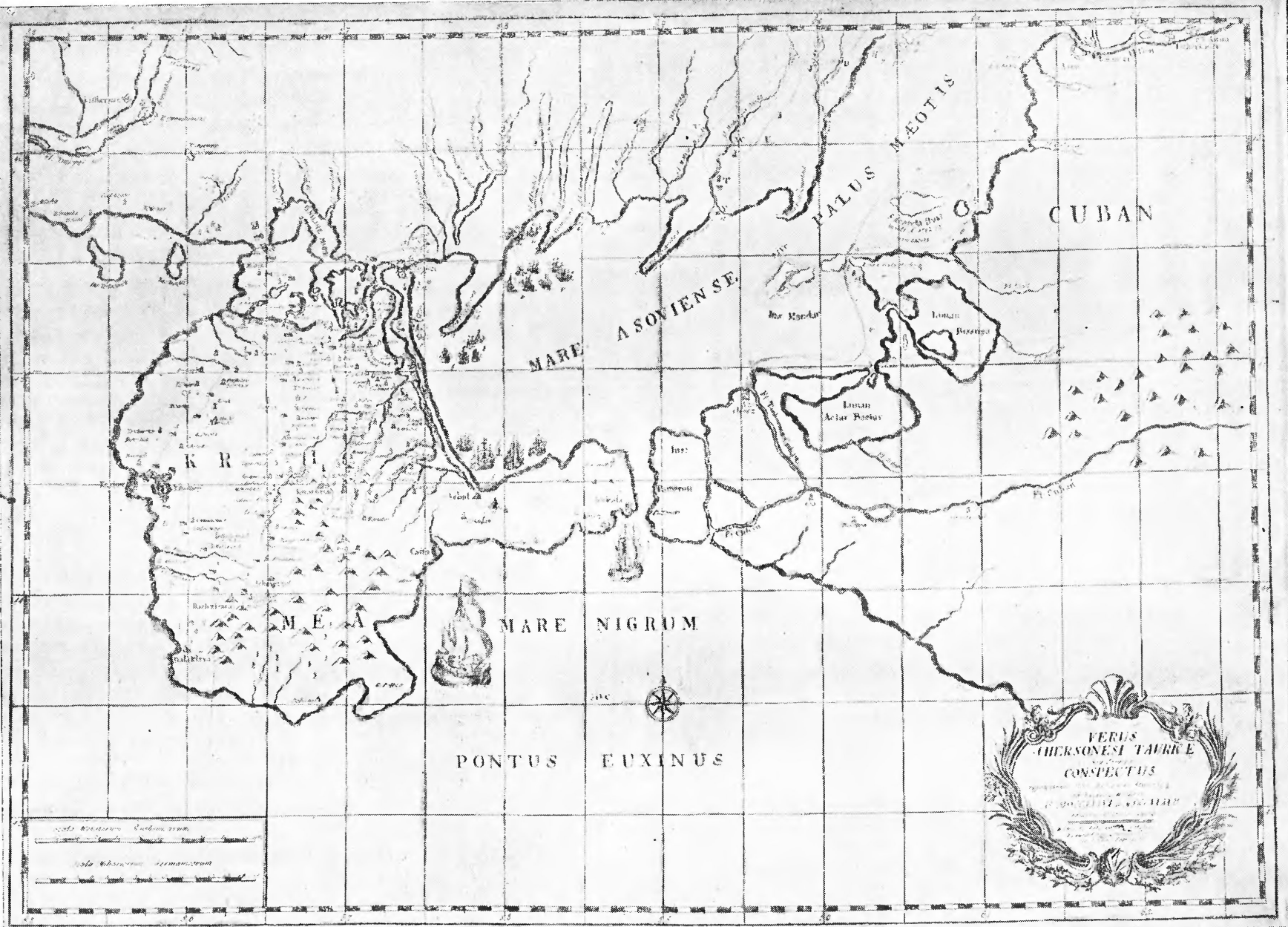
w. Марш гарнизона из Азова в Ахцуз²¹.

x. Вступление генерала-фельдмаршала фон Миниха в Крым 1736 году.

y. Возвращение из Крыма в том же году.

Описание рек

Морской Чулик²². Имеет мало воды, устье сея реки песком занесено, по берегам корму довольно, только лесу мало.



Замбек, или **Асламбек**²³. Хотя сия река неглубока, только воду изрядную имеет. Устье ее также песком занесено. По берегам находятся луга, а лесу мало, подле сея реки ломали камень на строение крепости Таган-рога.

Миус. Имеет чистую воду, а по берегам хороший корм; в устье сея реки только такие суда могут пройти, которые с небольшим на три фута в воде ходят. Вверх по реке 12 верст от Павловского находится небольшой прутняк, а 20 верст далее растет дуб, клен, буквое дерево и другой большой лес.

Носова²⁴. Небольшая речка, у которой по берегам корму довольно, только лесу мало.

Иланчик²⁵. Сим именем две реки называются, которые обе здоровую воду и в угодьях своих лесу довольно имеют.

Калмиус²⁶. Имеет чистую воду и довольство рыбы. В устье сея реки воды больше не будет как на три фута. В сию реку впала речка Холчик, которая добрую воду и довольно рыбы имеет.

Берда²⁷. В ней грунт весьма каменистой, а по берегам корму мало, устье широко, но песком занесено, которое хотя на 15 сажен в море и прорыли, токмо потом из одного вода в море так сильно выбежала, что только одни лодки или небольшие шлюпки ходить могут.

Бердинка²⁸. Состоит из скопляющейся с высоких мест воды, корму имеет довольно, только безлесна.

Молошние Воды²⁹. Имеет добрую воду и довольно рыбы, она вышла из моря и 30 верст от одного в землю вбирается. При возвращении из Крыму имела вода сия реки дух тяжелый и вкус противной.

Молошный Утлюк и Любезной Утлюк³⁰. Обе сии реки из небольших озер вышли, в их угодьях корму довольно, только лесов мало. Вниз по реке Любезному Утлюку вода солонa, а вверх пресна; вода в обеих помянутых реках при возвращении армии из Крыму имела дух противной и вкус нездоровой.

Енизагач³¹. Имеет соленую воду и по берегам довольно корму.

Сто Колодзей³². В разных местах выкопанные ямы, которые соленую и минеральную воду имеют.

Геничи³³. У сего места только одна коммуникация Гнилого с Черным морем. Сия морская узость имеет глубины от Азовского моря от 5 до 7 футов, а что ближе к Гнилому морю, то мельче.

Примечания

1. Оригиналы карт, с которых сняты прилагаемые здесь копии, вместе с приложенным к ним «Изъяснением», хранятся в Картографическом отделе Библиотеки Академии наук, см. № 3870 (*Vetus Chersopesi*), 3878 (*Teatrum belli*) и 3871 («Изъяснения»).

2. Карл Фрауендорф, ген.-майор, иркутский губернатор 1762—1767.

3. В картогр. отд. Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде имеется экземпляр «Изъяснения» с незначительными уклонениями в орфографии от экземпляра в БАН; следовательно, «Изъяснение» переиздавалось.

4. Хранится в Картогр. отд. БАН, под № 3872 и № 8436.

5. На 1-й карте посередине территории Кубанских степей стоит надпись: «Кубань, куда Краснощекой с донскими казаками 4 дня апреля в поход отправился и где он с кабардинцами и теркисками соединиться намерен». По протоколам военного совещания при Минихе в крепости Анны за 1736 г. вопрос о походе на Кубань старшины Донского войска Ивана Краснощекова обсуждался 9 марта. С другой стороны, маршрут Миниха в 1736 г. на карте оборван уже за порогами Днестра, дальнейшая и важнейшая часть маршрута (Перекоп, Козлов, Бахчисарай), падающая на конец мая, июнь, июль, еще не нанесена. Можно поэтому считать, что карта эта составлена по данным, примерно, на апрель — май 1736 г. См. протоколы военного совещания «Рассуждение 9 марта 1736 года в крепости св. Анны». Военно-истор. матер. XIII. Всеподданнейшие донесения Миниха, ч. III, СПб., 1908. стр. 309—311.

6. Карта *Боплана* «*Typus Generalis Ukrainae sive palatinatum Podoliae Kioviensis et Braczlaviensis, terras nova delinlatione exhibens*» воспроизведена В. Г. Ляскоронским в его труде «Гильом Левассер-де-Боплан и его историко-географические труды относительно южной России», Киев, 1901; см. также Кордт В. Материалы по ист. русск. картогр., вып. 1, Киев, 1899, табл. XXXII.

7. Названы следующие пороги: Кодак, Сурский, Лоханский (Лухан), Звонец, Вольный, Ненасытец, Синяя Лука (*Sinaluka*), лав. лженой (*Sowoljhenoi*), Будитко, Лишний, или Личный, Вольный, Стерник, Забора.

8. Леонтьев М. И., киев. ген.-губ., в 1735 г. совершил упомянутый здесь неудачный поход в Крым, в 1736 г. овладел Кинбурном.

9. Ласси П. П., граф, русский ген.-фельдм. (1678—1751); в турецкой войне (1736—1737) начальник отдельного корпуса, главнокомандующий русской армией в шведскую войну (1742—1743).

10. Бурхад Христофор фон Миних, русский фельдм. (1683—1767), в 1740 г. совершил переворот в пользу Анны Леопольдовны, арестовав Бирона; при воцарении Елизаветы сослан в Пелым, откуда возвращен Петром III в 1762 г.; при Екатерине II был начальником балтийских портов.

О войне 1735—1739 гг. см. журналы фельдмаршала Ласси и Миниха о военных операциях с 1733 по 1737 г., сборн. Военно-истор. мат., вып. III, X, XI, XIII и пр.; Бэйов А. Русская армия в царствование Анны Ивановны; Война России с Турцией в 1736—1739 гг., тт. I—III с приложением карт de Keralio, *Histoire de la guerre des Russes et des impériaux contre les Turcs*, tt. I—II, Paris 1780, и др.

11. Так была названа русскими турецкая крепость Гезлеве, существовавшая еще в конце XV в.

12. Мишурип Рог — известная переправа через Днепр, упоминается уже во второй половине XVI в.; в 1687 г. пежалована запорожцам и

считалась у них одной из главнейших переправ, доставляя запорожцам до 12 тыс. руб. ежегодного сбора. При устройстве Новой Сербии в 1751 г. здесь находился ретраншемент ново-казачьего полка и сооружена была земляная крепость.

13. Река Орель — летописная река Ерель, или Угла, Угол.

14. Имеются две реки с названием Омельник, из которых более северная на данной карте обозначена и надписана; через нее проходила вторая дивизия. Второй Омельник, несколько южнее первого, на карте обозначен, но не надписан; именно на нем соединились все дивизии; он впадает в Днепр с правой стороны, немного ниже устья Ворсклы. Следует иметь в виду, что литера «D», которая упомянута в «Изъяснении», на карте отсутствует.

15. Поселение на месте Очакова известно с древнего времени. Здесь, как полагают, находилась греческая крепость Алектор. На итальянских картах XIV в., вместо обозначения населенного пункта, окрестности Очакова отмечены надписью: «flor di litto», т. е. местность, поросшая ирисом. Крымский хан Менгли-Гирей в 1492 г. основал здесь укрепление Кара-Кермен, или (по имени реки) Узу-Кале. В XVI в. крепость становится центром турецких владений между низовьями Днепра и Днестра и подвергается неоднократным нападениям со стороны Польши, запорожцев и Московского государства; так, например, в 1556 г. Очаков был взят московской ратью; через два года Очаковскую область разорил воевода Даниил Адашев. После 1711 г. с переходом запорожцев под турецкое покровительство для Очакова наступило более спокойное время и стало возвышаться его торговое значение. В 1737 г. Очаков взят Минихом, но в следующем году был русскими разрушен и оставлен, а в 1739 г. возвращен Турции. В 1788 г. он опять был взят русскими во время второй Турецкой кампании и в 1791 г. по Ясскому миру остался за Россией. В 1855 г. во время Крымской кампании крепостные укрепления были разрушены самими русскими ввиду невозможности противостоять сильной эскадре союзников.

16. Дуглас, швед по происхождению, ген.-лейт. русской службы, во время Полтавской битвы был взят в плен и поступил на русскую службу; участвовал во взятии Азова в 1736 г. и в военных действиях в Крыму 1737 г.; будучи губернатором Ревеля, при Анне Ивановне подвергался обвинению в изменнической переписке со Швецией.

17. Ныне Грузской Еланчик.

18. Ныне Биюк-Карасу, приток Салгира, впадающего в Гнилое море.

19. Особый строй военного образца, когда для обороны пехота окружала себя повозками, обращая их запряжками внутрь, стараясь примкнуть одной или двумя сторонами к естественной преграде; артиллерия при этом размещалась на углах, а конница — вне обоза. Аналогичный вид подобных укреплений в Московском государстве назывался «гуляй-город».

20. Чонгар — полуостров в северной части Крыма, отделяющий западную часть Гнилого моря от восточной.

21. Ачуев — селение при устье Черного Протока, рукава Кубани.

22. Морской Чулек впадает в Азовское море у северного угла дельты Дона.

23. Самбек (его верховья — Мокрый и Сухой Самбек) — впадает в Азовское море в нескольких километрах восточнее Таганрога.

24. Носова — маленькая речка, впадающая в Миусский лиман.

25. На запад от Миусского лимана в последовательном порядке в Азовское море впадают: Сухой Еланчик, Средний Еланчик, Грузской Еланчик (соответствующий Большому Еланчику на описываемой карте).

26. Кальмиус с притоком Кальчик.

27. Берда (с притоком Караташ) соответствует Большой Берде на описываемой карте.

28. Бердянка — ныне река Обиточная (с притоком Кильтичия).

29. Ныне Молочная река.

30. Ныне Малый и Большой Утлюк; впадают в Утлюцкий лиман.

31. В небольшое озеро Сиваш, расположенное около Утлюцкого лимана, впадает рядом с рекой Атманаем другая речка Эльниз-Агач, на которой стоит Ново-Григорьевка (Горки, Эльниз-Агач).

32. Так называется урочище недалеко от Геническа.

33. Пристань Геническ, иначе Еничи, Тонкая, или Усть-Азовск стоит при узком Геническом проливе, соединяющем Гнилое море с Азовским.





Приложение второе

„ХОЖДЕНИЕ ПИМЕНОВО В ЦАРЬГРАД“

Тоя же весны Пимин митрополит втретѣи поиде в Царьград к патриарху, а с ним Михаил владыка Смоленский, да Сергей архимандрит Спасский, да старцы его, и слуги, и протопоп и протодьякон и иные священники и дьяконы. Бысть же начало пути тому от града Москвы месяца априля в 13 день, в великий вторник Страстные недели. Князь великий же Дмитрий Иванович понегодоваше на митрополита о сем, яко без его совета поиде, бе бо и распря некаа промежь их. И сице сотворися шествие, и повеле митрополит Пимин Михаилу владыце Смоленскому, да Сергию архимандриту Спасскому, и всякождо, аще кто хочет, писати сего пути шествование все, како поидоша, и где что случися или хто возвратится, или не возвратится вспять; мы же сиа вся писахом. И сице поидохом от Москвы, якоже наперед писахом, и приидохом на Коломну в субботу в великую, а в святую неделю Пасхы поидохом к Рязани по реце по Оке и приспехом к Перевитску, и ту срете нас Еремей епископ Рязаньский Гречин. И приближшимся нам ко граду Переславлю, и сretoша нас сынове великого князя Олга Ивановича Рязаньского; и тем отшедшим и нам мало от своего места прешедшим; и срете нас с великого любовию сам князь велики Олег Ивановичь, и з детми своими, и з бояры. И пришедши нам ко граду Переславлю, и сretoша нас со кресты; пришед же митрополит в соборную церковь, и молебнаа совършив, и пирова у великого князя, и честь многу приат; и сице безпрестани чествоваше нас со своим епископом Еремеем Гречином. Таже исходящим нам отгуду, проводи нас сам князь велики Олег Ивановичь Рязаньский и з детми своими, и з бояры, с многою честию и с любовию. Таже целовавшеся, разлучихомся; он возвратися ко граду, мы же поидохом напред; и отпусти с нами боярина своего Станислава с довольною дружиною, повеле нас проводитьи до реки до Дону, с великим опасением, розбоя деля. Проводиша же нас тогда епископи мнози: Феодор Ростовский, Ефросин Суждальский,

Еремей Гречин епископ Рязаньский, Исакий епископ Черниговский, Данило епископ Звенигородский, и архимандрити, и игумени, и иноци. По идохом же от Переславля Рязаньского в неделю Фомину. Провадиша же с нами и три струги, да насад на колесах; в четверток же приидохом к реце Дону и спустихом суды на реку на Дон. И в второй день приидохом до Чюр Михайловых; сие бо тамо тако нарицаемо есть место, некогда бо тамо и град был бяше, и ту утешение взявше и о господе целование сотворше, и с радостию и со умилением проводиша нас епископи, и архимандрити, и игумени, и священники, и иноци, и бояре великого князя Олга Ивановичя Рязаньского, целовавшеся вси целованием святым, и от того места возвратишася в свояси.

Мы же в неделю святых мироносиц оттуда с Пименом митрополитом вси поидоша: Михайло епископ Смоленский, и Сергей архимандрит Спасский, и протопопи, и протодякони, и священники, и иноци, и слуги, влезше в суды, и поплыхом рекою Доном на низ. Бысть же сие путное шествие печально и уныливо, бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села; аще бо и быша древле грады красны и нарочиты зело видением места, точию пусто же все и не населено; нигде бо видети человека, точию пустыни велиа, и зверей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медведи, бобры, птицы, орлы, гуси, лебеди, жарави, и прочая; и бяше все пустыни великиа. В второй же день речнаго плавания минухом две реце, Мечю и Сосну; в третий же день проидохом Острую Луку; в четвертый же день проидохом Кривой Бор; в шестый же день приспехом до усть — Воронежа реки. Наутрие же в неделю, на память святаго чудотворца Николы, приеде к нам князь Юрьи Елецкий з бояры своими и со многими людьми; посла бо к нему вестника князь велики Олег Ивановичь Рязаньский, он же сотвори повеленное и воздаде нам честь, и радость, и утешение велие. Оттуда же приплыхом к Тихой Сосне и видехом столпы камни белы, дивно же и красно стоят рядом, яко стози малы, белы же и светли зело, над рекою над Сосною. Также минухом и Черленый Яр реку, и Бетюк реку, и Похорь реку. В неделю же пятую, о Самаряныне, минухом пловуще реку Медведицу, и Горы Высокия реку, и Белый Яр реку. В понедельник же пловуще минухом горы каменыя красныя, во вторник же Серклию (Терклию) град минухом пловуще, не град же убо, но точию городище; также и Перевоз минухом и тамо обретохом первые Татар много зело, якоже лист и якоже песок. В среду же пловуще минухом Великую Луку и царев Сарыхозин улус; и тако оттуду начя нас страх обдержати, яко внидохом в землю Татарскую, их же множе-

ство обapol Дона реки, аки песок. В четверток же плывуще минухом Бек-Булатов улус, стада же Татарския видехом толико множество якоже ум превосходящъ: овцы, козы, волы, верблюды, кони. Таже в пяток минухом Червленые горы; в неделю же шестую, Слепого, плывуще минухом Ак-Бугин улус, и ту многое множество Татар, и всяких скот стады без числа много. От Татаръ же никтоже нас пообиде, точию, воспросиша ны везде, мы же отвещахом, и они слышавше, ничтоже нам пакости творяху, и млеко нам даяху, и сиче с миром в тишине плавахом. В понедельник же проидохом Бузук реку. Канун в вознесенъева дни приспехом плывуще до моря, града Азова¹.

¹ ПСРЛ. т. XI, СПб., 1897, стр. 95—96.



Приложение третье

Таблица расстояний между устьями притоков Дона

Расстояние от устья притока
до устья Дона в км (по ма-
териалам ДКУРТ)¹

Наименование
притоков Дона

1902	Непрядва
1805	Вязовая
1740	Красивая Меча
1701	Быстрая Сосна
1609	Богатая Снова
1523	Ведуга
1495	Верхняя Девица
1474	Воронеж
1411	Хворостань
1393	Нижняя Девица
1380	Потудонь
1367	Тихая Сосна
1326	Икорец
1263	Битюг
1226	Осеред
1170	Черная Калитва
1088	Богучар
1072	Подгорная
1011	Сухая Песковатка
975	Тихая
890	Елань
888	Хопер
854	Медведица
766	Сухая Перекопка
675	Иловля
667	Тишанка
655	Сакарка
625	Песковатка
495	Чир
185	Северский Донец

¹ ДКУРТ — Доно-Кубанское управление речного транспорта. См. „Справочник по водным ресурсам СССР“, т. VI, Донской район, стр. 92.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Аристов—Аристов Н. О земле половецкой (историко-географический очерк), Киев, 1877.

Голубовский—Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, Киев, 1884.

Ляскоронский—Ляскоронский В. Г. Русские походы в степи, в удельно-вечевое время, СПб., 1907.

«Слово»—«Слово о полку Игореве», перевод и примечания В. А. Келтуяла, Гиз, 1930, изд. 3-е.

Татищев—Татищев. История Российская с самых древнейших времен, Москва, 1774.

«Россия»—«Россия, полное географическое описание нашего отечества», под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского, СПб., изд. Девриена.

Середонин—Середонин С. М. Историческая география, П., 1916.

Барсов—Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии, Варшава, 1885.

Соловьев—Соловьев С. М. История России с древнейших времен, изд. «Общественная польза».

Лонгинов—Лонгинов А. В. Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году, Одесса, 1892.

Афанасьев—Афанасьев В. А. Вероятный путь князя Игоря Северского на половцев в 1185 г. «Исторический журнал», 1939, № 6.

Спицын—Спицын А. А. Торговые пути Киевской Руси.

Иловайский—Иловайский Д. П. Разыскания о начале Руси, изд. 2-е, М., 1882.

Артамонов—Артамонов М. И. Средневековые поселения на нижнем Дону, ОГИЗ, 1935.

Карамзин—Карамзин Н. М. История государства Российского изд. Смирдина, СПб., 1852.

Поляков—Поляков Б. В. Гидрология басс. р. Дона, Ростов-на-Дону, 1930.

ПСРЛ—полное собрание русских летописей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
От автора	5
1. Местоположение Саркела и „Хождение“ Пимена по Дону в 1389 г.	9
2. „Слово о полку Игореве“	42
3. Половецкая Сутень	91
4. Место, нарицаемое Ерель	96
5. Голубой лес	100
6. Солоний и Залозный путь	103
7. Поход Владимира Мономаха в Половецкую землю 1111 г.	112
8. Половецкая степь XII в.	123
В ы в о д ы	143

Приложения

1. Две русские карты причерноморских степей 1736 и 1737 гг.	147
2. „Хождение Пименово в Царьград“	157
3. Таблица расстояний между устьями притоков Дона	160

Редактор *М. Т. Сперанская*
Редактор карт *А. М. Оленев*
Технич. редактор *С. М. Кошелева*
Рисунки художника *П. Ф. Никунда*

Сдано в п-во 19/IV-48 г. Подписано к
печати 26/VIII-48 г. Формат бум. $60 \times 92/_{16}$.
Тираж 10 000 экз. Печат. лист. $10\frac{1}{4}$ п. л. +
3 вкл. Учетно-изд. л. 10,9. Цена 5 р. 45 к.

6-я тип. треста „Полиграфкнига“ ОГИЗ
при Совете Министров РСФСР.
Москва, 1-й Самотечный, 17.